

18506

~~1290~~

211-3-14

512
14

Б17
С3450с

ОЧЕРКЪ

СЛУЖБЫ

№ 1го

Сибирскаго казачьяго

ЕРМАКА ТИМОФЕЕВА

ПОЛКА.

Симонъ

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и №, Пименовск. ул., соб. домъ.
1901.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стран.</i>
На Прѣсногорьковской линіи и въ Киргизской степи	1
На среднеазиатской границѣ	22
Въ Хивинскомъ походѣ	31
Наканунѣ коканской войны	54
Въ Коканскомъ походѣ	67
Андижанъ-Хакихаватъ	84
Въ зимнемъ походѣ	93
Въ Джамскомъ походѣ	105
Въ Кульджинскомъ походѣ	114
Въ Оккупационномъ отрядѣ	130
На китайской границѣ	147
Посѣщеніе войска Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ	172
Высочайшія грамоты.	

Слѣдъ составителя.

Въ 1887 году полковникъ Г. Е. Катанаевъ, собирая матеріаль для Исторіи Сибирскаго казачьяго войска, обратился между прочимъ и ко мнѣ съ нѣкоторыми вопросами, относящимися до службы Ермака Тимоѣева полка.

Исполняя его просьбу и найдя много небезынтереснаго для будущаго составителя Исторіи войска вообще и полка въ частности, я рѣшилъ привести въ систему всѣ добытыя мной свѣдѣнія. Къ этому побуждало меня еще и то обстоятельство, что какъ бы ни была обширна программа Исторіи войска, но и она не можетъ взять на свои страницы очень многого изъ жизни полка, а между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ Исторіи і полка, служебная дѣятельность котораго обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Начиная съ первыхъ дней движенія русскихъ въ глубь Азіи, казаки Ермака Тимоѣева полка принимали самое дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ походахъ. Гдѣ только за это время они ни побывали въ составѣ отрядовъ или отдѣльныхъ командъ. Въ Акмолинской и Семирѣченской областяхъ нѣтъ, кажется, уголка, который не былъ бы имъ хорошо извѣстенъ; они извѣздили по всѣмъ направленіямъ Сыръ-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую области, побывали въ хивинскихъ и туркменскихъ степяхъ.

чуть не на самой границѣ Персіи, были и въ Бухарѣ, и Кашгарѣ, даже проникали въ нагорный Кафиристанъ. Въ послѣднее время они отлично изучили нашу границу съ западнымъ Китаемъ, не разъ посѣтивъ и пограничныя провинціи Поднебесной имперіи.

Такая дѣятельность полка за вѣковой періодъ его мирной и боевой жизни не можетъ ни обращать на себя вниманіе.

При составленіи очерка, кромѣ замѣтокъ и личныхъ воспоминаній, я имѣлъ возможность руководствоваться только тѣмъ матеріаломъ, который былъ отысканъ мной въ бібліотекахъ и архивахъ штаба 1 полка и въ управленіи атамана I отдѣла. Всѣ эти источники указаны въ особомъ примѣчаніи.

15-го октября 1899 года.

Ст. Кокчетавская.

На Прѣсногорьковской линіи и въ Киргизской степи.

Въ 1808 году, 19 августа, послѣдовало Высочайшее повелѣніе образовать въ Сибирскомъ Линейномъ казначействѣ войскѣ 10 конныхъ полковъ пятисотеннаго состава, по 3 офицера, 47 урядниковъ, писаря и фельдшера въ каждомъ, и двѣ конно-артиллерійскихъ роты по 12-ти орудій.

Первый полкъ тогда занималъ редуты и крѣпости отъ нынѣшняго поселка Сибирскаго до Кладбинскаго, имѣя полковую штабъ-квартиру въ крѣпости Прѣсногорьковской.

Появленіе казаковъ на этой линіи относится къ 1753 году, когда здѣсь были заложены крѣпости *Прѣсногорьковская*, *Кабановская* и *Прѣсновская**).

Названіе „крѣпость“ тогда означало простое поселеніе, огороженное бревенчатымъ частоколомъ и обнесенное рогатками.

Только въ послѣдующіе годы эти поселенія стали обносить глубокими рвами и насыпными брустверами, остатки которыхъ и до сихъ поръ хорошо сохранились.

Для постройки крѣпостей и для службы на Прѣсногорьковской линіи было вызвано съ Иртышской и

*) Въ это же время были заложены Становская, Петропавловская, Полуденная, Лебяжья, Николаевская и Покровская крѣпости, гдѣ теперь казачьи поселки, причисленные ко 2-му отдѣлу.

Ишимекой*) до 3500 казаковъ и служилыхъ людей. Однако скоро обнаружилось, что для охраны этой линіи недостаточно трехтысячнаго войска, почему стали направлять изъ Россіи въ сибирь драгунскіе полки и высылать съ Дона и Урала казаковъ на двухлѣтнюю службу.

Въ 1797 году перечислено въ казаки 2000 солдатскихъ дѣтей.¹⁾

Все эти пришлые люди, одни добровольно, другіе по жребію, а иные распоряженіемъ начальства, водворялись на жительство у крѣпостей и впоследствии образовали рядъ казачьихъ поселеній, которыя въ настоящее время, въ районѣ № 1-го отдѣла, вошли въ составъ Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ. Эта линія, на всемъ своемъ протяженіи, отъ границы Оренбургской губерніи и до г. Омска, представляетъ равнину и тянется узкой полосой, изрѣзанной множествомъ соленыхъ, горькихъ и прѣсныхъ озеръ, что и послужило къ наименованію ея Прѣсногорьковской. Грунтъ земли здѣсь мѣстами черноземный, мѣстами солонцевато-глинистый. Растительность состоитъ изъ рошъ березы, иногда перемѣшанной съ осиной. Сѣнокосы—всюду по берегамъ озеръ и возлѣ лѣсовъ. Къ неудобствамъ осѣдлой жизни въ этой мѣстности слѣдуетъ отнести: недостатокъ хорошей воды, отсутствіе строевого лѣса и нерѣдкіе падежи лошадей отъ сибирской язвы, а рогатаго скота—отъ чумы.²⁾

Въ 1770 году было зачислено въ войско 138 запорожскихъ казаковъ, которые во имя Православной вѣры и русскаго народа производили безпорядки въ

*) Ишимская линія отъ Омска къ Оренбургу шла на г. Ишимъ, а затѣмъ, минуя Курганъ, выходила на Звѣриноголовскую крѣпость, что теперь станція Оренбургскаго войска.

Польшѣ и безпощадно истребляли все, что имъ тамъ попадало на глаза. Часть этихъ казаковъ была поселена на Прѣсногорьковской линіи, гдѣ они до сихъ поръ вспоминаются въ любимой пѣснѣ казаковъ-малороссовъ:

Ой на гори да женци жнуть,
А по пидь горою,
По пидь зеленою,
Козаки йдутъ.
Гей! козаки йдутъ.
По переду Дорошенко
Веде свое войско
Веде Запоризске
Хорошенько.
Гей! хорошенько.
По середины панъ хорунжій,
Пидь нымъ коныченько,
Пидь нымъ вороненькій,
Сильне дужій.
Гей! сильно дужій.
А по заду Сагайдачный,
Що проминявъ жинку
На тютюнь та люльку
Необачный.
Гей! необачный.
Мыни зъ жинкою не возыться,
А тютюнь та люлька
Козаку въ дорози
Знадобиться!
Гей! знадобиться!

Въ 1809 году казачьимъ офицерамъ Высочайше дарованы шарфы на мундиры „въ надеждѣ, что Сибирское казачье войско, чувствуя къ нему Монаршее благоволеніе, потщится заслужить оное вѣрною и усердною службою“. ³⁾

Тогда же при Высочайшемъ рескриптѣ Императора Александра I, войску пожалованы 10 знаменъ—по 1 знамени на каждый полкъ.

Съ этими знаменами и сейчасъ служатъ первоочередные полки, а знамена полковъ 2 и 3 очереди хранятся въ Войсковомъ Правленіи, за исключеніемъ двухъ, которыя переданы Семирѣченскому войску, при образованіи его изъ 9 и 10 полковъ Сибирскаго войска.

Спустя 25 лѣтъ послѣ образованія полковъ на линіи, отъ войска стали высылать въ Петербургъ 30 казаковъ въ составъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго полка и 1 офицера, 2 урядниковъ, 1 трубача и 20 казаковъ для прикомандированія къ дивизиону Лейбъ-Гвардіи Донской Конно-Артиллерійской батареи.

Автору настоящаго очерка лично приходилось слышать лестный отзывъ Генераль-Фельдцейхмейстера Великаго Князя Михаила Николаевича о службѣ Сибирскихъ казаковъ въ Артиллеріи. Его Высочество въ особенности съ большою похвалою отзывался о службѣ полковника Осипова, командовавшаго образцовой батареей.

Съ упраздненіемъ артиллеріи въ Войскѣ въ 1850 г. и выходомъ Положенія 1880 года о военной службѣ Сибирскаго войска, посылка казаковъ въ Гвардію и Артиллерію была прекращена.

Въ 1815 году начались первыя изысканія въ Киргизской степи; они были сдѣланы командиромъ 1 полка подполковникомъ Набоковымъ, который по Высочайшему повелѣнію выступилъ изъ Прѣсногорьковска съ 150 казаками для разысканія рудныхъ богатствъ и описанія степей нынѣшняго Кокчетавскаго уѣзда. За время пятимѣсячной командировки отрядъ

этотъ изслѣдовалъ горы и лѣса Зеренды, Сандыктава, Имантава и Якшіянгистава и побывалъ въ Улутавѣ и на р. Нурѣ. ⁴⁾

Память объ этомъ лихомъ и первомъ командирѣ 1-го полка долго жила въ киргизскомъ народѣ; онъ наводилъ паническій страхъ на киргизъ; при одномъ его имени все замирало въ степи.

Мужества, беззавѣтной отваги Набоковъ требовалъ отъ каждаго всадника своего полка, и его казаки были на славѣ.

Послѣ осмотра Набоковымъ киргизской степи, тамъ началось водвореніе казаковъ. Первое поселеніе было образовано въ Кокчетавѣ въ 1824 году, затѣмъ въ 1827 въ Акмолинскѣ и 1846 году въ Атбасарѣ и Улутавѣ. Тогда же въ казаки зачислены изъ Курганскаго и Ишимскаго уѣздовъ крестьяне, которые въ настоящее время населяютъ боковые поселки Прѣсногорьковской линіи. Наконецъ, въ 1849 и 1850 гг. вызвали изъ Россіи малороссійскихъ казаковъ и крестьянъ, и часть казаковъ съ Прѣсногорьковской линіи, которыми и заселили станицы: Щучинскую, Котуркульскую, Зерендинскую, Лобановскую, Арыкъ-балыкскую и Аканъ-бурлукскую. Сандыктавская станица образована 1861 г. изъ казаковъ, переселившихся изъ Улутавы. ⁵⁾

Степныя станицы, разбросанныя въ долинахъ горныхъ кряжей, хорошо орошены небольшими рѣчками и значительной величины озерами съ прѣсной водой. Вся эта мѣстность пользуется отличнымъ горнымъ воздухомъ и чрезвычайно живописна. ⁶⁾

Хороши особенно окрестности Чалкара, Аиртава, Лобанова, Имантава, Арыкъ-балыка, Якшіянгистава, Сандыктава, Зеренды, Котуркуля и Шучьяго.

Эта послѣдняя широко раскинулась у юговосточной оконечности Кокчетавскихъ горъ, возлѣ озера овальной формы, имѣющаго въ длину до $6\frac{1}{2}$ верстъ. Вода здѣсь превосходна и настолько чиста, что на глубинѣ 10—15 арш. можно видѣть песчаное дно, усыпанное мелкимъ щебнемъ и крупнымъ пескомъ. Щучинское озеро окружено съ трехъ сторонъ горами, густо покрытыми сосновымъ лѣсомъ. Верстахъ въ 12 отъ Щучьяго, прямо на востокъ, лежитъ не менѣ живописное озеро Котуръ-куль, гдѣ расположена станица того же названія.

Озеро это также имѣетъ до 6 верстъ длины и также окружено сосновыми лѣсомъ.

Но особую прелесть его составляетъ такъ называемая „релка.“ Она, въ видѣ прямой, снѣжно-бѣлой павели, покрытой вѣковыми соснами, которыя располагаются по обѣ стороны ея аллеей, тянется версты на полторы поперекъ озера и раздѣляетъ его на двѣ неравныя части. Эта аллея до того поражаетъ съ перваго раза, что не хочется вѣрить, чтобы здѣсь дѣло обошлось безъ инженера-строителя. 7)

Переходя къ сѣверо-восточному склону Кокчетавскихъ горъ, которыя тянутся на протяженіи 20 верстъ и также густо покрыты строевымъ сосновымъ лѣсомъ, встрѣчается Боровское озеро. Оно почти круглое и не болѣе 2 верстъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ; берега его пустынные, но представляютъ своеобразно-прелестный видъ. Здѣсь мѣстами нагромождены каменные глыбы и плиты, какъ бы выброшенныя водою со дна; мѣстами онѣ кажутся сложенными человѣческими руками въ каменные столбы, мѣстами представляютъ колоссальныя развалины замковъ. На одномъ только восточномъ берегу встрѣчаются песчаныя отмели—са-

мыя удобныя мѣста, гдѣ можно освѣжиться въ холодноватой, чистой и свѣтлой водѣ. Сѣверный берегъ Борового примыкаетъ къ горамъ, гдѣ нагромождена громада скалъ, въ щеляхъ которыхъ гнѣздятся кусты ивы, березы, черемухи, смородины, малины. На этомъ же берегу находятся и достопримѣчательности Борового: конусообразная сопка Окъ-Джакпесъ (стрѣлой не достать), сахарная голова; сопка, называемая коровой и наконецъ сопка, напоминающая птичью голову. Кустарная и древесная растительность здѣсь всюду; она пріютилась въ щеляхъ и разсѣлинахъ правильными рядами, какъ бы насажденная человѣческими руками.⁸⁾

Боровское озеро, шумнымъ протокомъ, сажень въ 300 длиною, вливается въ большое озеро Чебачинское. Это послѣднее лежитъ сажень на 6 ниже перваго и потому протокъ, подъ названіемъ рѣчки Громовой, представляетъ весьма живописный водопадъ, по теченію котораго поставлено нѣсколько казачьихъ мельницъ. Здѣсь же на небольшой площадкѣ, окруженной хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ, пріютилось нѣсколько казачьихъ домиковъ, принадлежащихъ владѣльцамъ мельницъ.

Едва ли по всей киргизской степи найдется такая живописная и богатая разнородными дарами природы мѣстность, какую представляютъ окрестности Кокчетавскихъ горъ и въ особенности ихъ склоны съ восточной стороны. На небольшомъ сравнительно клочкѣ земли, верстъ въ 20 въ діаметрѣ, горные утесы, напоминающіе Кавказъ и Алтай, поросшіе хвоею, вошли въ чудное сочетаніе со стихіей водъ, которая представляетъ здѣсь множество крупныхъ и мелкихъ озеръ съ водой прозрачной, какъ кристаллъ, и окру-

женныхъ баррикадами скалъ самыхъ фантастическихъ очертаній. Поразительно чудную картину представляетъ это сочѣтаніе суши и воды во время восхода солнца, когда неподражаемые переливы свѣта отражаются отъ поверхности голубыхъ водъ, а солнечные лучи разсыпаются въ радужные отливы, въ кварцевыхъ кристаллахъ гранита, изъ котораго сложены береговья скалы. Съ любого холма можно видѣть то необъятныя степныя пространства, то роскошныя нивы самыхъ лучшихъ пшеницъ, то зеркальную поверхность чудныхъ озеръ, то окутанныя густой сѣверной хвоей гранитныя горы. Воздухъ чистъ и ароматиченъ; дышется легко, во всю грудь. Въ полдень камни нагрѣты, какъ раскаленная печь, а рядомъ озера даютъ освѣжающую влагу, поэтому растительность всюду отличается сочностью и свѣжестью.

Котуркуль, Боровое и Щучье давно извѣстны какъ превосходные курорты для слабогрудыхъ. Сюда съѣзжаются пользоваться превосходнымъ воздухомъ и кумысомъ, который здѣсь, благодаря прекраснымъ пастбищамъ, отличается высокими качествами.

Такъ поэтически описываетъ И. Я. Словцовъ этотъ дѣйствительно замѣчательный уголокъ въ степи.⁹⁾

Къ югу отъ Кокчетавъ находятся Акмолинская и Атбасарская станицы. Окрестности этихъ станицъ открыты, безжизненны и представляютъ скучную степную равнину съ глинистымъ грунтомъ.

По мѣрѣ того какъ казаки водворялись въ киргизской степи, штабъ полка переносился ближе къ нимъ. Въ 1846 году онъ уже былъ въ Прѣсновскѣ, а въ 1861 году—въ Кокчетавѣ. Наконецъ, въ 1869 году войско въ военномъ, а съ 1891 года и въ административно-гражданскомъ отношеніи раздѣлено на 3 от-

дѣла, при чемъ Штабъ 1 отдѣла остался въ станицѣ Кокчетавской.

1-й отдѣлъ чрезвычайно разбросанъ. Прѣсновская и Прѣсногорьковская станицы удалены отъ Кокчетава на 310 верстѣ, а крайній поселокъ—Сибирскій—на 450 верстѣ. Акмолинская станица находится въ 425 верстахъ и только казачьи поселки Кокчетавскаго уѣзда болѣе или менѣе сгруппированы возлѣ Штаба отдѣла. Но и они разбросаны по тремъ направлениямъ: станицы Зерендинская и Сандыктавская находятся по Атбасарскому тракту. Западнѣе ихъ и внѣ почтоваго тракта стоятъ Лобановская, Арыкь-балыкская и Акань-бурлукская и, наконецъ, на востокъ отъ Кокчетава и также внѣ почтоваго тракта расположены Щучинская и Котуркульская станицы.

Заканчивая этимъ описаніемъ водвореніе казаковъ въ районѣ 1 отдѣла, который въ настоящее время комплектуетъ Ермака Тимоѣева полкъ, мы перейдемъ къ его служебной дѣятельности.

Въ первое время всѣ казаки жили по домамъ, безъ раздѣленія на сотни. Начиная съ 17-ти лѣтняго возраста они оставались въ строю „*доколь въ силахъ*“ и увольнялись въ отставку только за старостью и совершенной неспособностью къ службѣ.

Нелегка была служба въ тѣ времена: охраняя редуты и крѣпости отъ набѣговъ киргизъ, казаки обрабатывали казенныя пашни, заготовляли сѣно и возили дрова, назначались смотрителями магазиновъ, содержали почты, развозили письма и посылки, наряжались на работы по исправленію и сооруженію крѣпостей и въ то же время держали разъѣзды въ степи и по линіи. Ко всѣмъ этимъ трудностямъ службы нужно сказать, что по случаю дороговизны жизненныхъ про-

дуктовъ они не могли хорошо и продовольствоваться, а за неимѣніемъ мельницъ не всегда получали и провіантъ мукой. Чтобы смолоть себѣ хлѣба, обыкновенно по смѣнѣ съ часовъ казаки приступали къ перемолу зерна на ручныхъ жерновахъ. А такъ какъ днемъ не всегда удавалось свободное время отъ разныхъ работъ и занятій, то помолъ исполнялся и ночью; но если и ночью не удавалось кому смолоть себѣ хлѣба, то казакъ отдавалъ за помолъ послѣднія деньги и оставался безъ гроша, нерѣдко не имѣя возможности купить себѣ соли для пищи.¹⁰⁾

Съ водвореніемъ казаковъ на Прѣсногорьковской линіи киргизы все болѣе и болѣе стали приближаться къ крѣпостямъ и дѣлать набѣги на казачьи редуты. Это было самое тревожное время, когда по сигналу маячныхъ или разѣзда все спѣшило укрыться; казаки бросали полевые работы, сгоняли свои табуны ближе къ редутамъ, а дежурныя части выѣзжали на встрѣчу киргизамъ, иногда увлекаясь погоней далеко отъ линіи.*)

Чтобы знать о ночныхъ набѣгахъ грабительскихъ шаекъ, всѣ крѣпости и редуты были связаны между собой цѣпью рогатокъ, разрушеніе которыхъ всегда служило признакомъ появленія киргизъ.

Часы служебныхъ занятій строго распредѣлялись; если полки оставались на линіи, не ходили въ степные отряды, то обыкновенно весной, съ 1-го апрѣля и до появленія подножнаго корма, казаки обучались ружейнымъ приѣмамъ и маршировкѣ, фланкировкѣ пикой, рубкѣ шашками, шереножному и взводному

*) Въ 1817 г. казачьи отряды подъ командой хорунжихъ Швабскаго и Грязнова преслѣдовали шайку киргизъ на 400 верстъ по степи.

ученьямъ. Около 25-го апрѣля лошади выгонялись на траву, а казаки шли на казенныя пашни.

Въ началѣ іюня отдѣльныя сотни собирались въ лагерь, гдѣ оставались до 15- іюля въ составѣ полка. Возвращаясь обратно въ дома и снова выпуская лошадей на траву, казаки шли на покосъ. Въ августѣ мѣсяцѣ они дѣлились на партіи: одни продолжали заготовлять сѣно, другіе убирали созрѣвшій хлѣбъ, а третьи приготавливали поля подѣ посѣвъ на будущій годъ.

Съ 15-го сентября начиналась молотьба хлѣба и только въ концѣ октября часть казаковъ распускалась по домамъ для своихъ домашнихъ работъ. Затѣмъ къ 1-го февраля они снова собирались и обучались ружейнымъ приемамъ, маршировкѣ, фланкировкѣ и прочимъ артикуламъ воинскаго устава того времени. Такъ всѣ строевые казаки и всѣ малолѣтки отъ 10 до 17 лѣтняго возраста были у дѣла; эти послѣдніе обязательно посѣщали станичныя школы*) и такимъ образомъ для домашнихъ работъ оставались престарѣлые старцы да женщины съ малолѣтними дѣтьми.

Нужно замѣтить, что, несмотря на всѣ трудности службы, казаки отличались молодцоватымъ видомъ и замѣчательной способностью легко переносить труды и лишения. Одинъ изъ вышшихъ начальниковъ того времени доносилъ военному министру, что войско, отличаясь подчиненностью, готовностью къ перенесенію трудовъ и образованностью урядниковъ и многихъ казаковъ, составляетъ въ Сибири истинную силу правительства. Тогда же другой начальникъ писалъ въ Сенатъ, что люди въ войскѣ превосходны:

*) Кромѣ грамоты и ариеметики, школьники обучались иѣшему строю, ружейнымъ, шашечнымъ приемамъ и фланкировкѣ пикой.

честность, доброта, вѣрность своему долгу вмѣстѣ съ казачьей удалей и расторопностью сохранились неприкосновенными отъ первобытныхъ временъ.¹¹⁾ Вотъ какъ старинная пѣсня описываетъ то время службы и боевой готовности казаковъ на линіи:

Рано утромъ весной
На редуть крѣпостной
Разъ поднялся пушкарь посѣдѣлый.
Брякнулъ сабли кольцомъ,
Дернулъ сивымъ усомъ
И раздулъ свой фитиль догорѣлый.
Онъ у пушки стоитъ,
Самъ на крѣпость глядитъ
Сквозь прозрачныя волны тумана.
Вдругъ мелькнулъ бѣлый флагъ
У высокихъ палатъ
Удальца, молодца-атамана.
И съ веселымъ лицомъ,
Осѣнившись крестомъ,
Онъ надъ мѣдною пушкой склонился.
Свѣтъ изъ пушки струей...
Дымъ разлился волной
И по крѣпости гулъ прокатился.
Чу! съ редута палятъ!
Знать, собиратья велятъ!—
Казаки казакамъ закричали.
Сабли вмигъ на ремень,
Кивера на-бекрень;
И на площадь бѣгомъ побѣжали.
Что, ребята, палятъ?
Не видно ль супостатъ?
Не въ походъ ли идти заставляютъ?
Наши сабли остры,
Наши кони лихи,
Наши ружья въ мишень попадаютъ.
Нашъ начальникъ-отецъ,
Атаманъ-молодецъ

Поведеть насъ своей головою.
Съ нимъ и въ зиму весна,
Съ нимъ и смерть намъ красна“ —
Казакѣ межъ собой говорили.
„ Тише!.. стройся въ ряды!
„ Онъ поѣхалъ сюды!“ —
Казакамъ такъ хорунжи вѣщали.
Какъ сибирскій буранъ,
Прискакалъ атаманъ,
А за нимъ есаулы лихіе.
Онъ на бѣломъ конѣ,
Карабинъ на спинѣ,
Въ торокахъ пистолеты двойные.
На немъ каска съ перомъ,
Грудь горитъ серебромъ,
Закаленная сабля булата.
Онъ коня осадилъ,
Черный усъ закрутилъ
И сказалъ всѣмъ: „здорово, ребята“!
„ Завтра солнца въ восходъ
„ Собирайтесь въ походъ
„ У степныхъ дикарей жечь аулы;
„ И на эту орду
„ Я васъ самъ поведу,
„ А за мною пойдутъ есаулы.
Вдругъ „Ура! Атаманъ!“
Пронеслось по рядамъ
И казацкая кровь закипѣла...
.....
.....

Ранней весной 1824 года съ линіи было выслано въ степь 13 небольшихъ отрядовъ, каждый въ составѣ 1 офицера, двухъ урядниковъ, трубача и 13 казаковъ. Эти отряды торжественно объявляли киргизамъ новый порядокъ управленія степью, которая дѣлилась на внутренніе и внѣшніе округа. Начальниками внутреннихъ округовъ, которые тянулись вдоль

линіи казачьихъ носеленій, были каменданты крѣпостей. Имъ подчинялись и казаки, находящіеся въ районѣ округа. Внѣшніе округа образовались по мѣрѣ того, какъ киргизское населеніе принимало подданство Россіи.*)

Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ правительства казаки принимали самое видное участіе. Ограждая вѣрноподанныя волости отъ набѣговъ султановъ, не признававшихъ надъ собою русской власти, они долго вели упорную борьбу не только съ мятежными киргизами, но и съ кокандцами, не разъ появлявшимися на р. Сары-су и даже въ горахъ Улутава.

Такъ, въ 1832 году отрядъ въ 300 казаковъ при двухъ конныхъ орудіяхъ былъ посланъ въ верховья р. Куланъ-Утмесъ для разбѣянія скопищъ султана Сарыджана Касимова.

По занятіи этого урочища часть казаковъ при одномъ орудіи и подъ командой есаула Симонова была послана на развѣдку.

Направляясь къ Сары-су, казаки 16 іюля открыли аулы Сарыджана, но киргизы отступили, оставивъ на мѣстѣ 4000 лошадей, 300 верблюдовъ и до 40.000 барановъ.¹²⁾

Слѣдуя дальше, отрядъ 23-го іюля подошелъ къ кокандскому укрѣпленію на уроч. Караджаръ, небольшою гарнизонъ, котораго сдался послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ. Разрушивъ укрѣпленіе и забравъ плѣнныхъ, казаки выступили внизъ по р. Сары-су ко второму кокандскому укрѣпленію, находившемуся на уроч. Дюртъ-Куланъ и въ 160 верстахъ отъ перваго.

*) Въ 1824 г. 29 апрѣля открытъ Кокчетавскій округъ; 22 августа 1832 г. — Акмолинскій и въ 1834 г. — Аманъ-Карагаейскій (Кышмурунъ); этотъ послѣдній пунктъ былъ занятъ подполковникомъ Набоковымъ еще въ 1830 году.

Разрушивъ и это укрѣпленіе, гарнизонъ котораго также сдался, отрядъ подошелъ къ р. Белеуты, гдѣ, наконецъ, настигъ мятежныя волости. Но и на этотъ разъ Сарыджанъ не оказалъ сопротивленія; его киргизы, разбившись на партіи, разошлись по степи. Забравъ 330 лошадей и 278 верблюдовъ, отрядъ вернулся на р. Куланъ-Утмесъ, потерявъ за время поиска 2 урядниковъ и 1 казака, захваченныхъ киргизами въ плѣнъ.¹³⁾

Спустя 2 года киргизы подъ начальствомъ Сарыджана и кокандцы подъ предводительствомъ ташкентскаго бека Лашкера, въ числѣ 8000 всадниковъ, перешли р. Чу и достигли Улутавскихъ горъ. Это скопище было разсѣяно отрядомъ въ 850 козаковъ при 6 конныхъ орудіяхъ и 1 роты пѣхоты, высланныхъ подъ командой генерала Броневскаго.

Лишь только притихли киргизы Сарыджана, а скоро и онъ самъ былъ убитъ по распоряженію ташкентскаго бека, въ степи появился султанъ Кинисара Касимовъ; онъ сталъ возмущать киргизъ, предлагая имъ откочевать глубже въ степь и тамъ образовать независимое ханство. Чрезвычайно ловкій и смѣлый наѣздникъ, Кинисара собралъ вокругъ себя нѣсколько сотенъ отборныхъ джигитовъ и, чтобы привлечь къ себѣ возможно больше киргизъ, прежде всего началъ нападать на султановъ, принявшихъ подданство Россіи. Налетая, какъ вихрь, на аулы, онъ все истреблялъ, а заслышавъ о близости отрядовъ, съ поразительной быстротой уносился обратно. Благодаря такому маневру, вся степь считала Кинисару непобѣдимымъ и охотно шла къ нему подъ знамена.¹⁴⁾

Первая встрѣча казаковъ съ Кинисарой произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ ноябрѣ 1827

года полусотня подь командой хорунжаго Рытова вышла изъ Петропавловска сопровождать торговый караванъ, слѣдовавшій въ Ташкентъ. Пройдя за Актавское укрѣпленіе верстъ 200, Рытовъ остановилъ часть обоза и оставилъ при немъ 20 казаковъ, а съ остальными прослѣдовалъ дальше. Этою оплошностью воспользовался Кинисара, онъ напалъ на обозъ и послѣ отчаянной схватки всѣхъ казаковъ перерѣзалъ.

Возвращаясь обратно, Рытовъ также внезапно былъ атакованъ огромнымъ скопищемъ киргизъ, предводимыхъ Кинисарой.

Три дня онъ отражалъ натиски киргизъ, которые, прикрываясь турами изъ хвороста, и днемъ и ночью надвигались на приступъ.

Изнемогая въ неравной борьбѣ и сознавая беспомощность своего положенія, казаки рѣшились на послѣднюю отчаянную схватку. На свѣту 7 декабря они бросились въ рукопашную и такъ стремительно атаковали киргизъ, что толпа ихъ разступилась. Въ эту минуту вдали показался Актавскій отрядъ, который, случайно узнавъ о появленіи Кинисары, вышелъ на встрѣчу Рытову. Эта помощь была какъ нельзя болѣе кстати; только благодаря ей уцѣлѣли остатки полусотни Рытова.

Кромѣ 20 казаковъ, убитыхъ при транспортѣ, пали въ бою самъ командиръ, 3 урядника, 1 казакъ, и оказались ранеными 21 казакъ и 1 урядникъ. За это молодецкое дѣло Государь Императоръ пожаловалъ полусотнѣ 7 знаковъ отличія военнаго ордена.

Въ слѣдующемъ году Кинисара осадилъ Акмолинское и Актавское укрѣпленія, но не имѣлъ успѣха. Чтобы предотвратить дальнѣйшіе набѣги Кинисары, съ этого времени начинается высылка въ степь наи-

болѣе сильныхъ отрядовъ, которые въ предѣлахъ нынѣшней Акмолинской области разновременно отбиваютъ у мятежныхъ киргизъ массу скота и имущества и наконецъ вынуждаютъ Кинисару бѣжать въ Оренбургскую степь.¹⁵⁾

Все эти походы и дѣла съ мятежными киргизами и коканцами Высочайше повелѣно считать за компанію.

Кромѣ того, указомъ Императора Николая I, даннымъ 6 декабря 1849 года на имя Военнаго Министра, „въ справедливомъ вниманіи къ постоянно вѣрной и усердной службѣ Сибирскаго линейнаго казачьяго войска, ознаменованной успѣшнымъ охраненіемъ пограничной Сибирской линіи на протяженіи 2000 верстъ,“ Высочайше пожалованы чинамъ войска права и преимущества, чинамъ арміи предоставленныя.*)¹⁶⁾

Спустя 6 лѣтъ послѣ объявленія этого указа по войску, казакамъ еще разъ представился случай имѣть схватку съ коканцами на территоріи нынѣшней Акмолинской области. Это происходило въ 1856 году, когда акмолинскіе киргизы, по случаю глубокихъ снѣговъ и гололедицы, вынуждены были откочевать въ долину р. Чу. Этимъ воспользовались каратавскіе киргизы и при участіи каканцевъ угнали у нашихъ до 15,000 скота.

Наказать каратавцевъ было выслано 2 отряда изъ Актова и Караджара, подъ командой есаула Котыбаева и штабсъ-капитана Соловцова. Эти отряды, числительностью въ 250 казаковъ при двухъ конныхъ орудіяхъ и двухъ ракетныхъ станкахъ, 19 ав-

*) На основаніи этого закона офицеры пріобрѣтали права дворянства: потомственнаго при полученіи чина войскового старшины, а личнаго— чина хорунжаго, и право пользоваться покровительствомъ комитета раненыхъ.

густа прибыли на р. Чу, гдѣ и расположились лагерьмъ. Дорогой къ нимъ присоединилось 400 киргизь-охотниковъ, которые по прибытіи казаковъ на Чу пустились на поискъ въ Каратавскія горы, гдѣ черезъ нѣсколько дней имъ удалось отхватить у каратавцевъ до 40,000 головъ скота.

Между тѣмъ соединенный отрядъ, перейдя р. Чу, направился къ озеру Каракуль, вблизи котораго разрушилъ коканское укрѣпленіе, а гарнизонъ его истребилъ.

Коканцы, узнавъ о разрушеніи крѣпости и объ угонѣ нашими киргизами скота у каратавцевъ, выслали изъ города Чулакъ-куртана конную партію въ 4000 человекъ.

На разсвѣтѣ 6 сентября, когда отрядъ уже перешелъ обратно р. Чу, коканцы внезапно атаковали авангардъ, посланный подъ командой сотника Бородина. Его выручить кинулся Соловцовъ съ нѣсколькими казаками, но былъ изрубленъ въ рукапашной схваткѣ вмѣстѣ съ 1 урядникомъ и 4 казаками. Бородина выручилъ Котыбаевъ; онъ не только отбросилъ коканцевъ, но еще отбилъ у нихъ 7 пушекъ, 32 верблюдовъ съ продовольствіемъ, 4 мѣдныхъ трубы, 10 знаменъ и много ручного оружія.

Въ этомъ дѣлѣ наши потери состояли: убитыми 1 офицеръ, 1 урядникъ, 4 казака, 14 киргизъ и 30 строевыхъ лошадей; ранеными: 2 урядника, 4 казака, 21 киргизъ и 11 строевыхъ лошадей.

За это дѣло Котыбаевъ получилъ Владимира 4-ой степени, съ мечами и бантомъ, а казаки—6 знаковъ отличія военнаго ордена.¹⁷⁾

Этимъ бѣглымъ очеркомъ мы заканчиваемъ службу въ киргизской степи отрядовъ, казаки которыхъ со-

стояли на учетъ 1-го полка, или впоследствии вошли въ составъ 1-го отдѣла, нынѣ комплектующаго Ермака Тимоѣева полкъ.

Въ 1846 году вышло новое положеніе, которое возлагало на войско: 1) охранять сибирскую пограничную линію на всемъ протяженіи войсковой территоріи; 2) содержать таможенную стражу на рубежѣ киргизской степи; 3) защищать внѣшніе приказы отъ набѣговъ киргизъ и исполнять полицейскія въ приказахъ обязанности; 3) содержать въ степи военные посты и коммунаціонные пикеты; 5) составлять лѣтніе резервы; 6) высылать отряды на Томскіе золотые прииска, для полицейскаго порядка; 7) комплектовать нижними чинами жандармскія команды 8 округа корпуса жандармовъ; 8) заселять вновь учреждаемые правительствомъ линіи, укрѣпленія и посты и защищать оныя, и 9) выходить на службу, куда назначено будетъ *).

Тогда же, благодаря причисленію къ войску 2000 душъ крестьянъ, срокъ службы въ полкахъ былъ сокращенъ до 20 лѣтъ, послѣ чего казаки перечислялись на 10 лѣтъ въ резервъ.

Служба резервныхъ казаковъ была еще болѣе обременительна; помогая строевымъ на работахъ, они заготавливали сѣно для почтовыхъ лошадей, содержали караулы въ станицахъ, отправляли почтовую и земскую гоньбу по линіи и въ киргизской степи, конвоировали арестантовъ, исправляли мосты и дороги, составляли таможенную стражу и производили всѣ войсковыя и хозяйственныя работы.¹⁸⁾ Степные пикеты, склады и магазины въ станицахъ, зданія упра-

*) На основаніи этого положенія обмундированіе, снаряженіе, вооруженіе и строевыя лошади казакомъ заводились на войсковыя суммы.

вления отдѣла съ цейхгаузами и мастерской были построены почти исключительно резервными казаками.

Положеніемъ 1861 года все казаки, попрежнему оставаясь на учетѣ полковъ, должны были выходить на двухлѣтнюю службу послѣ четырехлѣтней льготы, но зато они обязывались служить на собственныхъ лошадяхъ и съ собственнымъ обмундированіемъ и снаряженіемъ.

Наконецъ, положеніемъ 1871 года былъ установленъ полевой разрядъ въ 8200 человекъ. Все малолѣтки, достигшіе 19-лѣтняго возраста, призывались на службу, и кому выпадалъ жребій служить, зачислялся въ полевой разрядъ на 15 лѣтъ и затѣмъ на 7 лѣтъ въ разрядъ внутренно-служащихъ. Малолѣтки, оставшіеся по жребію сверхъ комплекта, освобождались отъ службы и перечислялись въ неслужилый разрядъ, платя за это войску въ продолженіе 22 лѣтъ по 10 р. ежегодно. Казаки полевого разряда выходили на службу также на 2 года, послѣ четырехлѣтней льготы, какъ это опредѣляло и положеніе 1861 года.

Но все эти періодическія льготы мало оставляли времени для домашнихъ работъ. Отдаленное расположеніе отрядовъ отъ линіи и постоянное ожиданіе быть вызваннымъ на службу, не считая экстренныхъ командировокъ для водворенія порядка въ киргизской степи, значительно сокращали періоды льготы.

Бывали случаи, что отдѣльныя сотни задерживались на лишній годъ службы въ степи, тогда какъ очередные отряды, не ожидая прибытія смѣнныхъ, ранней весной выступали изъ войска. Въ это время станицы пусты, въ домахъ оставались одни старики или семьи безъ мужа, да казаки первой очереди—все не работники: старики—отъ старости, жены—отъ непо-

сильнаго для женщинъ труда, а служилые казаки—отъ крѣпкой неотвязчивой думы: на что снарядиться къ отряду, какъ прокормить за время отлучки семью, на что обработать участокъ земли, когда нѣтъ бороны и сохи, да и знаній-то мало: ни дѣдъ, ни отецъ не пахали земли добровольно.

Но нужно отдать справедливость нашимъ казачкамъ: онѣ хорошо управлялись съ хозяйствомъ, ихъ дѣти всегда были сыты, обуты, одѣты однимъ попеченіемъ матери; нищенства нѣтъ среди казаковъ.

Верхомъ на лугу, въ лѣсу за дровами встрѣтить казачку не диво; управляя всѣмъ домомъ, онѣ иногда несли и повинности службы. Бывало, нерѣдко женщины ѣздили „съ летучкой“ въ другую станицу, или за ямщика управляли земскими парами, отвозя проѣзжающихъ.

Только положеніе 1880 года кореннымъ образомъ измѣнило службу казаковъ и дало имъ возможность улучшить свое благосостояніе. Теперь послѣ четырехлѣтней службы въ полку они возвращаются домой въ полномъ разцвѣтѣ силъ, вполнѣ увѣренные, что на внѣшнюю службу ихъ вызовутъ только по особому **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнію и потому они могутъ спокойно заняться хозяйствомъ.

Пріятно смотрѣть на счастливыхъ, здоровыхъ и довольныхъ „стариковъ“, какъ называютъ въ полку смѣнныхъ казаковъ, которые въ послѣднія минуты сбора, сердечно прощаясь съ товарищами, садятся на коней и выстраиваютъ фронтъ, чтобы получить послѣднее „спасибо“ отъ своего командира.

Горячо помолившись Богу, эшалоны направляются въ путь, и ужъ молодець-запѣвало непременно затянетъ:

Вѣрно службу мы служили,
Какъ клялись передъ крестомъ;
Присягнувъ, не измѣнили
Передъ Богомъ и Царемъ.

Припѣвъ: Вспомнимъ, братцы, край родной
И пойдемъ теперь домой;
Съ яснымъ сердцемъ и лицомъ
Споемъ пѣсню молодцомъ.

Мы стояли все три года
На границѣ по постамъ,
А теперь съ молитвой Бога
Мы пойдемъ къ роднымъ мѣстамъ.

Припѣвъ.

Все товарищи, простите,
Дай Богъ счастливо служить,
Насъ вы въ путь благословите,
Пора дома намъ пожить.

Припѣвъ.

И съ этой же пѣсней, послѣ утомительнаго степного похода^{*)} въ 1200 верстъ,^{**)} казаки вступаютъ въ родныя станицы, гдѣ старики-отцы, дѣти и жены толпою спѣшатъ имъ на встрѣчу.

На среднеазиатской границѣ.

Казачьи отряды, углубляясь въ киргизскую степь, наконецъ достигли предѣловъ Семирѣчья и съ этого времени казаки 1-го полка являются видными участниками почти всеѣхъ среднеазиатскихъ войнъ, происходившихъ во второй половинѣ XIX столѣтія.

*) Отъ Джаркента до Сергіополя почтовымъ трактомъ; отъ Сергіополя черезъ Каркаралы на Акмолы степью, отъ Акмолы до Кокчетова черезъ крестьянскія селенія. Этимъ путемъ ежегодно слѣдуютъ и молодые казаки на укомплектованіе полка.

**) Для казаковъ Прѣсновской линіи до 1600 верстъ.

При образованіи Семирѣченской области они принимали живѣйшее участіе въ водвореніи тамъ русской власти.

Когда же, въ 1863 году, послѣдовало ВЫСОЧАЙШЕЕ одобреніе плана военныхъ дѣйствій для занятія городовъ: Аулиеата, Чимкента и Туркестана, сотни 1-го отдѣла вошли въ составъ этого отряда, ввѣреннаго полковнику Черняеву.¹⁾

Въ началѣ мая 1864 года Черняевъ выступилъ изъ Вѣрнаго, имѣя 6 ротъ, 3 сотни Сибирскихъ казаковъ, 8 орудій, мортирную команду и 300 киргизь-охотниковъ.

Рано утромъ 5 іюня онъ подошелъ къ Аулиеата, а въ 2 часа дня уже владѣлъ этимъ городомъ, при сдачѣ котораго коканцы передали ему 3 бунчука, 5 орудій, 6 фальконетовъ, 400 ружей, до 1000 пикъ и шашекъ, 82 пуда пороху, 70 пудовъ свинцу и 415 артиллерійскихъ ядеръ.

Черезъ 2 дня отрядъ выступилъ дальше и, произведя рекогносцировку г. Чимкента, вернулся обратно въ Аулиеата.

Въ это же время отрядъ со стороны Оренбурга занялъ г. Туркестанъ.

Чтобы установить вполне безопасное сообщеніе между Туркестаномъ и Аулиеата, Черняевъ рѣшилъ немедленно овладѣть Чимкентомъ. Съ этой цѣлью онъ выступилъ изъ Аулиеата съ отрядомъ въ 10¹/₂ ротъ, 2¹/₂ сотнями казаковъ, 12 орудіями, 8 мортирами и 1000 человекъ киргизской милиціи.

19 сентября вторично произведя рекогносцировку г. Чимкента, отрядъ 22-го числа взялъ штурмомъ хорошо укрѣпленную цитадель его. Наши потери состояли изъ 2 убитыхъ, 17 раненыхъ и 19 контуженныхъ

нижнихъ чиновъ. Трофеями были: 11 бунчуковъ, 4 знамени, 23 орудія, 8 мортиръ, много фальконетовъ, ружей, пикъ и шашекъ.²⁾

Оставивъ въ Чимкентѣ небольшой гарнизонъ, Черняевъ выступилъ къ Ташкенту и послѣ рекогносцировки, произведенной 1 октября, направилъ войска на штурмъ этого города. Какъ извѣстно, штурмъ этотъ былъ неудаченъ и отрядъ отступилъ къ Чимкенту. Только въ слѣдующемъ году Черняеву удалось овладѣть Ташкентомъ и тѣмъ положить начало прочному водворенію русской власти въ Средней Азіи.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ принимали участіе казаки Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ.

Спустя 6 лѣтъ послѣ того, какъ Ташкентъ былъ занятъ русскими войсками, внезапно открылись военныя дѣйствія на востокъ. Тогда, со стороны Семирѣчья, наша граница съ Китаемъ шла по Борохудзиру, и Кульджинскій край занимали китайцы. Но въ 1865 году возстали дунгане и таранчи, вырѣзали китайцевъ и въ Кульджѣ образовали отдѣльное ханство.

Не прошло и пяти лѣтъ, какъ кульджинскій ханъ началъ дѣлать набѣги въ предѣлы Семирѣченской области и задерживать русскихъ купцовъ.

Чтобы прекратить эти беспорядки и наказать таранчей, генераль Колпаковскій съ небольшимъ отрядомъ войскъ, въ іюнѣ 1871 года, выступилъ на границу. Въ нѣсколько дней онъ разсѣялъ скопища таранчей и дунганъ подъ Кетменемъ, Алимту, Чинчиходзи и Суйдуномъ. Кульджа сдалась безъ выстрѣла.

Съ занятіемъ Кульджи нашими войсками безпрекословно покорилось и все туземное населеніе Кульджинскаго края, который только въ 1881 году былъ переданъ китайцамъ обратно.³⁾

Въ кульджинскомъ походѣ принимала участіе одна сотня отъ 1 отдѣла, сформированная изъ станицъ Кокчетавскаго уѣзда. За боевые подвиги она получила 6 знаковъ отличія военнаго ордена.

Въ первое время по образованіи Туркестанскаго военнаго округа, отъ Сибирскаго войска туда выслались отдѣльныя сотни, которыя по преимуществу входили въ составъ гарнизоновъ небольшихъ укрѣпленій. Эти сотни, находясь въ полномъ распоряженіи воинскихъ начальниковъ, обыкновенно содержали караулы на гауптвахтахъ, назначали вѣстовыхъ ко всѣмъ чинамъ уѣздной администраціи, сопровождали транспорты и конвоировали арестантовъ отъ одного города до другого. Все это, вмѣстѣ взятое, поглощало такъ много казаковъ, что нѣкоторые Сотенные командиры видѣли свои сотни въ полномъ сборѣ только два раза за всю двухлѣтнюю службу въ Туркестанѣ,—когда сотня вступала въ укрѣпленіе и когда она возвращалась обратно въ войско. Нужно ли говорить, что подобнаго рода обязанности не давали казакамъ боевой подготовки и они возвращались домой мало обученными.

Такая служба тяжело отзывалась и на жизни офицеровъ. Кромѣ взаимныхъ посѣщеній на вечерній чаекъ съ неизбѣжной закуской, они не имѣли никакихъ развлеченій. Ихъ двѣ—три семьи обыкновенно собирались вмѣстѣ, чтобы подѣлиться извѣстіями съ родины, если получались письма, или разказами словоохотливаго проѣзжающаго о новостяхъ областного города.

Его разказы повторялись, пока не наскучали, или не появлялось новое лицо съ новыми вѣстями. Такъ, безъ дѣла и безъ общества, проводили время офицеры отдаленныхъ укрѣпленій.

А между тѣмъ какой богатый матеріалъ давало войско въ лицѣ своихъ казаковъ! Въ Сыръ-Дарьинской области долго сохранялась память о лихой 9-й Сибирской сотнѣ, переносившейся въ поискахъ за грабительскими шайками на огромныя разстоянія и бросавшейся вплавь черезъ Сыръ-Дарью. Эта сотня, сформированная изъ казаковъ Прѣсновской и Прѣногорьковской станицъ, была воспитана незабвеннымъ М. Д. Скобелевымъ, который былъ ея сотеннымъ командиромъ, въ чинѣ штабъ-ротмистра Лейбъ-Гвардіи Гродненскаго Гусарскаго полка.

Такъ оставались сотни въ Туркестанскомъ краѣ до 1873 года, когда послѣдовало распоряженіе, чтобы Сибирскіе казаки выходили на полевую службу въ составѣ полковъ. На этомъ основаніи четыре сотни казаковъ, вызванныхъ изъ войска, и двѣ сотни, находившихся въ Сыръ-Дарьѣ съ 1872 года, были зачислены въ составъ 1 полка, командиромъ котораго былъ назначенъ подполковникъ Елгаштинъ.

Такимъ образомъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго перерыва снова была возстановлена полковая организація въ Сибирскомъ войскѣ.

По сформированіи 4-хъ сотенъ въ Кокчетавѣ, Елгаштинъ выступилъ на Атбасарь, откуда сотни направились къ Улутаву, а затѣмъ внизъ по Сары-су къ р. Чу, которую и перешли въ бродъ у Бишкулана.

Возлѣ Сузака они перевалили Каратавскія горы и 9 іюля вступили въ гор. Туркестанъ.

Этотъ путь, въ 1260 верстъ, пройденный казаками въ 58 дней при 18 дневкахъ, не представляетъ затрудненій для движенія казачьихъ частей: тамъ всюду достаточно корму, воды и нѣтъ недостатка въ топливѣ. Только подъ Чу встрѣчается 80-тиверстный безводный

переходъ, но и онъ легко проходимъ съ однимъ большимъ приваломъ.

Въ Туркестанѣ Елгаштинъ получилъ распоряженіе о расквартированіи сотенъ: 4-я сотня оставалась на мѣстѣ, а всѣ остальные 11 іюля выступили: одна полусотня со Штабомъ полка въ Ташкентъ, другая въ Аулиеата; 2-я сотня въ Чимкентъ, а 5 и 6 сотни въ Джулекъ и фортъ Перовскій.⁴⁾

Сотни, разбросанныя отъ Ташкента до Перовска и Аулиеата на протяженіи 800 верстъ, несли самыя разнообразныя обязанности. Выставляя караулы и назначая всюду вѣстовыхъ, онѣ держали на 50 почтовыхъ станціяхъ пикеты, отъ 3 до 5 казаковъ на каждой, а съ ранней весны и до глубокой осени безпрерывно конвоировали безконечные транспорты и назначали прикрытія къ топографамъ на все время полевыхъ работъ.

Конвойная служба была особенно обременительна для сотенъ, квартировавшихъ въ Ташкентѣ и Чимкентѣ. Въ этихъ городахъ нерѣдко бывали случаи, когда требовались конвой одновременно на два, а иногда и на три тракта. Въ это время казармы пустѣли, и командиры сотенъ оставались съ вахмистрами, поварами да хлѣбопеками.

Если къ этому прибавить, что нигдѣ по тракту не было помѣщеній для арестантовъ и что казаки стерегли ихъ день и ночь въ открытомъ полѣ въ продолженіе 10 — 15 сутокъ и за это время сами довольствовались однимъ чаемъ съ сухарями, такъ какъ на кормовыя деньги они ничего не могли купить на почтовыхъ станціяхъ, не трудно представить, какія тяжелыя обязанности тогда лежали на казакахъ.

Ранней весной 1874 года на Ташкентско-Казалинскій трактъ прибылъ Оренбургскій полкъ; это дало возможность нѣсколько сосредоточить сотни 1-го полка; онѣ были поставлены: 1-я въ Куйлюкъ^{*)}, 2, 3 и 5-я въ Ташкентѣ, 4-я—въ Чиназѣ и 6-я—въ Ходжентѣ⁵.)

Сотни, расположенныя въ Ташкентѣ, не имѣли казармъ, почему были поставлены въ лагерныхъ баракахъ на лѣвомъ берегу р. Салара, гдѣ во время лѣта стояли и остальные войска ташкентскаго гарнизона. Эти бараки, выложенные изъ сырцоваго кирпича, съ плоскими крышами и земляными полами, какъ лѣтнія помѣщенія, были очень хороши, но въ остальное время года они были невозможны. Осенніе проливные дожди пробивали плоскія земляныя крыши и превращали глинобитные полы въ лужи грязи, которая еще приносилась и съ улицы казаками на сапогахъ. За неимѣніемъ цейхаузовъ и аммуничниковъ, казачье имущество хранилось тутъ же; оно подвѣшивалось къ потолку на палкахъ, а сѣдла складывались подъ нарами.

Отъ грязи, постояннаго гніенія камыша на крышахъ и отъ мокрой аммуниціи, которую приходилось просушивать въ казармахъ же, воздухъ этихъ помѣщеній, особенно ночью, былъ наполненъ зловонными испареніями.

Кухни и хлѣбопекарни имѣли еще болѣе жалкій видъ; онѣ скорѣе походили на лачуги рыбаковъ. Помѣщаясь на самомъ берегу Салара, ихъ крыши упирались въ верхній край обрыва, который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ и хлѣбопекарной печью. Подходя къ этимъ постройкамъ со стороны лагеря, можно было свободно

*) Селеніе Куйлюкъ находилось въ 12 верстахъ отъ Ташкента по Ходженскому тракту.

забраться на крышу и только по торчащей трубѣ догадаться, что внизу есть что-то жилое. Эти печи, устроенныя прямо въ глинистомъ грунтѣ и при топкѣ однимъ камышомъ, требовали большого искусства со стороны хлѣбопековъ, чтобы пропечь хлѣбъ какъ слѣдуетъ.

Лучшія помѣщенія имѣли 1-я сотня въ Куйлюкѣ и 6-я въ Ходжентѣ. Въ Куйлюкѣ казаки занимали хорошо устроенную казарму съ кирпичнымъ поломъ и складами для аммуниціи, а въ Ходжентѣ сотнѣ отведено было большое зданіе шелко-мотальной фабрики съ высокими и свѣтлыми комнатами. Всѣхъ хуже казармы имѣла 4-я сотня въ Чиназѣ; онѣ были низки, тѣсны и имѣли тѣ же недостатки въ періодъ дождей, какъ и ташкентскіе бараки.

Нужно замѣтить, что въ то время вообще туркестанскія войска не имѣли хорошихъ помѣщеній, но регулярныя части все таки размѣщались лучше; ихъ располагали шире и давали больше средствъ на поддержаніе въ исправномъ видѣ казарменныхъ помѣщеній. Какъ-то разъ въ присутствіи командующаго войсками области Елгаштинъ завелъ разговоръ объ улучшеніи сотенныхъ помѣщеній. „Много желаете, полковникъ, да и переведи васъ въ лучшія казармы, еще, пожалуй, казаки заболѣютъ“, отвѣтилъ на это генераль Головачевъ.

Однако и по сборѣ четырехъ сотенъ къ штабу полка на казаковъ возложили тѣ же обязанности, какія они несли въ городахъ по Сыръ-Дарьинской линіи; 1-я сотня, выдѣливъ полусотню въ пограничное съ Коканомъ укрѣпленіе Тилляу, другой полусотней заняла караулы въ Куйлюкѣ.

Сотни 2, 3 и 5 выставили пикеты по станціямъ къ Ходженту, Чимкенту и Чиназу и дали вѣстовыхъ во всѣ управленія и учрежденія въ Ташкентѣ⁶.)

Безпрерывные конвои къ транспортамъ и топографамъ въ связи съ посылкою вѣстовыхъ, даже къ лицамъ, которыя не имѣли никакого служебнаго отношенія не только къ войскамъ, но и къ администраціи, вызывали такіе чрезмѣрные наряды, что въ сотняхъ не оставалось казаковъ для службы, о чемъ въ іюлѣ командиръ полка доносилъ въ штабъ области.

Въ такомъ положеніи находились сотни въ разгаръ лѣтнихъ занятій, на что наконецъ обратилъ вниманіе командующій войсками округа. Онъ приказалъ перевести 4-ю сотню въ Ташкентъ и сократить число вѣстовыхъ, а ко многимъ лицамъ и совсѣмъ не назначать казаковъ⁷.)

Пока казаки собирались къ своимъ сотнямъ, въ полку началась постройка обмундированія, которое принято въ туркестанскихъ войскахъ для вседневной формы. Эта одежда у казаковъ состояла изъ армячныхъ и полотняныхъ рубахъ съ суконными погонами, изъ козловыхъ шароваръ и фуражки съ бѣлыми чехлами. Сотни въ такихъ рубашкахъ съ погонами, въ красныхъ шароварахъ и въ папахахъ или фуражкахъ съ бѣлыми чехлами, имѣли очень красивый видъ.

Главное же достоинство этой одежды то, что она чрезвычайно проста, удобна при верховой ѣздѣ, прохладна лѣтомъ и дешева.

Въ іюлѣ 1875 года полкъ въ составѣ пяти сотенъ впервые представился командующему войсками округа. Генераль-адъютантъ Кауфманъ нашелъ его хорошо обученнымъ и снаряженнымъ, о чемъ было объявлено въ приказѣ по округу.

Въ хивинскомъ походѣ.

Маленькое по пространству, но звѣрски хищное по населенію Хивинское ханство, удаленное отъ границъ Россіи необъятными степями, долго не признавало никакихъ международныхъ правъ. Хивинцы безнаказанно нападали на торговые караваны, возмущали киргизъ, подвластныхъ Россіи, и тысячи русскихъ людей уводили въ плѣнъ.

Вначалѣ русское правительство полагало мирнымъ путемъ установить сношеніе съ Хивой, но эти попытки ни къ чему не повели. Ханы много обѣщали но ничего не исполняли. Убѣдившись въ бесполезности переговоровъ, Россія предпринимаетъ рядъ экспедицій. Такъ, въ 1714 году подъ Хиву былъ посланъ отрядъ князя Бековича-Черкаскаго, который послѣ неимовѣрныхъ лишеній достигъ хивинскихъ предѣловъ и заставилъ хана присягнуть на Коранѣ въ ненарушимости мирныхъ условій. Но и тутъ ханъ измѣнилъ: онъ упросилъ разбить отрядъ на мелкія части, чтобы удобнѣе его продовольствовать, а когда войска разошлись по городамъ, хивинцы напали на русскихъ, большую часть перерѣзали, а остальныхъ обратили въ рабовъ. Самъ Бековичъ палъ на глазахъ вѣроломнаго хана.

Въ 1839 году былъ снова посланъ отрядъ подъ начальствомъ графа Перовскаго, но эти войска не дошли до Хивы.

Рядъ такихъ неудачъ вселилъ въ хивинцахъ увѣренность, что безводныя песчанья степи, которыми окружено ихъ ханство, недоступны для русскихъ, а

потому они съ каждымъ годомъ все враждебнѣе и враждебнѣе стали относиться къ Россіи.

Только въ 1873 году удалось наконецъ сломить это варварское гнѣздо. Подъ Хиву было отправлено 4 отряда: два съ Кавказа и по одному изъ Оренбурга и Туркестана¹⁾.

Съ войсками Туркестанскаго округа принимали участіе 2 офицера^{*)} и 70 казаковъ 1 Сибирскаго полка; казаки эти находились въ ракетной батареѣ^{**)}, въ конвойной сотнѣ генерала Кауфмана и въ конвоѣ начальника отряда, генерала Головачева.

1 марта изъ Ташкента выступилъ 1-й эшалонъ, съ которымъ слѣдовала ракетная батарея. Весь городъ провожалъ войска; знакомые и незнакомые прощались, какъ бы обрекая отрядъ на вѣрную смерть.

Не успѣлъ эшалонъ вытянуться изъ городскихъ садовъ, какъ началъ моросить дождь, который скоро превратилъ дорогу въ сплошную массу липкой грязи. Отрядный обозъ состоялъ изъ тощихъ изнуренныхъ зимней безкормицей верблюдовъ, съ трудомъ выдерживавшихъ восьмипудовый грузъ, а растворившаяся глина окончательно надрывала ихъ слабыя силы. Они безпрестанно скользили ногами и съ крикомъ падали. Нужно много усилій, чтобы въ это время поднять верблюда съ его грузомъ.

Къ 10-му марта все эшалоны выступившіе изъ Ташкента, собрались у г. Джузака и расположились на рѣчкѣ Клы, въ трехъ верстахъ отъ городской стѣны. Съ приѣздомъ командующаго войсками генераль-адъютанта Кауфмана было сдѣлано распоряженіе о даль-

*) Хорунжіе Трошковъ и Симоновъ.

**) Батареей командовалъ артиллеріи штабсъ-капитанъ Янушевъ, дивизионами—поручики: Яндывъ и Н. Куропаткинъ.

нѣйшемъ движеніи отряда. Ракетная батарея снова вошла въ составъ 1 эшалона, который и выступилъ съ Клы 13 марта²⁾). Въ этотъ пасмурный и дождливый день предстояло пройти около 35 верстъ вдоль Нуратинскихъ горъ. Весело эшалонъ двинулся въ путь, но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ горамъ, тѣмъ сильнѣе дулъ порывистый вѣтеръ и сильнѣе шелъ дождь; вдругъ повалилъ снѣгъ, задула метель, да такая, какая на рѣдкость бываетъ въ этой странѣ и зимой. Вначалѣ верблюды еще кое какъ шли, а съ появленіемъ снѣга они окончательно стали. Казаки прибавили ходу и первыми прибыли на мѣсто ночлега къ селенію Нурскъ, гдѣ нашли 3—4-плохенькихъ юрты на весь отрядъ. Страшная метель помѣшала населенію выставить ихъ больше и приготовить войскамъ топливо и фуражъ. Казаки ракетной батареи имѣли въ торокахъ суточную дачу ячменя, чай, сахаръ, сухари и по куску жареной говядины. Все остальное: кухни, подстилочныя кошмы, палатки, бѣлье, оставалось въ обозѣ. Чтобы сохранить людей въ эту ночь, когда все они промокли до костей, а рѣзкій холодный вѣтеръ сковалъ ихъ одежду въ ледяную кору, офицеры все время ходили между казаками, заставляя ихъ быть на ногахъ, для чего устраивали разныя игры, борьбу, составляли хоры пѣсенниковъ. И эта мѣра дала самые блестящіе результаты: казаки не потеряли ни одного человѣка, хотя страшная метель бушевала до утра.

Черезъ два дня 1-й эшалонъ выступилъ дальше и на третьемъ переходѣ получилъ свѣдѣнія, что навстрѣчу войскамъ вышла шайка киргизъ подъ начальствомъ Садыка^{*)}) съ цѣлью засыпать колодцы,

*) Сынъ Кинисары, того султана, который такъ долго волновалъ киргизскія степи сибирскаго и оренбургскаго вѣдомствъ.

по которымъ предстояло двигаться отряду въ Кызыл-кумахъ. Чтобы помѣшать Садыку выполнить свое намѣреніе, генераль Кауфманъ выслалъ впередъ двѣ сотни казаковъ съ ракетной батареей подѣ командой начальника кавалеріи, подполковника Главацкаго³⁾. Этотъ „летучій отрядъ“, какъ его наименовали, шелъ до колодцевъ Аристанъ-бель-кудукъ, нигдѣ не встрѣчая непріятеля и даже не имѣя о немъ точныхъ свѣдѣній. Пока шли до этихъ колодцевъ, все время перепадали дожди и стояли прохладные дни. Только на послѣднемъ переходѣ выглянуло весеннее солнышко и сразу дало себя почувствовать и людямъ, и лошадямъ.

Съ приходомъ остальныхъ войскъ на Аристанъ-бель командующій войсками рѣшилъ направить отрядъ не на Тамды и Минь-булакъ, какъ предполагалось вначалѣ, а вдоль бухарской границы черезъ урочище Хала-ата и колодцы Адамъ-кырылганъ къ Учъ-учаку. Объ этомъ пути имѣлись кое-какія разспросныя свѣдѣнія да записки Ванбери⁴⁾.

На второй день Пасхи еще до восхода солнца всѣ шесть сотенъ съ ракетной батареей были выстроены для встрѣчи князя Евгенія Максимиліановича, герцога Лейхтенбергскаго, назначеннаго въ этотъ день начальникомъ казачьяго отряда. Поздоровавшись съ казаками и вызвавъ пѣсенниковъ, его высочество повелъ сотни прямо на югъ. День былъ жаркій; сорокаверстный переходъ по песчаному грунту былъ очень утомителенъ и особенно тамъ, гдѣ дорогу пересѣкали наносы рыхлаго песку.

Часовъ въ 10 утра сотни достигли колодцевъ Манамъ-джанъ, гдѣ и остановились. Здѣсь всѣ офицеры были приглашены его высочествомъ на завтракъ.

Послѣ трехчасового привала отрядъ выступилъ обратно и поздно вечеромъ вернулся на Аристанъ-бель, откуда черезъ нѣсколько дней казаки снова выступили той же дорогой для изслѣдованія остальныхъ колодцевъ по дорогѣ въ Халаата.

На колодцахъ Кужумды киргизы опять дали знать, что Садыкъ недалеко, но и на этотъ разъ слухи не оправдались, — неприятель нигдѣ не показывался. Такъ, не встрѣчая противника, казаки дошли до Халаата, гдѣ было назначено сосредоточеніе туркестанскаго отряда и гдѣ генераль Кауфманъ приказалъ заложить полевое укрѣпленіе, которое было окончено 23 апрѣля и названо укрѣпленіемъ Св. Георгія.

За время стоянки въ Халаата жизнь казаковъ съ каждымъ днемъ становилась невыносимѣе. Страшный жаръ при сильныхъ порывахъ жгучаго вѣтра нагонялъ такую удушливую пыль, отъ которой не было спасенія; она проникала въ палатки, наполняла глаза, ротъ, носъ, покрывала не только верхнее платье, но и бѣлье⁵).

Зато здѣсь отрядъ нашелъ отличную воду, тогда какъ до Халаата почти на всемъ пути она была горькосоленаго вкуса, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже воющая.

Дальнѣйшее движеніе войскъ было предположено сдѣлать въ слѣдующемъ порядкѣ. Выслать небольшую колонну для расчистки колодцевъ Адамъ-Кырылганъ, а когда эта работа будетъ окончена, перейти туда съ главными силами; здѣсь сдѣлать запасы воды, хорошо напоить верблюдовъ и затѣмъ въ одинъ переходъ съ 2—3 большимъ привалами перевалить пустыню. Казаки должны были выступить изъ Халаата съ такимъ расчетомъ, чтобы соединиться съ главны-

ми силами на послѣднемъ переходѣ песковъ, гдѣ предполагалась и первая встрѣча съ хивинцами.

Для расчистки колодцевъ была выслана колонна подъ начальствомъ генерала Бардовскаго, при которой слѣдовала полусотня казаковъ конвойной сотни генерала Кауфмана. Эти войска выступили подъ вечеръ 27-го апрѣля, а въ два часа ночи были подняты по тревогѣ три сотни казаковъ съ ракетной батареей. Ихъ вызвали по случаю нападенія на колонну Бардовскаго туркменъ, которые во время схватки ранили у насъ 2 офицеровъ*), 4 казаковъ и нѣсколько джигитовъ^б).

На 18 верстѣ отъ Халаата сотни нашли Бардовскаго на мѣстѣ. Отправивъ раненыхъ обратно въ укрѣпленіе съ одной сотней казаковъ и осмотрѣвъ окрестные барханы, Главацкій двинулся впередъ для занятія колодцевъ Адамъ-Кырылганъ; здѣсь онъ настигъ хивинцевъ, но послѣдніе не приняли боя, быстро удалясь въ пески по направленію Аму-Дарьи.

До этого пункта отрядъ не встрѣчалъ еще на своемъ пути такой безотрадной мѣстности, какую онъ нашелъ въ окрестностяхъ Адамъ-Кырылгана. Этотъ уголокъ пустыни замѣчательно правдиво и въ то же время характерно описываетъ знаменитый путешественникъ Ванбери. Онъ говоритъ: „пусть читатель вообразить себѣ необозримое море песку: съ одной стороны высокіе холмы, какъ волны, взбитыя на эту высоту страшными бурями; съ другой тѣ же волны, разбѣжавшіяся мелкой зыбью; точно тихое озеро, рябитъ западный вѣтеръ. „Въ воздухѣ ни птицы, на землѣ ни растенія, ни насѣкомаго, только мѣстами слѣды

*) Артиллеріи полковника Н. А. Иванова и генеральнаго штаба подполковника Техменева.

разрушенной, уничтоженной жизни въ видѣ бѣлѣющихъ костей людей и животныхъ... И надъ этимъ страшнымъ песчанымъ моремъ южное жгучее солнце, сильно накаляющее песокъ. Пусть читатель для довершенія картины вообразить себя въ этой пустынѣ съ отяжелѣлой головой, томимаго жаждой, двигающагося шагъ за шагомъ около выюковъ. Таковъ походъ въ этой странѣ смерти... Въ июнѣ и июлѣ мѣстность эта еще ужаснѣе. Она не даромъ носитъ названіе „Адамъ-Кырылганъ“, что значитъ—погибель человека“.

Пока подходила колонна Бардовскаго, казаки успѣли выкормить и въ волю напоить лошадей. Отсюда они въ ночь выступили обратно съ хорошими вѣстями, что на Адамъ-Кырылганѣ воды будетъ достаточно для всего отряда и, что самое главное, добывать ее не трудно: колодцы очень мелки.

Утромъ 29 числа сотни вернулись въ Халаата, а въ часъ ночи на 30-е апрѣля остальные войска выступили къ Адамъ-Кырылгану, оставивъ на мѣстѣ небольшой гарнизонъ въ укрѣпленіи да казачьи сотни съ ракетной батареей.

Съ уходомъ главныхъ силъ казаки стали готовиться къ предстоящей борьбѣ какъ съ природой, такъ и съ новымъ противникомъ.

Много походовъ и блестящихъ дѣлъ съ непріателемъ выпадало на долю туркестанцевъ, но съ такой пустыней, какую имъ предстояло одолѣть теперь, они не были знакомы даже по описаніямъ. Объ этой дорогѣ ходили какія-то легендарныя сказанія, а о туркменахъ говорили, что это далеко не сарты, съ которыми такъ легко справляться, а что и нашей молодецкой пѣхотѣ придется помѣриться силами; казакамъ

же нечего и думать тягаться съ ихъ быстроногими скакунами и превосходнымъ холоднымъ оружіемъ, которымъ туркмены владѣютъ въ совершенствѣ.

Всѣ эти рассказы какъ-то лихорадочно наэлектризовывали каждаго. Казаки сотенъ осматривали ружья и шашки, а батарейные замѣняли ракеты.

Въ ночь на 1-е мая всѣ сотни съ ракетной батареей выступили къ Адамъ-Кырылгану, куда и прибыли утромъ. Здѣсь онѣ хорошо выкормили и напоили лошадей и въ тотъ же день подъ вечеръ направились дальше. Путь отъ колодцевъ становился все труднѣе и труднѣе; на каждой верстѣ приходилось пересѣкать огромные барханы сыпучаго песку, въ которомъ ноги лошадей мѣстами тонули по колѣно. Между тѣмъ солнце быстро садилось и наконецъ какъ-то сразу исчезло въ песчаныхъ холмахъ; настала темная ночь. Вдругъ впереди блеснулъ огонекъ, его тотчасъ замѣтили казаки ракетной батареи, по обыкновенію находившейся въ головѣ колонны, но только никто не сумѣлъ объяснить, что бы онѣ могъ означать. Большинство предполагало, что этимъ огнемъ отрядъ указываетъ путь казакамъ съ одного изъ высокихъ бархановъ, гдѣ-нибудь верстахъ въ 40 отъ Адамъ-Кырылгана. Но не прошли казаки и 15-ти верстъ, какъ огни показались яснѣе, ихъ стало больше и наконецъ совершенно неожиданно сотни столкнулись съ отрядомъ, стоявшимъ на мѣстѣ и освѣщеннымъ кострами съ разныхъ сторонъ.

Это былъ туркестанскій отрядъ, который уничтожалъ огнемъ все, что не могли поднять обезсиленные верблюды. Пылали разноцвѣтныя бухарскія палатки, офицерскіе мундиры, запасные сапоги, чемоданы, саквояжи; даже сахаръ и стеариновыя свѣчи—и тѣ бро-

сались въ костры. Что не поддавалось огню, ломалось и зарывалось въ песокъ. Но серьезнѣе всего было то, что запасы воды истощались, а верблюды валялись десятками чуть не на каждомъ шагу.

Еще болѣе печальную картину представлялъ бивакъ съ восходомъ солнца, когда жгучіе лучи нестерпимо раскалили песчаные барханы: люди бродили какъ тѣни, исхудалые лошади и верблюды еле держались на ногахъ, всюду виднѣлись потухающіе костры, разбросанные вьюки, и только цѣпь часовыхъ стояла въ порядкѣ на всѣхъ фасахъ бивака и угрюмо смотрѣла въ безпредѣльную даль).

При такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ казаки встрѣтились съ главными силами всего верстахъ въ 20 отъ Адамъ-Кырылгана.

Весь день 2 мая войска оставались на мѣстѣ, не зная, что предпринять; и если бы не старый лауча*), киргизъ, когда-то въ молодости бывавшій въ этихъ мѣстахъ, можетъ быть и туркестанцамъ не суждено было бы бывать въ заколдованной Хивѣ. Но этотъ киргизъ припомнилъ неподалеку колодцы Алты-Кудукъ, на которые и вывелъ войска къ утру слѣдующаго дня. Здѣсь оказалось съ водой 3 очень глубокихъ колодца.

По приходѣ на Алты-Кудукъ, говорится въ описаніи хивинскаго похода, всѣ бросились къ колодцамъ. Несмотря на поставленныхъ для порядка дежурныхъ, давка была ужасная. Каждый стремился раздобыть воды хотя на чайникъ; солдаты просили ее въ крышку манерки. Къ колодцу едва можно было пробраться, и то за тѣмъ развѣ, чтобы убѣдиться въ невозможности дожидаться очереди. Здѣсь стоялъ такой

*) Вощикъ верблюдовъ.

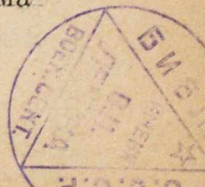
гамъ, что трудно было что-нибудь разобрать; стучали ведрами, боченками, разговаривали, кричали. По временамъ надъ всѣмъ этимъ возвышались голоса: „Александръ Васильевичъ, помилуйте, я съ главной квартиры, теперь нашъ часъ, и я не могу получить ни капли“. — „Прочь! Дать дорогу! Пропусти, говорю тебѣ!“ — „Теперь получаетъ 3-й баталіонъ, никому давать не приказано. Исключеній никакихъ“. Отъ колодца идутъ два солдата. „Прогнали насъ оттуда, братцы, ничего не подѣлаешь“. Казакъ тащитъ ведро съ водою, добытое имъ, навѣрное, съ большимъ трудомъ и послѣ четырехъ часовъ ожиданія. За казакомъ слѣдуютъ 4 его товарища съ чашкою и бутылкою.

Отойдя подальше, группа остановилась; изъ ведра принялись черпать чашкою, налили бутылку; одинъ сталъ на колѣни, прильнулъ губами къ ведру и тянулъ до тѣхъ поръ, пока не оттащили. Немного въ сторонѣ солдаты несутъ боченокъ, привязанный къ лѣсенкѣ. Эта вода, запасенная еще, вѣроятно, въ укрѣпленіи Св. Георгія. Боченокъ отвязали отъ лѣсенки, поставили на землю и обступили кружкомъ. Идетъ раздача воды въ манерки. Каждый, получивъ свою порцію, осторожно идетъ къ себѣ въ палатку. Оставшіеся у боченка лижутъ его дно, смоченное драгоценною влагою. А между тѣмъ солнце, поднимаясь по чистому безоблачному небу все выше и выше, начинаетъ сильно припекать. По временамъ пахнетъ зноемъ съ востока, пронесется столбъ пыли, срывающій на своемъ пути палатки и подымающій на воздухъ кошмы; но пронеслась пыль, застлавшая въ минуту лагерь, и опять таже картина: голые песчаные барханы, разбросанныя по нимъ палатки, кучи людей у колодцевъ.

У другого колодца начальникъ отряда былъ встрѣченъ лаучами, стоявшими на колѣняхъ и просившими воды. Положеніе этихъ несчастныхъ было такъ ужасно, какъ только можно себѣ представить. Между людьми тѣснились лошади, которыя положительно падали на каждое ведро проносимое близко около нихъ.

Въ этомъ описаніи говорится о казакѣ, раздобывшемъ ведро воды; не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ счастливецъ былъ изъ конвойной сотни генерала Кауфмана, а въ остальныхъ сотняхъ едва ли кто получилъ и бутылку; добываемую воду изъ колодцевъ выдавали исключительно пѣхотѣ. Намъ хорошо извѣстно, что съ полудня батарейные казаки уже начали изнемогать отъ жажды; чтобы поддержать ихъ силы, офицеры раздавали имъ куски лимонной кислоты, которая хотя на короткое время утоляла жажду и возстановляла упавшія силы. Такъ въ страшномъ изнеможеніи люди провели первый день на колодцахъ Алты-Кудукъ, и только вечеромъ состоялось приказаніе возвратитъ верблюдовъ и лошадей обратно на Адамъ-Кырылганъ подъ прикрытіемъ казачьихъ сотенъ и нѣсколькихъ ротъ стрѣлковъ.

Утромъ 4 мая эта колонна пришла на Адамъ-Кырылганъ, а въ полдень 5 числа показалась небольшая партія хивинцевъ; она было кинулась на верблюдовъ, но, замѣтивъ прикрытіе удалилась въ пески. На свѣту 6 мая туркмены снова показались; это были всадники въ черныхъ огромныхъ шапкахъ, на рослыхъ красивыхъ лошадяхъ, которыя быстро переносились съ одного бархана на другой. Тутъ же небольшими группами скакали и киргизы Садыка на маленькихъ лошадяхъ.

На этотъ разъ туркмены завязали дѣло; они съ обнаженными кривыми саблями и дикимъ крикомъ начали кидаться на стрѣлковъ, но дружные залпы берданокъ каждый разъ умѣряли ихъ пылъ. Еще большее впечатлѣніе произвелъ на хивинцевъ дивизионъ ракетной батареи, выѣхавшій изъ лагеря съ 2-мя сотнями казаковъ. Ракетчики на карьерѣ вынеслись впередъ и съ самаго близкаго разстоянія выпустили три ракеты по главной толпѣ непріятеля, которая сейчасъ же разсыпалась вѣромъ и начала быстро уходить въ пески; за ней потянулись и остальные всадники. Въ этомъ набѣгѣ принимало участіе до 1000 человекъ подъ начальствомъ Садыка.

Эта стычка показала, насколько у туркменъ развита взаимная выручка. Несмотря на убійственный огонь стрѣлковъ товарищи не оставляли раненыхъ въ бою: они со всѣхъ сторонъ неслись къ упавшимъ съ лошадей и быстро схватывали ихъ на сѣдла.

За четыре дня артиллерійскіе лошади и верблюды настолько отдохнули, что могли двигаться въ путь, а потому ихъ снова съ запасомъ воды отправили на Алты-Кудукъ подъ прикрытіемъ стрѣлковъ. На Адамъ-Кырылганѣ остались одни казаки.

На этотъ разъ каждая часть приставила къ своимъ верблюдамъ офицера, которому вмѣнялось въ обязанность сохранить запасы воды и вывести изъ пустыни огнестрѣльные припасы. Съ верблюдами ракетной батареи выступилъ Симоновъ; ему было приказано въ случаѣ упадка верблюдовъ жечь все, но сохранить воду и ракеты.

Около полудня 9 мая отрядъ снялся съ Алты-Кудука и потянулся къ дорогѣ, съ которой онъ свернулъ 2 мая. На Алты-Кудукѣ остались двѣ роты стрѣлковъ

и всё тяжести, которые не могли быть подняты за недостаткомъ верблюдовъ. Въ этотъ день отрядъ едѣлъ около 18 верстъ. Непрiятель не показывался, а отдохнувшiе верблюды шли довольно хорошо. На слѣдующiй день дорога врѣзалась въ огромные барханы сыпучаго песку, гдѣ опять лошади стали тонуть по колѣно, а верблюды изнемогать и падать. Безпрестанно раздавались голоса: „веди заводного,—съ водой палъ“. Приводили запаснаго верблюда, перевьючивали воду, а чрезъ полверсты снова приходилосъ снимать ее и навьючивать на слѣдующаго заводного. На обязанности аррiергарда лежало уничтожать все, что не могло быть увезено за отрядомъ, а потому костры запылали снова⁸).

Въ ракетной батарее, наконецъ, не осталось ни одного заводного верблюда, а между тѣмъ даютъ знать, что верблюдъ съ водою упалъ. Казаки помогаютъ ему подняться, но несчастное животное въ изнеможенiи опускаетъ голову на раскаленный песокъ. Его оставляютъ, берутъ офицерскаго верблюда, навьючиваютъ воду, а багажъ бросаютъ въ костеръ. Такъ погибло все имущество офицеровъ батареи, и они остались только съ тѣмъ, что было приторочено къ сѣдлу единственной строевой лошади.

Послѣ трехчасоваго привала, когда полуденная жара доходила до 45⁰, отрядъ выступилъ дальше и чрезъ 2—3 перевала увидѣлъ холмы Учъ-Учака, а со слѣдующаго бархана—и отблескъ воды. Это извѣстiе, какъ электричество, облетѣло войска; они забыли усталость, начались поздравленiя, разговоры; теперь каждый былъ убѣжденъ въ несомнѣнной побѣдѣ. Но пока ликовали войска, съ фронта показался непрiятель. Это побудило генерала Кауфмана остановиться на

ночлегъ съ тѣмъ, чтобы на другой день отбросить хивинцевъ съ дороги⁹).

Не успѣлъ арріергардъ подтянуться къ биваку, какъ на всѣхъ фасахъ завязалась перестрѣлка; она всю ночь продолжалась съ небольшими перерывами и только подъ утро, когда къ отряду подходили казачьи сотни, хивинцы оставили войска въ покоѣ.

На этотъ разъ казаки не нуждались въ водѣ; они достаточно привезли ее съ собой въ бутылкахъ и турсукахъ.

Съ приходомъ кавалеріи началась выючка верблюдовъ и выстраиваніе ихъ по дорогѣ въ нѣсколько линій; артиллерійскія части стали впереди и сзади, а пѣхота и казаки во взводныхъ колоннахъ окружили обозъ со всѣхъ сторонъ. Въ этомъ строѣ отрядъ двинулся впередъ.

Пока отрядъ выстраивался на бивакѣ, хивинцы не тревожили войска, но лишь онъ тронулся съ мѣста, они съ крикомъ кинулись на стрѣлковые цѣпи. Непріятель особенно сильно насѣдалъ на головныя части и на хвостъ колонны, гдѣ приходилось отбрасывать его артиллерійскимъ огнемъ. Такъ съ небольшими остановками войска шли до 9 часовъ утра, когда, наконецъ, съ послѣдняго бархана открылась зеркальная поверхность озера Сардабакуля, окаймленная зеленымъ камышемъ. Что за чудную картину представляла эта зелень среди желтой, безпредѣльной полосы песку! При видѣ воды не только люди, но даже верблюды и лошади прибавили ходу, а больные солдаты побросали околочки и явились во фронтъ; войска бодро и весело наступали какъ на церемоніальномъ маршѣ. Этотъ величаво грозный видъ отряда до того поразилъ хивинцевъ, что они сразу прекратили свои

атаки и начали спѣшно уходить къ Аму-Дарьѣ. Другой хивинскій отрядъ, находившійся на холмахъ Учъ-Учака, гдѣ было у него три пушки, безъ выстрѣла бросилъ свою позицію.

У Сардабакуля командующій войсками остановилъ пѣхотныя и артиллерійскія части, а кавалеріи приказалъ преслѣдовать отступавшаго непріятеля и постараться захватить его переправу. Всѣ сотни, перестроенныя въ боевой порядокъ и во главѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ и Герцогомъ Лехтенбергскимъ Евгеніемъ Максимилиановичемъ поскакали къ Учъ-Учаку. Съ этихъ высотъ показалаь Аму-Дарья во всей своей красотѣ и величіи, и тутъ же на берегу рѣки казаки увидѣли хивинскій лагерь съ остатками успѣшно отступавшаго непріятеля. Хивинцы бѣжали по шураханской дорогѣ вдоль берега рѣки и находились отъ казаковъ въ разстояніи 3—5 верстъ.

Преслѣдуя непріятеля, сотни настигли его хвостъ только въ 20 верстахъ отъ Сардабакуля, при чемъ часть хивинцевъ уже успѣла сѣсть въ лодки и отчалить отъ берега. Ракетная батарея сейчасъ же открыла огонь; одинъ дивизионъ стрѣлялъ по отчалившимъ лодкамъ, а другой—по толпѣ туркменъ, оставшейся на берегу рѣки и угрожавшей правому флангу казаковъ. Въ этомъ дѣлѣ настильность ракетъ была превосходна, а ихъ непріятное шипѣніе вмѣстѣ съ клубами пороховыхъ газовъ и наконецъ разрывъ снарядовъ навели такой страхъ на противника, что многіе хивинцы побросались въ воду или попрятались за борты своихъ лодокъ, отчего одна изъ нихъ и сѣла на мель. Конная толпа туркменъ тоже скоро исчезла отъ огня „чортовыхъ пушекъ“, какъ потомъ хивинцы называли ракетные станки.

Еще не все лодки успели доплыть до леваго берега, какъ къ переправѣ подъѣхалъ генераль Кауфманъ. Онъ горячо поблагодарилъ казаковъ за молодецкій набѣгъ и сейчасъ же вызвалъ охотниковъ достать лодку, сидѣвшую на мели по срединѣ рѣки. Выѣхали: 1 офицеръ, 10 уральцевъ и 1 сибирскій урядникъ. Эти молодцы сейчасъ же кинулись въ воду, но не успѣли они сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ быстрое теченіе подхватило лошадей; казалось, никакія усилія не могли заставить коней взять направленіе къ лѣвому берегу. Однако, ловкимъ ударомъ руки по водѣ одному уральцу удалось повернуть свою лошадь, а за ней направились все остальные. Черезъ нѣсколько минутъ охотники случайно наткнулись на мель, гдѣ и остановились отдохнуть. До сего времени казалось, что въ лодкѣ не было людей, но лишь казаки остановились, изъ-за бортовъ ея раздались выстрѣлы. Тогда Кауфманъ приказалъ разсыпать двѣ сотни по берегу и открыть по хивинцамъ огонь, послѣ чего непріятель прекратилъ стрѣльбу, а охотники снова направились къ лодкѣ. Этого приближенія хивинцы не выдержали; они побросались въ воду, а удалые плавцы съ крикомъ „ура“ заняли лодку и скоро благополучно вернулись къ отряду, привезя съ собой еще нѣсколько барановъ и одного быка, находившихся въ лодкѣ.

Уже нѣсколько дней войска не имѣли порціоннаго скота, а потому казаки питались мясомъ до нельзя изнуренныхъ походомъ вьючныхъ лошадей, которыхъ они по очереди убивали и раздавали желающимъ. Эта жесткая какъ подошва конина не давала навару, и въ довершеніе всего безъ соли сваренная она имѣла отвратительный видъ и вкусъ. Какъ ни были

голодные люди, а не многие рѣшались ѣсть эту похлебку.

Зато теперь за кускомъ вкусной баранины казаки говорили безъ-умолку, и, несмотря на бессонную ночь, на усталость послѣ 80-верстнаго перехода песками, они долго не ложились спать.

На слѣдующій день пѣхотныя части подошли къ биваку казаковъ, и въ тотъ же день отрядъ спустилъ въ рѣку нѣсколько желѣзныхъ понтоновъ, которые вмѣстѣ съ хивинской лодкой составили отрядную флотилію.

14 мая войска остановились на большомъ арыкѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ Аму-Дарьи, противъ хивинскаго города Хазараспа. Отсюда часа въ 4 пополудни генераль Кауфманъ выѣхалъ съ конвойной сотней. Не прошло и получаса послѣ его отъѣзда, какъ до отряда долетѣли орудійныя выстрѣлы. Быстро три сотни съ ракетной батареей осѣдлали коней и поскакали на выстрѣлы, которые становились все рѣже и наконецъ совсѣмъ прекратились. Ракетная батарея неслась впереди, выбирая дорогу въ поросляхъ мелкаго талу, кусты котораго не позволяли видѣть рѣки, почему сотни неожиданно очутились на самомъ берегу Аму-Дарьи. Еще не успѣли казаки разсмотрѣть, откуда хивинцы стрѣляли, какъ съ противоположнаго берега раздался залпъ нѣсколькихъ орудій; ядра со свистомъ и визгомъ пролетѣли надъ головами казаковъ и шагахъ въ тридцати за сотнями ударились въ землю. Черезъ минуту хивинцы повторили залпъ и дали недолетъ.

Чтобы не подвергать казаковъ безцѣльной потерѣ, Главацкій повелъ сотни вверхъ по Аму, гдѣ былъ ясно виденъ на пескѣ слѣдъ конвойной сотни. Не-

пріятельская батарея еще разъ сдѣлала выстрѣль, но также безвредный, какъ и первые два. Верстахъ въ 10 отъ этого мѣста сотни встрѣтили командующаго войсками и съ нимъ вмѣстѣ вернулись къ биваку.

На другой день всѣ шесть сотенъ съ ракетной батареей были высланы въ г. Шураханъ, откуда онѣ черезъ три дня вернулись въ лагерь съ большими запасами продовольствія. Пока кавалерія добывала въ шураханскомъ участкѣ порціонный скотъ для отряда, большая часть войскъ успѣла переправиться на лѣвый берегъ рѣки, гдѣ еще разъ хивинцы пытались оказать сопротивленіе отряду, но не имѣли успѣха.

Стычкой у Хазараспа окончились дѣла съ непріателемъ, и туркестанскія войска совмѣстно съ оренбургскимъ и кавказскимъ отрядами 29 мая 1873 года торжественно заняли Хиву.

До іюля мѣсяца всѣ отряды стояли подъ стѣнами столицы ханства, куда стекалось осѣдлое населеніе страны для уплаты контрибуціи. Явились и туркмены, но только съ просьбой внести денежную пеню въ болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ имъ былъ назначенъ. Чтобы настоять на своемъ требованіи, командующій войсками рѣшилъ выслать въ кочевья туркменъ подъ начальствомъ генерала Головачева отрядъ изъ 8 ротъ, 8 сотенъ, 10 орудій и 8 ракетныхъ станковъ. Кромѣ шести сотенъ туркестанской кавалеріи, въ этомъ отрядѣ находились отъ кавказскихъ войскъ сотня сунженцевъ и сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка¹⁰). Генераль Головачевъ выступилъ 8 іюля и остановился у г. Хазавата. Здѣсь онъ сдѣлалъ дневку, ожидая депутацій отъ туркменъ, но іомуды не явились, почему отрядъ 10 числа перешелъ въ наступленіе. Теперь окончательно выяснилось, что турк-

мены рѣшили дать отпоръ нашимъ войскамъ. Всѣ ихъ попутныя сакли были пусты и имущество вывезено; только большіе запасы хлѣба, собраннаго въ скирды, показывали недавнее оставленіе жителями домовъ. За это вѣроломство іомудовъ начальникъ отряда приказалъ казакамъ уничтожить все ихъ имущество. Въ нѣсколько минутъ казаки подожгли туркменскія постройки, и пламя охватило всѣ сакли и скирды хлѣба, которые находились по сторонамъ дороги.

Такъ, предавая огню все, что встрѣчалось на пути, казаки подъ вечеръ настигли большую партію туркменъ, спѣшно уходившую въ пески. Эти бѣглецы были загнаны въ болото, гдѣ ракетная батарея выпустила нѣсколько ракетъ, а сотни атаковали туркменскій обозъ; казаки рубили всѣхъ, кто не успѣлъ ускакать отъ арбъ, при чемъ на обратномъ пути они подожгли туркменское имущество и захватили съ собой до 3000 мелкаго скота.

Въ полдень 13 іюля отрядъ подошелъ къ г. Ильялы, населеніе котораго состояло изъ мирныхъ узбековъ. Какъ только войска разбили палатки, въ лагерѣ появились разносчики фруктовъ, лепешекъ и молока, но въ то же время дали знать, что въ сторожевой цѣпи туркмены налетѣли на казачій постъ и изрубили 5 казаковъ съ дежурнымъ офицеромъ Каманецкимъ.

Одновременно съ этимъ большая толпа туркменъ выѣхала съ другой стороны, куда были высланы сотни съ ракетной батареей и двумя ротами стрѣлковъ. Нѣсколько залповъ и удачно пущенныхъ ракетъ, которыя и на этотъ разъ превосходно рекошетировали по гладкой солонцеватой прогалинѣ, заставили неприятеля отойти отъ лагеря.

На слѣдующій день торговцы опять появились въ лагерь; они всюду ходили, предлагая войскамъ лепешки, дыни, арбузы, виноградъ. Вѣроятно между узбеками было немало туркменъ, которые выматривали расположеніе войскъ. 15 числа начальникъ отряда рѣшилъ атаковать непріятеля. Онъ приказалъ съ вечера устроить вагенбургъ изъ арбъ, гдѣ должны были оставаться отрядныя тяжести подъ прикрытіемъ 2-хъ ротъ и 2-хъ орудій, а остальнымъ войскамъ назначилъ выступленіе въ часъ ночи. Чтобы непріятель не замѣтилъ приготовленій къ выступленію, арбы начали свозить, когда стемнѣло. Но въ 9 часовъ вечера раздались выстрѣлы въ сторожевой цѣпи, и въ отрядѣ забили тревогу, по которой войска стали въ ружье. Однако скоро данъ былъ отбой. Въ 12 часовъ ночи снова раздалась одиночная стрѣльба, и войска опять выстроились. На этотъ разъ секреты замѣтили присутствіе значительныхъ силъ непріятеля на всѣхъ фасахъ бивака, почему генераль Головачевъ отложилъ выступленіе до 3 часовъ утра¹¹.)

Въ назначенный часъ кавалерія съ ракетной батареей впереди вышла изъ лагеря и остановилась въ 500 шагахъ отъ вагенбурга, чтобы дать время подтянуться остальнымъ войскамъ. Лишь только сотни остановились, какъ съ правой стороны проскакала чья-то бѣлая лошадь, и въ ту же минуту влѣво отъ ракетной батареи раздался дикій вой непріятеля. Янушевъ немедленно приказалъ дивизиону Янцына открыть огонь, но уже въ это время весь горизонтъ огласился наистовымъ крикомъ и топотомъ нѣсколькихъ тысячъ коней. Темная ночь лишала возможности что-либо видѣть. Дивизионъ Куропаткина развернулся нѣсколько вправо, и батарея открыла огонь.

Всѣ старые туркестанцы единогласно свидѣтельствовали, что никогда еще въ средней Азіи туземцы не оказывали такого отчаяннаго сопротивленія. Здѣсь туркмены бились на жизнь и на смерть. Они въ числѣ 6000 конницы и 4000 пѣшихъ людей, которые сидѣли на крупахъ лошадей своихъ всадниковъ, кинулись на лагерь, при чемъ пѣшіе люди въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фронта спрыгивали съ коней и вступали въ рукопашный бой съ войсками. Было много туркменъ, которые шли въ бой въ одномъ бѣльѣ съ завязанными глазами и съ одними ножами и серпами въ рукахъ.

Ракетная батарея понесла здѣсь большія потери; первая же ракета разорвалась въ станкѣ, за ней лопнули вторая и третья, и только четвертая полетѣла въ толпы непріятели. Послѣ этой опять начались разрывы въ станкахъ, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока батарею не прикрыла рота 2 стрѣлковаго баталіона, выбѣжавшая изъ лагеря. Но и эта неудачная стрѣльба все-таки принесла огромную услугу войскамъ; она настолько задержала противника, лошади котораго при каждомъ разрывѣ ракетъ становились на дыбы и не шли впередъ, что роты успѣли выбѣжать изъ лагеря и прикрыть казачьи сотни, находившіяся въ первый моментъ боя въ самомъ критическомъ положеніи. Съ одной стороны множество ямъ и арыковъ, съ другой—огромный числительный перевѣсъ безподобной конницы непріятели, застали казаковъ въ колоннѣ по три, и они не имѣли возможности не только развернуться, но и въ порядкѣ спѣшиться.

Въ этомъ дѣлѣ въ батареѣ разорвало 5 станковъ, которые и переранили половину прислуги. Преждевременный разрывъ ракетъ объясняется тѣмъ, что

запасный паркъ ихъ въ туркменской экспедиціи былъ отправленъ на тряскихъ хивинскихъ арбахъ, которыя ежеминутными толчками разбили составъ ракетныхъ трубокъ, отчего онѣ и начали лопаться въ станкахъ. Въ сибирскомъ взводѣ серьезнѣе другихъ были ранены урядникъ Лещева осколкомъ гранаты и казакъ Горшковъ — хвостомъ той же ракеты. Замѣтивъ Лещева выбывшимъ изъ строя, урядникъ Черепашковъ, станокъ котораго былъ уничтоженъ, подбѣжалъ къ Лещеву и управлялъ его станкомъ до конца боя. За эту распорядительность Черепашкова наградили Георгіевскимъ крестомъ.

На разсвѣтѣ туркмены прекратили атаки, а отрядъ, сдавъ своихъ раненыхъ*) въ вагенбургъ и пополнивъ патроны, выступилъ дальше. За Ильялами непріятель снова окружилъ войска, но мѣткая стрѣльба артиллеріи и дружные залпы стрѣлковъ не допускали его близко къ отряду. 16 числа туркмены не показывались, и отрядъ послѣ 20-ти верстнаго перехода остановился на ночлегъ.

На свѣту 17 іюля начальникъ отряда выслалъ кавалерію впередъ. Пройдя 10 верстъ, казаки увидѣли огромный лагерь туркмень. Чтобы не дать непріятелю опомниться, Янушевъ во главѣ своей батареи бросился въ пашки; его примѣру послѣдовали остальные сотни и такъ вся кавалерія съ гикомъ понеслась на арбяные вагенбурги. Неожиданность атаки до того озадачила туркмень, что они безъ всякаго сопротивления побросали все свое имущество, даже женъ, дѣтей и поскакали въ пески. Казаки забрали здѣсь болѣе 3000 арбъ съ имуществомъ, которое тутъ же

*) Убиты: 1 штабъ-офицеръ, 5 нижнихъ чиновъ; ранены: генераль, 2 штабъ-офицера, 2 оберъ офицера, 32 нижнихъ чина.

сжигалось, и до 12000 разнаго скота. Этой атакой закончились дѣла въ Хивинскомъ ханствѣ, и туркмены изъявили покорность.

На обратномъ пути туркестанскія войска переправились чрезъ Аму-Дарью у селенія Ханки и въ двухъ верстахъ отъ города Шурахана заложили Петро-Александровское укрѣпленіе, гдѣ былъ оставленъ небольшой гарнизонъ подъ начальствомъ полковника Н. А. Иванова, а остальные войска вернулись въ Ташкентъ старой дорогою. Только казачьи сотни прошли чрезъ урочище Минъ-Булакъ на фортъ Перовскій.

Возвращаясь изъ Хивы, казаки стройно, мелодично воспѣвали свой походъ:

„Мы давно сжились съ степями
И давно привыкли къ нимъ,
Передъ дикими ордами
Мы не въ первый разъ стоимъ.
Повелѣлъ намъ Царь великій
Подъ Хиву идти въ походъ,
Раздались повсюду клики:
За Царя, за Русь впередъ!
Мы чрезъ горы въ непогоду
Припѣваючи прошли,
Слава русскому народу,
Дѣти русской мы земли!
Мы прошли всю степь, какъ море,
Сквозь песчаный ураганъ,
Тамъ онъ ходитъ на просторѣ,
Бьетъ съ бархана на барханъ.
Тамъ и птицы не летаютъ,
Лишь песокъ летитъ столбомъ;
Но зато теперь всѣ знаютъ,
Что шелъ Кауфманъ молодцомъ.
Тамъ Бековичъ въ оны годы
И Перовскій ратовалъ,
Но забыты ихъ походы,

И давно ихъ слѣдъ запаль.
Слава намъ! Хивинець дикій,
Ты предъ нами отступилъ.
Что задумалъ Петръ Великій,
Александръ то довершилъ“.

За труды и лишения, перенесенные войсками въ хивинскомъ походѣ, была установлена серебряная медаль на георгиевско-владимірской лентѣ съ надписью: „за хивинскій походъ 1873 года“. Эту медаль получили всѣ участники экспедиціи; кромѣ того, сибирскіе казаки были награждены 14-ю знаками отличія военнаго ордена¹²), а хорунжіе Трошковъ и Симоновъ получили слѣдующіе чины сотника и ордена: св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость“, св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ.

По возвращеніи изъ похода казаки, находившіеся въ ракетной батарее, а также сотники Трошковъ и Симоновъ, были снова зачислены въ 3-ю сотню, которая вошла въ составъ 1 полка, прибывшаго въ этомъ году на службу въ Сыръ-Дарьинскую область.

Наканунъ коқандской войны.

Въ первыхъ числахъ іюля 1875 года войска ташкентскаго лагеря посѣтилъ генераль Кауфманъ. Во всѣхъ частяхъ на передней линейкѣ стояли хоры пѣсенниковъ и музыканты. Вечеръ былъ чудный, а потому и гостей въ лагерѣ было очень много. Тутъ же подъ руку ходили молодой статный флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ и Елгаштинъ.

Скобелевъ просилъ назначить ему отъ полка раторнаго казака, знающаго сартовскій языкъ.

Казакъ Кирилло Иванкинъ, на другой день присланный къ Скобелеву, вполне отвѣчалъ его требованіямъ; онъ зналъ сартовскій языкъ въ совершенствѣ, хорошо стрѣлялъ, отлично ѣздилъ и джигитовалъ. По своему умственному развитію и врожденной сметкѣ онъ положительно превосходилъ всѣхъ казаковъ своей сотни. Но водился за нимъ одинъ грѣшокъ: иногда любилъ выпить и пошумѣть.

Въ самое короткое время Скобелевъ привязался къ Иванкину; это былъ его безсмѣнный ординарецъ и постоянный спутникъ. Гдѣ Скобелевъ, тамъ былъ и Иванкинъ съ его заводной лошадыю и кавалерійскимъ карабиномъ.

До чего Иванкинъ изучилъ Скобелева, показываетъ слѣдующій случай. Какъ-то разъ во время похода Михаилъ Дмитриевичъ выходитъ изъ палатки и зоветъ Иванкина, важно растянувшася на кошмѣ. Иванкинъ быстро встаетъ, но не идетъ. „Поди сюда,“ — грозно говоритъ Скобелевъ. „Не пойду, ваше высокоблагородіе“. — „Почему?“ — „Вижу по глазамъ, что опять въ морду дадите“, — отвѣчаетъ Иванкинъ. Михаилъ Дмитриевичъ хохочетъ и уходитъ въ палатку.

Черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія Иванкина Скобелевъ выѣхалъ въ Коканъ, откуда онъ долженъ былъ проѣхать въ Кашгаръ; но неожиданное возстаніе кипчаковъ помѣшало ему это выполнить. Кромѣ Иванкина его конвой состоялъ изъ 6 казаковъ конвойной сотни генерала Кауфмана; въ это же время въ Коканѣ находился чиновникъ по дипломатической части съ 16 казаками отъ 6 сотни 1 полка.

Остановившись въ Коканѣ, Скобелевъ занялся осмотромъ города и изученіемъ его улицъ. Однажды,

проѣзжая вдоль наружной городской стѣны, онъ встрѣтилъ на пути рѣчку, которая однимъ рукавомъ стремительно бѣжала подъ крѣпостную стѣну.

Находившіеся съ ними джигиты начали предупреждать, что рѣчка быстра и въ ней можно утонуть. Какъ бы въ отвѣтъ на эти слова Скобелевъ даль шпоры коню, который прыгнулъ съ крутого берега въ воду. Бурный потокъ моментально сбиль лошадь, и только искусство всадника помогло ей повернуться противъ теченія и продержаться нѣкоторое время на мѣстѣ. За Скобелевымъ кинулся въ воду Иванкинъ; онъ поймалъ коня за поводъ въ то время, когда его снова начало увлекать подъ крѣпостную стѣну. Настала критическая минута, но Скобелевъ ловко выпрыгнулъ изъ сѣдла и ухватился за бревно, торчавшее надъ водой у самой стѣны.

Здѣсь его лошадь поймали казаки а также помогли и ему выбраться на берегъ, гдѣ Михайль Дмитриевичъ съ улыбкою сказалъ: „А что, Ванькинъ*), хорошо я выкупался?“ — „Хорошо, да не вовсе“, отвѣтилъ его ординарецъ.

На другой день послѣ этой поѣздки, въ городѣ начали открыто говорить о приближеніи къ Кокану огромной толпы вооруженныхъ людей подъ начальствомъ Абдурахмана-Автобачи. Это извѣстіе очень встревожило хана, и онъ сталъ упрашивать Скобелева выйти съ нимъ навстрѣчу бунтовщикамъ.

Наканунѣ прибытія Автобачи Скобелевъ всю ночь провелъ съ казаками на дворѣ посольской квартиры, а на свѣту вмѣстѣ съ ханомъ и чиновникомъ-дипломатомъ вышелъ за городъ и остановился на открытой полянѣ, нѣсколько въ сторонѣ отъ ханской став-

*) Такъ Иванкина называлъ Скобелевъ.

ки. Сюда же вышли и ханскія войска въ числѣ 5000 человекъ при 80 орудіяхъ. Когда все это скопище пѣшихъ и конныхъ людей заняло указанныя имъ мѣста, Скобелевъ приказалъ готовить завтракъ, а въ ожиданіи его самъ улегся подъ арбу. Но не успѣлъ поваръ изжарить битки, какъ ханскія войска побѣжали впередъ и передались Автобачи, который въ это время показался у опушки садовъ; при ханѣ осталось не болѣе 1500 всадниковъ. Съ этой конницей и огромной свитой онъ пошелъ по дорогѣ къ Ходжен-ту, куда уже были высланы всѣ его арбы съ имуществомъ.

Слѣдомъ за ханомъ направилось и посольство, но скоро свернуло на проселочную дорогу, которая была указана казакамъ однимъ изъ джигитовъ. Такъ пройдя версты двѣ, Скобелевъ остановился и началъ распредѣлять казаковъ: четырехъ вооруженныхъ его берданками, онъ оставилъ въ хвостѣ колонны, а остальныхъ отправилъ на 200 шаговъ впередъ съ чиновникомъ по дипломатической части. „Вы, полковникъ, въ случаѣ нападенія не бросайтесь на скорый ходъ, а смотрите на меня“, — наставлялъ Михаилъ Димитріевичъ дипломата, какъ объ этомъ говоритъ Иванкинъ. — „Я съ своими казаками не допущу внезапно напасть. А вы, ребята, — обращаясь къ казакамъ, — идите тихо, даромъ пули не теряйте, тогда коканцы будутъ знать, что мы не трусы“.

Такъ отходило посольство по проселочной дорогѣ, которая скоро вывела его на песчаную прогалину, гдѣ въ сторонѣ двигался и ханъ съ своимъ конвоемъ. На этой площадкѣ увязла въ песокъ одна изъ казачьихъ арбъ, на которой лежали патроны. Скобелевъ приказалъ ихъ достать. Это порученіе испол-

нилъ Иванкинъ, но только привезъ не патроны, а деньги хранившіяся въ такомъ же ящикѣ. Когда онъ вторично былъ посланъ къ арбѣ, со всѣхъ сторонъ показались коканцы, но Иванкинъ, благодаря быстрому бѣгу своего коня, успѣлъ предупредить ихъ. Онъ ловко выхватилъ и этотъ ящикъ и также на карьерѣ вернулся обратно. Въ ту же минуту несчастный арбакешъ былъ изрубленъ, а все имущество, оставленное на арбѣ, коканцы разграбили. На этой площадкѣ ихъ набралось до 1000 человѣкъ; они начали гикать и стрѣлять по ханскимъ войскамъ. Этотъ дикій крикъ непріятели такъ повліялъ на нервы Мирзы-Хакима, коканскаго посланника, находившагося при русскомъ посольствѣ, что, по словамъ Иванкина, почтенный сановникъ свалился съ лошади.

Чтобы задержать коканцевъ и дать время хану отойти подальше, Скобелевъ развернулъ всѣхъ казаковъ въ лаву, при видѣ которой, непріятель подался назадъ. Этотъ маневръ онъ повторялъ не разъ въ продолженіе двухъ дней, пока посольство и ханъ отходили къ Ходженту.

На второй день выхода изъ Кокана Скобелевъ вызвалъ пѣсенниковъ. „Выѣхали мы,—говоритъ Иванкинъ,—2 уральца, 1 оренбургскій да 3 сибирскихъ казака;“ но какъ не въ одномъ полку служили, такъ не въ ладъ и затянули. Стой, говорю, ребята, я начну, а потомъ уже за мной все дружно и запѣли: „Ребята, слава впереди, душа кипитъ восторгомъ, храбрость будетъ, на груди у каждаго Георгій...“—„Браво, браво, Ванькинъ, будетъ, братъ, тебѣ Георгій“, весело замѣтилъ Михаилъ Дмитріевичъ¹⁾.

Впослѣдствіи командующій войсками дѣйствительно наградила Иванкина знакомъ отличія воен-

наго ордена за доставку патроннаго ящика и вообще за его удалъ и молодечество передъ непріателемъ, засвидѣтельствоваанныя Скобелевымъ.

На границѣ Ходжентскаго уѣзда посольство и хана встрѣтила 6-я сотня, а затѣмъ и баталіонъ пѣхоты съ дивизиономъ артиллеріи, высланные изъ Ходжента.

Когда такимъ образомъ возвращался изъ Кокана Скобелевъ, Елгаштинъ въ Ташкентѣ осматривалъ прибывшихъ казаковъ изъ войска и въ то же время формировалъ эшелонъ изъ смѣнныхъ, которымъ даже былъ назначенъ день выступленія на родину, но извѣстіе о приближеніи въ Ходжентъ хана, полученное въ Ташкентѣ 28-го іюля, все измѣнило. Льготные казаки сейчасъ же были возвращены въ свои сотни, а 1-я сотня отправлена въ Ходжентъ, чтобы оттуда конвоировать Худояръ-хана въ Ташкентъ. Въ это же время былъ сформированъ и ракетный дивизионъ въ полку.

5 августа былъ назначенъ день выѣзда Худояръ-хана изъ Ходжента. Въ этотъ день рано утромъ 1-я сотня выстроилась у моста черезъ Сыръ-Дарью въ ожиданіи хана; утро было тихое, ясное, но предвѣщало жаркій день. По всемъ направленіямъ береговой улицы гарцовали ханскіе джигиты на отличныхъ лошадяхъ. Все они были одѣты въ разноцвѣтные халаты, забранные въ широкія расшитыя шелками чембары. На головахъ—мѣховыя шапки, покрытыя чернымъ, коричневымъ или краснымъ сукномъ. Вооруженіе ихъ состояло изъ шашекъ, сабель, длинныхъ пикъ, выкрашенныхъ въ черный или красный цвѣтъ и всевозможныхъ системъ ружей. Тутъ были самодѣльные фитильныя, наши кремневыя и ударныя;

пистолеты, револьверы и даже карабины, заряжающіеся съ казны. Пригонка ружей была также чрезвычайно разнообразна. У однихъ они были за плечами, у другихъ — на рукѣ, а у нѣкоторыхъ висѣли на острой передней лукѣ сѣдла или держались въ рукѣ на изготовкѣ.

Вся эта пестрая движущая толпа представляла эффектную картину. Подборъ джигитовъ былъ очень хорошъ; всѣ они были отъ 20 до 40 лѣтъ, средняго роста, хорошо сложены, ловки, красивы и отлично управляли подстоявшимися карабаирами, которые одинъ передъ другимъ просили воли, какъ бы стремясь помѣриться быстротой своего бѣга. Пѣхотинцевъ не было видно. Но вотъ показался изъ улицы ханскій обозъ на огромныхъ коканскихъ арбахъ съ накладушками, окруженный пѣхотой въ красивыхъ курткахъ, широкихъ желтыхъ чембарахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Вооруженіе сарбазовъ было также до крайности разнообразно. Несколько отличались молодцеватостью джигиты, на столько были жалки пѣхотинцы; между ними были юноши и старики; у однихъ не было усовъ, а у другихъ — сѣдья бороды.

За первымъ рядомъ арбъ выѣхалъ второй на болѣе рослыхъ и сильныхъ лошадяхъ; верхъ накладушекъ былъ обшитъ палацами и коврами спереди наглухо, а сзади въ видѣ занавѣса. Это шли арбы съ гаремомъ хана; ихъ было до 15; всѣ онѣ были наполнены ханскими женами и ихъ прислугой. Между этими арбами показалась одна маленькая двухколесная телѣжка съ синимъ верхомъ и стеклянными окошечками по бокамъ и сзади. Это былъ подарокъ кашгарскаго правителя Якубъ-бека, въ которомъ Худояръ совершалъ большую часть своихъ поѣздокъ. Наконецъ выѣхалъ и самъ ханъ, окруженный большой свитой, верхомъ

на красивой саврасой лошади въ богато убранномъ сѣдлѣ; узда, патфія и нагрудникъ были унизаны бирюзой и кораллами въ золотой оправѣ. Его свита, состоявшая изъ приближенныхъ сановниковъ и до 100 конныхъ джигитовъ, также щеголяла подборомъ лошадей и убранствомъ сѣделъ.

У моста командиръ сотни получилъ указанія, что въ первомъ рядѣ арбъ идетъ имущество, не имѣющее особой цѣнности, во второмъ на 10—15 арбахъ—казна и въ третьемъ рядѣ—гаремъ. На основаніи этихъ указаній были высланы 10 казаковъ впередъ, взводъ ко 2 и 3 группамъ, а остальные казаки поѣхали за арбами.

Вереть 5 ханъ ѣхалъ верхомъ возлѣ казны, а затѣмъ пересѣлъ въ маленькую телѣжку и поѣхалъ съ пѣсенниками, которые доставляли ему большое удовольствіе. Ихъ пѣсня „Гремитъ слава трубой,“ особенно нравилась Худояру и вызывала не разъ повторенія.

Переходъ до Мурзарабата былъ пройденъ скоро, при чемъ поѣздъ нагналъ роту пѣхоты, каторая была выслана изъ Ходжента конвоировать хана первыя двѣ станціи. Оставивъ роту на Мурзарабатѣ, сотня съ ханомъ выступила къ Джамбулаку, куда и прибыла до заката солнца, пройдя въ этотъ день 50 вереть.

На другой день въ 7 часовъ утра поѣздъ направился къ Уральской станціи. На этомъ переходѣ Худояръ былъ особенно разговорчивъ; онъ интересовался всеѣмъ, что попадалось ему на глаза; много спрашивалъ онъ о службѣ и домашней жизни казаковъ и неподдѣльно удивлялся ихъ безконечнымъ пѣснямъ въ такой невыносимо-жаркій день. Онъ, сидя въ телѣжкѣ, защищенный отъ солнца, безпрестанно тре-

боваль чаю, его горло пересыхало, а казаки въ пыли и подъ лучами жгучаго солнца распѣвали пѣсню за пѣсней.

Приготовленіе чая въ дорогѣ было чрезвычайно оригинально. Два конныхъ джигита везли по небольшому самовару съ дужкою надъ трубой вмѣсто боковыхъ ручекъ. За эти дужки они держали ихъ въ рукѣ во время переѣздовъ. Обыкновенно одинъ изъ двухъ приставленныхъ къ этому дѣлу людей съ наполненнымъ водою самоваромъ и положенными въ трубу угольями карьеромъ выносился впередъ версты на двѣ и тамъ ожидалъ своего повелителя. Лишь только ханъ подъѣзжалъ къ нему и останавливался, чтобы принять чашку чаю, второй джигитъ продѣлывалъ то же, и такъ ханъ могъ все время получать чай, почти не останавливая поѣзда.

Не доходя двухъ верстъ до селенія Пскентъ, ханъ остановился въ Каравансараѣ, при чемъ казаки, какъ и наканунѣ, заняли всѣ посты около ханской казны и его цѣннаго имущества.

Въ эту ночь было сообщено въ сотню, что шайки коканцевъ ворвались въ Кураминскій уѣздъ. Приказавъ сѣдлатъ лошадей и запрягать арбы, командиръ сотни пошелъ разбудить хана, занимавшаго одну изъ сакель Каравансарая. Когда слуга осторожно постучалъ въ дверь, а переводчикъ сообщилъ о близости коканскихъ шаекъ, въ Каравансараѣ поднялась такая сумятица, такой визгъ и крикъ нѣсколькихъ женщинъ, что трудно себѣ представить. Видимо, однѣ распоряжались, отдавали спѣшныя приказанія, другія метались изъ стороны въ сторону, третьи начинали выбѣгать съ плачемъ въ дверь, не думая закрывать своихъ миловидныхъ лицъ.

Черезъ часъ все было готово, и поѣздъ выступилъ съ ночлега. На этомъ переходѣ дорога пролегла по глинистой волнообразной мѣстности, покрытой толстымъ слоемъ мелкой пыли, которая скоро окутала весь поѣздъ непроницаемой мглой. Верстахъ въ шести отъ Пскента одна изъ арбъ опрокинулась на косогорѣ, отчего рассыпались два ящика съ мелкой серебряной монетой. Пока казаки собирали деньги, пыль нѣсколько улеглась, и на горизонтѣ показалась утренняя заря; теперь поѣздъ уже шелъ безостановочно до Той-тюбе, гдѣ хана встрѣтилъ генераль Головачевъ съ небольшимъ казачьимъ конвоемъ, а въ трехъ верстахъ отъ этого селенія и полкъ съ дивизиономъ оренбургской батареи. Здѣсь Елгаштинъ развернулъ сотни и отдалъ хану установленную честь. Пожелавъ товарищамъ успѣха въ предстоящихъ дѣлахъ съ непріателемъ, сотня направилась къ Куйлюку, а полкъ на рысяхъ двинулся въ Той-тюбе.

У переправы черезъ рѣчку Чирчикъ встрѣтились двѣ роты пѣхоты, высланныя изъ Ташкента навстрѣчу хана. Хотя всякая опасность миновала, но прибытіе ротъ было кстати. Трехдневные большіе переходы въ жаркіе дни по пыльной дорогѣ и усиленная охрана хана и его казны не могли не утомить казаковъ; имъ все время приходилось зорко слѣдить не только за ежеминутно ожидаемымъ врагомъ со стороны, но и наблюдать за ханскими джигитами, на преданность которыхъ не особенно полагался и самъ ханъ.

Однако, когда въ Куйлюкѣ началась разстановка пѣхотныхъ постовъ, Худояръ попросилъ ихъ замѣнить казаками, наивно объясняя, что къ казакамъ онъ привыкъ, а солдатъ еще не знаетъ. Исполняя желаніе хана, сотня еще сутки держала караулы.

На другой день ханъ переѣхалъ въ Ташкентъ, гдѣ ему отвели квартиру въ казенномъ домѣ, куда казаки перенесли все его имущество.

Въ тотъ же день сотня была назначена въ конвой командующаго войсками округа и поставлена на дворѣ его дачи, а 10 августа она получила приказаніе выступить на чимкентскій трактъ для встрѣчи двухъ партій молодыхъ солдатъ, которымъ могли угрожать шайки коканцевъ, появившіяся не подалеку отъ чимкентской дороги. Кромѣ того на сотню же возлагалось развезти по станціямъ ружья съ патронами для вооруженія старостъ и ямщиковъ. Это послѣднее порученіе задержало казаковъ до другого дня. Съ появленіемъ коканскихъ шаекъ въ Курамѣ туземное населеніе Ташкента начало сильно волноваться, и если не было открытаго возстанія, то только потому, что сарты не вполне были убѣждены въ благопріятномъ исходѣ начатаго коканцами переворота. Насколько они уклонялись отъ службы русскимъ, видно уже изъ того, что начальникъ города, полковникъ Мединскій за 12 часовъ времени едва нашелъ 6 арбъ, необходимыхъ сотнѣ для перевозки ружей.

Рано утромъ 11 числа сотня выступила изъ Ташкента и на 8-й верстѣ отъ города встрѣтила первую партію солдатъ, которыхъ и довела до садовъ, примыкавшихъ къ русской части города. Отсюда сотня, не останавливаясь, прошла на первую станцію Капланбекъ, гдѣ ее встрѣтилъ почтовый смотритель.

Въ эти тревожные дни положеніе русскихъ старостъ было очень незавидно; находясь въ полномъ невѣденіи о томъ, что происходитъ на границѣ, и часто выслушивая фантастическіе рассказы киргизъ о мнимодержанныхъ побѣдахъ коканцами, многіе изъ нихъ

были близки къ побѣгѹ. Особенно во-время казаки по-дошли къ станціи Шарапхана, куда только что пріѣхалъ чиновникъ съ Беклербека. Онъ требовалъ немедленно лошадей, говоря, что за нимъ гналась шайка коканцевъ. Здѣсь предполагалось дать лошадямъ отдыхъ, но въ виду завѣреній о появленіи шайки, сотня выступила на рысяхъ дальше и на 10 верстѣ отъ станціи встрѣтила солдатъ, которые отъ самаго Чимкента не видали ни одного коканца.

На обратномъ пути, начиная со станціи Джари, старосты начинали сообщать о пораженіи коканцевъ въ долину Ангрена, и тутъ же сотня еще разъ встрѣтила Худояръ-хана. На этотъ разъ онъ съ нѣсколькими приближенными и съ небольшимъ казачьимъ конвоемъ ѣхалъ въ своей маленькой телѣжкѣ въ гор. Оренбургъ. Какъ ни былъ печалень Худояръ, а все-таки остановился и въ послѣдній разъ дружески попрощался съ казаками.

14 августа сотня вернулась въ Ташкентъ, гдѣ командиръ сотни представился полковнику Чемерзину, остававшемуся за командующаго войсками области. „А слышали, какъ Семень Алексѣевичъ обработалъ коканцевъ? Право, молодецъ,—лихо, по-казачьи! Вотъ, читайте объявленіе; это мы распубликовали, чтобы сарты знали, какъ ихъ будутъ бить за измѣну“, говорилъ онъ скороговоркой Симонову.

Сущность объявленія состояла въ томъ, что 1-й Сибирскій полкъ въ ночь на 12 августа уничтожилъ въ горномъ ущельѣ коканскую шайку, причемъ на мѣстѣ осталось много изрубленныхъ тѣлъ непріятели и казаками отбито до сотни ружей, шашекъ, пикъ и нѣсколько десятковъ лошадей.

Въ Ташкентѣ сотня оставалась два дня за вырѣ-

шеніемъ вопроса, куда ее направить. Наконецъ 16 числа она выступила къ Ходженту и на другой день около 6 часовъ вечера прибыла на Мурзарабатъ, гдѣ находился генераль Кауфманъ съ войсками. Подходя къ отряду, сотня встрѣтила шайку коканцевъ, за которыми гнались казаки, высланные съ бивака. Эта погоня и неожиданное появленіе 1-й сотни съ противоположной стороны обратили коканцевъ въ поспѣшное бѣгство, и они скоро скрылись въ горахъ. На Мурзарабатъ сотню подробно осмотрѣлъ командующій войсками округа и высказалъ свою благодарность какъ за молодежавый видъ людей, такъ и за отличное состояніе лошадей, которыя, нужно замѣтить, были въ хорошей работѣ подъ рядъ 10 дней, пробѣгая отъ 25—65 верстъ въ сутки, а послѣдній переходъ сотня сдѣлала въ 73 версты.

Остановивъ сотню, Симоновъ пошелъ представиться командиру полка, который въ это время сидѣлъ за стаканомъ чаю подъ арбой.

„Здравствуй, здравствуй, что новаго въ Ташкентѣ?.. Теперь ужъ я тебѣ не начальникъ, являйся къ Скобелеву“, говорилъ онъ. Никогда, кажется, Елгаштинъ не былъ такъ мраченъ, какъ въ этотъ день; онъ былъ страшно возбужденъ.

Что произошло въ эти послѣдніе дни между нимъ и Скобелевымъ, съ увѣренностью едва ли кто можетъ сказать. Одни говорили, что Елгаштинъ сказалъ какую-то дерзость Скобелеву, другіе, что Скобелевъ былъ не правъ: распорядился какой-то сотней помимо командира полка, что со стороны Елгаштина вызвало протестъ. Послѣднее, кажется, было ближе къ истинѣ.

На другой день въ 5 часовъ утра отрядъ высту-

пиль къ Ходженту, откуда Елгаштинъ вернулся въ Ташкентъ, гдѣ оставались въ его распоряженіи команда казаковъ при штабѣ полка, полусотня въ Тилляу да 3-я и 5-я сотни Леденева и Грязнова, поставленныя въ Пскентѣ. На эти сотни возлагалось возстановить прерванное коканцами сообщеніе между Ходжентомъ и Ташкентомъ и не допускать вторженія ихъ шаекъ въ Кураминскій уѣздъ.

Постоянное конвоированіе почтъ и проѣзжающихъ при убійственной обстановкѣ въ осеннее ненастное время года, выпало на долю казаковъ этихъ двухъ сотенъ, вмѣсто боевыхъ отличій, которыя за это время стяжали ихъ товарищи въ предѣлахъ Коканскаго ханства.

Въ Коканскомъ походѣ.

Рядъ жестокихъ поражений, нанесенныхъ коканскому хану въ шестидесятыхъ годахъ, поставилъ его въ полную зависимость отъ туркестанской администраціи, и онъ безпрекословно исполнялъ всѣ ея требованія. Населеніе ханства, повидимому, оставалось совершенно спокойнымъ. Только изрѣдка доносились слухи о воинственномъ настроеніи кашгарскаго Якуббека, но и онъ не вызывалъ никакихъ серьезныхъ приготовленій. Внезапное возстаніе коканцевъ, окончившееся изгнаніемъ хана, человѣка въ высшей степени жестокаго, который по одному подозрѣнію умерщвлялъ сотни людей, еще не давало повода предполагать объ открытіи военныхъ дѣйствій. Многіе были того мнѣнія, что съ выборомъ новаго хана волненіе уляжется и дѣла примутъ мирный оборотъ. Но эти

предположенія не оправдались. Во главѣ возстанія сталъ энергичный и популярный въ народѣ кипчакъ Абдурахманъ Автобачи. Изгнавъ хана, онъ объявилъ священную войну и противъ русскихъ. Этотъ смѣлый планъ поднять мусульманъ не былъ минутной вспышкой, какъ показали послѣдующія событія, а подготовлялся исподволь. Еще задолго до обнаруженія „газовата“, * нѣсколько вліятельныхъ русско-подданныхъ сартовъ бѣжали изъ Ташкента въ Коканъ и тамъ примкнули къ возставшимъ. Съ объявленіемъ же войны все населеніе ханства, напутствуемое муллами, охотно бросилось на борьбу съ невѣрными, желая освободить свою родину отъ пришлыхъ „кафировъ“. Такъ внезапно загорѣлась война.

Первая непріятельская партія показалаь въ Кураминскомъ уѣздѣ около полудня 6 августа; она спустилась съ Кендырь-Даванскаго перевала и заняла кишлакъ Аблыкъ въ 25 верстахъ отъ укрѣпленія Тилляу, гдѣ находились одна рота пѣхоты и полусотня казаковъ отъ 1 сотни. Въ то же время перевалили горы въ разныхъ мѣстахъ еще до 10000 вооруженныхъ людей, которые разошлись по кишлакамъ долины Ангрена. Со стороны Ходжента непріятель показался на свѣту 8 числа¹⁾.

Извѣстіе о вторженіи коканцевъ въ Кураминскій уѣздъ было получено въ Ташкентѣ въ ночь на 7 августа. Наканунѣ вечеромъ все офицеры полка долго засидѣлись въ лагерѣ; Елгаштинъ вернулся домой около двухъ часовъ ночи, а въ три ему подали записку отъ генерала Головачева, предлагавшаго немедленно выступить съ полкомъ и дивизіономъ Оренбургской конной батареи въ Той-тюбѣ, откуда выслать

*) Священной войны.

двѣ сотни къ Пскенту навстрѣчу хана, а съ остальными казаками слѣдовать къ Тилляу. Черезъ два часа всеѣ сотни были уже въ пути. Ихъ сборы были такъ спѣшны, что офицеры, не исключая и командира полка, не успѣли сдѣлать никакихъ запасовъ на дорогу, даже не имѣли лишней смѣны бѣлья. Когда послѣ дѣль съ коканцами въ долину Ангрена они приводили свои костюмы въ болѣе опрятный видъ, то надѣвали кителя, чтобы помыть бѣлье, и оставались въ одномъ бѣльѣ, когда мылись кителя.

Мы уже знаемъ, что около 9 часовъ утра полкъ былъ въ Тойтубѣ, откуда генераль Головачевъ лично повелъ его дальше, и, не доходя 10 верстъ до Тилляу, остановился на ночлегъ.

Быстрое движеніе сотенъ, которыя въ этотъ день прошли около 75 верстъ, заставило коканцевъ отойти отъ укрѣпленія Тилляу къ кишлаку Варантай.

Пока кавалерійскій отрядъ не подошелъ къ Тилляу, незначительный гарнизонъ укрѣпленія два дня не оставлялъ стѣнъ своего слабаго укрѣпленія. Онъ ежеминутно ожидалъ нападенія. Мелкія шайки коканцевъ все время были на виду и часто проникали въ кишлакъ, непосредственно примыкавшій къ укрѣпленію, откуда непріятель могъ имѣть удобные подступы.

Съ приходомъ стрѣлковаго баталіона, генераль Головачевъ 10 числа перешелъ въ наступленіе и однимъ рѣшительнымъ ударомъ разсѣялъ огромную партію коканцевъ²). Въ этотъ день полкъ, преслѣдуя непріятеля, прошелъ около 80 верстъ по горной пересѣченной мѣстности и только въ 11 часовъ вечера вернулся на бивакъ. Но и послѣ этого пробѣга онъ не имѣлъ отдыха. Въ 3 часа утра его снова выслали навстрѣчу другой партіи коканцевъ, появившейся въ ущельѣ Ургазъ.

Пройдя версть 20, Елагаштинъ захватилъ шайку врасплохъ, когда она поднималась съ ночлега. Внезапное появленіе казаковъ съ фронта и удачный обходъ двухъ сотенъ съ фланговъ озадачили коканцевъ. Они, не оказывая сопротивленія, начали метаться въ разныя стороны; многіе бросали свои вещи, оружіе, даже сѣдла, чтобы легче укрыться въ камняхъ и расщелинахъ горъ, но пашки и пули казаковъ находили ихъ вездѣ. Лихая же атака 3-й и 4-й сотенъ окончательно довершили пораженіе непріятельской партіи въ 1000 человекъ.

Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ обратили на себя вниманіе урядникъ Василій Путинцевъ и портупей-юнкеръ Александровъ. Первый со взводомъ казаковъ 4-й сотни обскакалъ партію коканцевъ въ 80 человекъ и не далъ ей выйти изъ ущелья, а второй вышелъ съ 6 казаками въ тылъ шайкѣ по очень трудной тропѣ и мѣткими выстрѣлами билъ непріятеля на выборъ. Но еще больше отличился казакъ Христофоръ Урывкинъ. Въ день сосредоточенія отряда у кишлака Варантай къ Тилляу подходилъ артиллерійскій паркъ и въ 7 верстахъ отъ укрѣпленія былъ атакованъ шайкой въ 70 человекъ. Прикрытіе состояло изъ нѣсколькихъ человекъ солдатъ и казаковъ. Сознавая невозможность дальнѣйшаго слѣдованія транспорта подъ огнемъ непріятеля, Урывкинъ вызвался дать знать въ укрѣпленіе. Переодѣвшись въ халаты сарта арбакеша, онъ незамѣтно отъѣхалъ въ сторону и, укрываясь глинобитными стѣнками окружающихъ полей, направился къ Тилляу. Когда же, наконецъ, коканцы обратили на него вниманіе, онъ пустилъ свою лошадь карьеромъ и несмотря на погоню и выстрѣлы непріятеля, благополучно доскакалъ до отряда и, транспортъ былъ вырученъ сотней³).

13-го августа отрядъ генерала Головачева перешель къ селенію Карысь, откуда въ 2 часа ночи полкъ опять былъ высланъ за 15 верстъ отъ бивака навстрѣчу коканцамъ, но на этотъ разъ непріятель не принялъ боя. Заслышавъ о приближеніи казаковъ, шайка вернулась обратно въ горы. Отсюда Елгаштинъ прошелъ на Уральскую почтовую станцію, гдѣ находился главный отрядъ съ командующимъ войсками округа⁴).

Здѣсь генераль Кауфманъ наградилъ полкъ 14 знаками отличія военнаго ордена за всѣ дѣла съ непріателемъ въ долинѣ Ангрена⁵).

Пока отрядъ генерала Головачева находился подъ Тилляу, огромное скопище коканцевъ атаковало Ходжентъ, гарнизонъ котораго состоялъ изъ баталіона пѣхоты, одной мѣстной команды, пѣшей батареи и 6-й сотни Кавецкаго. Эта единственная въ городѣ кавалерійская часть, одиннадцать дней подъ рядъ несла безсмѣнно сторожевую, развѣдывательную и ординарческую службы; не было казака, который бы не былъ у дѣла: или онъ скакалъ изъ одного наблюдательнаго пункта въ другой, или высматривалъ непріятеля въ садахъ, непосредственно примыкавшихъ къ городской стѣнѣ, или, наконецъ, развѣзжалъ по туземному городу и своимъ присутствіемъ успокаивалъ жителей, которые въ паническомъ страхѣ начали было зарывать въ землю имущество и оставлять дома.

На другой день выѣзда Худояръ-хана изъ Ходжента, партія коканцевъ бросилась на ташкентско-ходженскій трактъ, гдѣ непріятель разграбилъ и сжегъ три почтовыхъ станціи, причемъ были убиты 6 ямщиковъ и 2 русскихъ старосты. Здѣсь же коканцы захватили въ плѣнъ нѣсколько человекъ проѣзжа-

ющихъ, но не могли одолѣть двухъ казаковъ 6-й сотни. Казаки эти, Сидоръ Ивановъ и Сергѣй Докучаевъ, возвращались изъ Ташкента въ Ходжентъ. Чтобы избѣгнуть жары и сократить свой путь, они ночью на 7 августа выѣхали изъ Пскента, миновали 1-ю сотню, которая тогда стояла съ ханомъ у караванъ-сарая, и, не заѣзжая на Уральскую станцію, направились степью прямо къ Джамбулаку. Разграбленная станція и трупы убитыхъ ямщиковъ указывали на близость грабительскихъ шаекъ, что, однако, не смутило удалцовъ. Они послѣ небольшого отдыха поѣхали дальше.

Ровная открытая мѣстность, нѣсколько возвышенная къ Мурзарабату, скоро открыла казаковъ, и къ нимъ навстрѣчу понеслась шайка въ 30 человекъ. Докучаевъ и Ивановъ въ свою очередь поскакали къ Сыръ-Дарьѣ въ направленіи горъ. Благодаря быстрому бѣгу своихъ лошадей, они успѣли раньше коканцевъ доскакать до ущелья, гдѣ и спѣшились. Здѣсь разъяренная шайка не разъ бросалась въ пашки, даже во время рукопашной схватки ранила Иванова пикой въ руку и выбила у него ружье, но ни онъ, ни Докучаевъ не дрогнули. Обороняясь одинъ пашкой, а другой ружьемъ, они на другой день окровавленные и оборванные явились въ Ходжентъ пѣшкомъ ⁶⁾.

Впослѣдствіи на вопросъ командующаго войсками, какъ они отбивались отъ коканцевъ, Докучаевъ, не задумываясь, отвѣчалъ: „я, ваше превосходительство, примѣрно, разсыпался, а онъ былъ въ лизерфѣ“. Эти оба молодца получили по знаку отличія военнаго ордена.

Въ Ходжентѣ генераль Кауфманъ отдалъ приказъ

о сформированіи отряда подъ начальствомъ генерала Головачева для дѣйствій противъ Кокана. Въ составъ его входили: рота саперъ, два стрѣлковыхъ баталіона, 4 линейныхъ роты, 12 пѣшихъ и 8 конныхъ орудій при 9 казачьихъ сотняхъ и 8 ракетныхъ станкахъ.

Кавалерія отряда находилась подъ начальствомъ Скобелева и дѣлилась на 4 дивизіона по двѣ сотни въ каждомъ.

Первый дивизіонъ составляли 2 и 5 Оренбургскія сотни подъ командой своего командира, полковника Шубина.

Второй дивизіонъ изъ 1 Оренбургской и 1 Уральской сотенъ*) былъ подъ начальствомъ войскового старшины Рогожникова.

Въ составъ же третьяго и четвертаго дивизіона входили: 1, 2, 4, 6-я сотни 1 Сибирскаго полка; онѣ находились подъ командой полковника Бреверина и майора Клименко.

Командиромъ ракетной батареи изъ 4 Сибирскихъ и 4 Уральскихъ станковъ былъ назначенъ капитанъ Абрамовъ⁷⁾.

Утромъ 20 августа дѣйствующій отрядъ, имѣя всю кавалерію впереди, выступилъ изъ Ходжента по коканской дорогѣ и, пройдя за селеніе Костакозъ, остановился на берегу Сыръ-Дарьи. На этомъ переходѣ непріятель издали слѣдилъ за войсками.

На другой день пѣхота съ артиллеріей и обозомъ выступили въ общей походной колоннѣ по дорогѣ, а кавалерія съ дивизіономъ конныхъ орудій выстроилась отдѣльно на правомъ флангѣ отряда. На высотѣ головы пѣхотной колонны шли 1-й и 2-й дивизіоны во

*) Командиръ Уральской сотни, нынѣ генералъ-майоръ Жигалинъ, — командиръ Западо-Сибирской казачьей бригады.

взводныхъ колоннахъ, имѣя въ интервалѣ 4 орудія Оренбургской батареи, а на правомъ флангѣ—8 ракетныхъ станковъ.

Вторую линію составляли сибирскія сотни; онѣ шли въ полковой сомкнутой колоннѣ и въ 500 шагахъ отъ первой.

Въ этотъ день, какъ только отрядъ тронулся съ мѣста, конный непріятель густыми толпами началъ оцѣплять казаковъ съ правой стороны. Сначала Скобелевъ вызвалъ рѣдкую цѣпь наѣздниковъ, но къ 8 часамъ утра она была усилена до взвода казаковъ отъ каждой сотни; наѣздники, охватывая кавалерійскую колонну справа, съ фронта и съ тыла, скоро завязали оживленную перестрѣлку.

Непріятель особенно насѣдалъ на правый флангъ и тылъ. На этомъ переходѣ Скобелевъ два раза перемѣнялъ фронтъ направо и вызывалъ на позицію дивизионъ конныхъ орудій и ракетную батарею.

Огня артиллеріи коканцы не выдерживали; насколько они стремительно кидались впередъ, настолько же быстро уходили назадъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ конныхъ орудій и ракетныхъ станковъ. Такъ около 20 верстъ казаки шли съ непрерывнымъ боемъ до селенія Карачкумъ, гдѣ генералъ Кауфманъ рѣшилъ остановить отрядъ.

Эта первая встрѣча съ коканцами имѣла исключительный характеръ кавалерійскаго боя. По словамъ генерала Кауфмана, казаки весь день маневрировали превосходно, и попытки много-тысячнаго непріятели опрокинуться на нихъ всею массою не имѣли успѣха.

Изъ войскъ главной колонны въ этомъ дѣлѣ принимали участіе только три роты пѣхоты да и то тогда,

когда кавалерія, направляясь къ биваку, переходила глубокой арыкъ у Карачкума.

Пока войска располагались на бивакъ, конный непріятель снова показался у Карачкума; чтобы прогнать его отъ лагеря, съ бивака были высланы двѣ колонны: одна изъ 2, 3 и 4 дивизиона казаковъ съ ракетной батареей и другая изъ 4 ротъ пѣхоты со взводомъ артиллеріи, но коканцы не приняли боя; они скоро отошли въ горы и ночью не тревожили войска.

Слѣдующій переходъ велъ прямо къ Махраму, куда отъ бивака пролегало двѣ дороги. Одна шла вдоль рѣки и направлялась на крѣпость, а другая огибала ее съ южной стороны и выходила на кишлакъ Махрамъ, откуда можно было дѣйствовать во флангъ укрѣпленной позиціи, возведенной коканцами для усиленія обороны крѣпости. Командующій войсками выбралъ эту послѣднюю дорогу для движенія отряда.

Въ 5 часовъ утра 22 августа войска выступили съ ночлега, имѣя въ головѣ колонны два стрѣлковыхъ баталіона съ батареей артиллеріи. Казаки вышли нѣсколько позднѣе и, перейдя Карачкумскій арыкъ, перестроились въ боевой порядокъ, какъ и наканунѣ, только сибирскія сотни были построены подивизионно во взводныхъ колоннахъ⁸).

Передъ выступленіемъ съ бивака Скобелевъ объявилъ всѣмъ дивизионерамъ и сотеннымъ командирамъ, что въ этотъ день задача кавалеріи задержать непріятеля со стороны горъ, чтобы главная колонна шла безостановочно до крѣпости. „Когда же отрядъ будетъ на высотѣ укрѣпленной позиціи и пѣхота бросится на штурмъ ея, я съ первой линіей,—доба-

виль Михайль Дмитріевичь, — кинусь черезъ сады кишлака на путь отступленія коканцевъ. Вторая линія должна поддержать первую“.

Съ движеніемъ отряда огромныя толпы коннаго непріятели потянулись навстрѣчу войскамъ, захватывая правый флангъ боевого порядка. На третьей верстѣ отъ Карачкума силы противника такъ увеличились, что вся ровная открытая мѣстность, на сколько окидывалъ глазъ, была усыпана всадниками; они неистово гикали и джигитовали передъ сотнями, которыя и въ этотъ день были окружены густою цѣпью наѣздниковъ. Такъ медленно, но въ полномъ порядкѣ, шла кавалерія, ведя по всей линіи оживленную перестрѣлку съ коканцами. Наконецъ, на 10 верстѣ влѣво на берегу Сыръ-Дарьи показался Махрамъ. Эта четырехугольная крѣпость съ бастіонами на зубчатыхъ стѣнахъ имѣла одинъ ворота на сѣверномъ фасѣ, а противъ южной стѣны и неподалеку отъ кишлака — одно полевое укрѣпленіе. Отсюда и съ крѣпостной стѣны непріятель могъ перекрестнымъ огнемъ обстрѣливать береговую дорогу, если бы по ней двигался отрядъ⁹).

По мѣрѣ приближенія войскъ къ кишлаку число конныхъ коканцевъ становилось все больше и больше; наконецъ, они, какъ тучи, облегли казаковъ съ трехъ сторонъ. Ракетная батарея и конный дивизионъ нѣсколько разъ открывали огонь, а густая цѣпь наѣздниковъ и спѣшенныхъ казаковъ безостановочно вела оживленную перестрѣлку.

На высотѣ Махрамскаго кишлака стрѣлковые баталіоны зашли правымъ плечомъ и стали во флангъ укрѣпленной позиціи. Замѣтивъ это обходное движеніе стрѣлковъ, нѣсколько тысячъ коканцевъ поне-

слись на сибирскія сотни, но на карьерѣ прискакавшей изъ первой линіи Оренбургскій дивизионъ артиллеріи, картечью отбросилъ ихъ обратно къ горамъ. Почти одновременно съ этой атакой раздались орудійные выстрѣлы изъ опушки садовъ кишлака, куда коканцы успѣли перевести часть своей артиллеріи. Батареи изъ главной колонны въ свою очередь открыли огонь. Вѣроятно, этотъ артиллерійскій бой представлялъ живописную картину со стороны горъ, такъ какъ кара-киргизы и кипчаки оставили казаковъ въ покоѣ и, находясь внѣ орудійнаго выстрѣла, начали смотрѣть на борьбу двухъ артиллерій, гдѣ принимало участіе не менѣе 30-ти орудій. Такое благодушное настроеніе кипчаковъ позволило перевести Оренбургскій дивизионъ на лѣвый флангъ первой линіи кавалеріи и открыть огонь по коканскимъ батареямъ въ садахъ. Съ дивизиономъ конныхъ орудій перешла и 1-я сотня, находившаяся въ прикрытіи его при отраженіи атаки кипчаковъ на вторую линію.

Какъ только Оренбургскій дивизионъ выѣхалъ на позицію, часть коканскихъ орудій прекратила стрѣльбу по главной колоннѣ и открыла огонь по дивизиону и прикрывавшей его 1-й сотнѣ, но эта стрѣльба не причинила вреда казакамъ. Не такъ было счастливо прикрытіе въ главной колоннѣ: тамъ коканскія ядра вырвали изъ строя нѣсколько человекъ и въ томъ числѣ одного джигита, находившагося возлѣ генерала Головачева.

Наши батареи, энергично поддерживая огонь, скоро подбили нѣсколько коканскихъ орудій, послѣ чего стрѣлковые баталіоны подались ближе къ опушкѣ садовъ. Это наступленіе стрѣлковъ образовало большой интерваллъ между первой линіей кавалеріи и

общимъ резервомъ войскъ, находившимся при отрядномъ обозѣ. Когда же стрѣлковые баталіоны подошли къ садамъ на прямой ружейный выстрѣлъ, Скобелевъ приказалъ 1-й сотнѣ отвести артиллерійскій дивизионъ къ резерву, а второй линіи приблизиться къ первой. Еще не дошла 1-я сотня до главной колонны, какъ стрѣлки стройно двинулись на штурмъ кишлака, а слѣдомъ за ними и нѣсколько вправо поскакалъ въ сады Скобелевъ со 2-мъ дивизиономъ; за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи направились оренбургцы съ ракетной батареей. Это смѣлое движеніе сотень первой линіи не ускользнуло [отъ вниманія коннаго непріятеля, который передъ этимъ уже началъ было уходить вдоль горъ къ Кокану, а теперь повернулъ назадъ и въ огромномъ числѣ кинулся къ садамъ.

Не поспѣвши коканцы, дай время заскакать въ кишлакъ и второй линіи, они могли бы атаковать казаковъ съ тылу и приогромномъ численномъ перевѣсѣ нанести имъ большія потери. Но теперь оставались въ долинѣ сибирскія сотни, которыя и приняли на себя всѣ атаки многотысячной толпы непріятеля. Съ приходомъ 1-й сотни 3-й и 4-й дивизионы перешли въ наступленіе; окруживъ свой фронтъ густою цѣпью наѣздниковъ, они около 10-ти верстъ шли съ боемъ удерживая въ долинѣ конныхъ коканцевъ и дали этимъ возможность казакамъ 1-й линіи блистательно атаковать пѣшаго непріятеля, который бѣжалъ изъ крѣпости и кишлака вдоль рѣки по другую сторону садовъ.

Между тѣмъ Скобелевъ, рассчитывая на поддержку второй линіи, слишкомъ зарвался впередъ съ Уральской и Оренбургской сотнями и верстахъ въ семи

отъ крѣпости наскочилъ на большую и свѣжую партію коннаго непріятеля. Замѣтивъ неизбежное разстройство сотенъ послѣ продолжительной атаки, коканцы бросились на казаковъ. Но въ это время быстро-развернулась ракетная батарея и пустила въ толпу 8 ракетъ. Эта удачная стрѣльба сразу отбросила коканцевъ назадъ, послѣ чего Скобелевъ въ свою очередь началъ отходить обратно къ Махраму.

Такъ кончилось Махрамское дѣло, и сотни 1-й и 2-й линіи почти одновременно вернулись къ крѣпости, которая была взята стрѣлками штурмомъ.

Трофеями этого боя были 39 орудій, 100 фальконе-товъ, 1500 ружей, множество сабель, батиковъ, пикъ, 50 бунчуковъ, знаменъ и значковъ, большіе склады пороху, снарядовъ, свинцу, болѣе 3000 пудовъ хлѣба и 224 лошади.

По свидѣтельству хана, подъ Махрамомъ было собрано не менѣе 50,000 вооруженныхъ людей, изъ нихъ непріятель потерялъ до 2000 убитыми и ранеными.

На четвертый день послѣ штурма, оставивъ въ Махрамѣ двѣ роты съ 20 сибирскими казаками 6-й сотни, отрядъ выступилъ дальше и 28 августа остановился на арыкѣ Хошъ-Купырѣ. На послѣднемъ переходѣ навстрѣчу войскамъ выѣхалъ ханскій посланникъ съ большимъ дастарханомъ и съ ними же были высланы все наши плѣнные въ числѣ 20 чловѣкъ, которыхъ коканцы захватили во время вторженія шаекъ въ Сыръ-Дарью.

На стоянкѣ Хошъ-Купырѣ въ 3 часа пополудни 3-й дивизіонъ съ ракетной батареей получилъ приказаніе осѣдлать лошадей. Когда сотни были готовы, Скобелевъ повелъ ихъ съ мѣста на рысяхъ об-

ратно по бишъ-агачской дорогѣ, но въ 2—3 верстахъ отъ лагеря свернулъ вправо. Такъ версть 16 казаки лавировали по узкой извиистой дорогѣ, огороженной глинобитными стѣнками, за которыми тянулись сплошные сады. Мѣстами роскошные тополи были такъ высоки и вѣтвисты, что, несмотря на полуденный жаръ, ѣхать было прохладно. Впереди вѣхъ скакалъ Евграфъ, бѣглый драгунъ, который выѣхалъ изъ Кокана вмѣстѣ съ Скобелевымъ и во время похода служилъ у него джигитомъ. На одномъ крутомъ поворотѣ при выѣздѣ изъ тѣнистой аллеи Евграфъ махнулъ рукой и сразу осадилъ коня у глубокаго рва впереди высокой стѣны города Кокана. Здѣсь Скобелевъ осторожно спустился въ ровъ и, убѣдившись, что въ улицахъ господствуетъ полнѣйшая тишина, сѣлъ снова на коня и повелъ сотни обратно, но уже ближайшей и болѣе удобной дорогой.

Съ пѣснями казаки подходили къ биваку, гдѣ ихъ ожидалъ генералъ Кауфманъ, причемъ 1-я сотня съ бубномъ лихо отхватывала любимую Скобелевскую:

Ужь я улицей шла,
Переулочкомъ шла,
Дѣвки въ лѣсъ по хворость,
Я за ними пополозъ...

.
.

Утромъ 29 числа отрядъ перешелъ къ Джари-Мечети и частью войскъ занялъ ворота г. Кокана. Въ минуту приближенія войскъ къ городу и выѣзда изъ воротъ молодого хана Насръ-Эддина Кауфманъ получилъ телеграмму Государя Императора отъ 25 августа слѣдующаго содержанія: „Съ душевнымъ удовольствіемъ прочелъ я телеграмму о славномъ дѣлѣ

22 августа; спасибо тебѣ и всѣмъ твоимъ подчиненнымъ за новые подвиги, которыми вы себя ознаменовали. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать подробнаго донесенія и представленія объ отличившихся“. Потрясающее „ура“ всѣхъ войскъ отряда на глазахъ хана и его многочисленнаго народа, вышедшаго изъ города навстрѣчу войскамъ,—было отвѣтомъ на Царское слово.

Подъ стѣнами Кокана отрядъ простоялъ до 4 сентября, при чемъ кавалерія расположилась отдѣльнымъ лагеремъ въ верстѣ отъ пѣхоты. За время этой стоянки Скобелевъ ежедневно вызывалъ съ бивака одинъ изъ дивизионовъ для рекогносцировки мѣстности, а иногда и просто для строевыхъ ученій.

Въ полдень 4 сентября въ отрядѣ получились свѣдѣнія, что въ горахъ неподалеку отъ Махрама появилась шайка киргизъ въ 1000 человекъ. Чтобы прогнать это скопище, былъ высланъ отрядъ изъ роты пѣхоты и четвертаго дивизиона казаковъ съ двумя орудіями. Но эти войска не застали киргизъ: ихъ разсѣялъ отрядъ, высланный изъ Ходжента.

Тогда же стало извѣстно, что Автобачи снова собираетъ вооруженный народъ возлѣ Маргелана. Чтобы возстановить порядокъ и въ этой части ханства, отрядъ 5 сентября выступилъ изъ Кокана, а 8 числа прибылъ въ Маргеланъ. Только на послѣднемъ переходѣ показался непріятельскій развѣздъ въ 30 человекъ, но и онъ при видѣ казаковъ, приближавшихся на полныхъ рысяхъ, быстро ускакалъ назадъ.

Скобелевъ первымъ подѣхалъ къ городскимъ воротамъ, гдѣ его встрѣтила депутація маргеланцевъ съ хлѣбомъ - солью, а въ доказательство покорности жители вывезли всѣ орудія, оставленные въ городѣ

руководителемъ возстанія. Они даже указали, куда бѣжалъ Автобачи съ остатками своихъ приверженцевъ въ числѣ 5000 конныхъ кипчаковъ.

Для преслѣдованія и этой послѣдней опоры Автобачи генераль Кауфманъ въ тотъ же день выслалъ летучій отрядъ подъ командой Скобелева. Ровно въ 9 часовъ вечера 1-й, 3-й и 4-й дивизіоны съ ракетной батареей и двѣ роты пѣхоты, посаженной на арбы, съ дивизіономъ Оренбургской батареи вытянулись по асакинской дорогѣ¹⁰). Казаки двинулись впередъ и скоро совсѣмъ оставили пѣхоту. Темная ночь, разбитая дорога, покрытая толстымъ слоемъ пыли, чрезвычайно затрудняли движеніе сотенъ. Многіе казаки падали вмѣстѣ съ лошадьми то въ выбоины, наполненныя микроскопической пылью, то въ рытвины и сухіе арыки, часто пересѣкавшіе дорогу въ разныхъ направленіяхъ, а между тѣмъ Скобелевъ все требовалъ прибавить ходу. Такъ съ небольшими привалами казаки шли до 5 часовъ утра, когда, наконецъ, показались небольшія толпы непріятеля на холмахъ, окружавшихъ селеніе Минъ-тюбе. Здѣсь казаки, имѣя въ головѣ колонны 1-ю и 2-ю Сибирскія сотни, перешли въ рысь и подъ самымъ селеніемъ пустили лошадей въ карьеръ.

Страшная пыль въ кривой улицѣ кишлака не позволяла что-либо видѣть. Только одиночные выстрѣлы да воинственные крики кипчаковъ, перемѣшанные съ топотомъ коней, обнаруживали непріятеля, который стремглавъ летѣлъ отъ казаковъ. Эта схватка окончилась въ нѣсколько минутъ; 3-й дивизіонъ отбилъ 10 арбъ съ имуществомъ, 4 значка, 25 ружей и до сотни пикъ и сабель. Кипчаки оставили въ селеніи 40 изрубленныхъ труповъ.

По выходѣ изъ кишлака сотни еще нѣсколько верстъ преслѣдовали непріятеля, но кипчаки на свѣжихъ, хорошо выкормленныхъ лошадяхъ, далеко опередили казаковъ. Въ этомъ набѣгѣ, не считая 25 верстъ дневного перехода къ Маргелану, сотни прошли ночью около 70 верстъ; 3-й дивизионъ остановился въ пяти верстахъ за Минъ-тюбе, куда черезъ часъ подошелъ Скобелевъ съ остальными сотнями. Пѣхота съ дивизиономъ артиллеріи осталась назади, верстахъ въ 40 отъ кавалеріи.

Въ полночь на 10 число Скобелевъ снова выступилъ дальше и у кишлака Булакъ-баши, захватилъ непріятельскій пикетъ, который показалъ, что Автобачи остановился въ кишлакѣ Курпѣ съ 400 джигитами при 4 орудіяхъ. Но и здѣсь его не оказалось: бросивъ въ селеніи одно орудіе и до 30 измученныхъ лошадей, онъ бѣжалъ дальше. Въ 9 часовъ утра казаки подошли къ г. Ошу, гдѣ къ нимъ навстрѣчу вышли старшины и почетные жители съ хлѣбомъ-солью.

Въ тотъ же день Скобелевъ потребовалъ отъ города клеверу, ячменя, лепешекъ, все оружіе и 114 лошадей, что къ вечеру и было исполнено жителями.

Между тѣмъ Автобачи, минуя Ошъ, бросился въ горы всего со 100 джигитами. Въ такомъ положеніи находился мусульманскій вождь во время занятія казаками г. Оша, а еще 8 числа онъ располагалъ 5000 конницей съ артиллеріей¹¹).

11 сентября Скобелевъ выступилъ обратно къ Маргелану, куда и прибылъ 13 числа. Въ тотъ же день командующій войсками потребовалъ къ своей ставкѣ 1 и 2 сотни и наградилъ нѣсколько казаковъ Геор-

гивскими крестами за набѣгъ и схватку съ кипчаками въ селеніи Минъ-тюбѣ.

Этотъ набѣгъ, повидимому, умиротворилъ страну; почему, заключивъ съ молодымъ ханомъ мирный договоръ, по которому правый берегъ Сыръ-Дарьи съ городами Чустомъ и Наманганомъ отходили къ Россіи, генераль Кауфманъ направилъ отрядъ къ Намангану. Утромъ 26 числа войска перешли глубокимъ бродомъ Сыръ-Дарью у Минъ-булака и въ тотъ же день стали бивакомъ подъ стѣнами этого города.

Андижанъ и Хақихаватъ.

Лишь только войска прибыли въ Наманганъ, какъ стало извѣстно, что коканцы снова возстали, а Автобачи собираетъ большія скопища кипчаковъ въ окрестностяхъ Андижана и укрѣпляетъ этотъ городъ. Чтобы водворить порядокъ въ ханствѣ, Кауфманъ выслалъ отрядъ подъ начальствомъ генерала Троицкаго изъ 5 ротъ, 8 орудій, полусотни оренбургскихъ казаковъ и 1, 2, 4 сотенъ съ 4 ракетными станками 1 Сибирскаго полка¹).

Рано утромъ 28 сентября отрядъ этотъ перешелъ на лѣвый берегъ Сыръ-Дарьи, а 29 числа сталъ бивакомъ въ шести верстахъ отъ Андижана. Только здѣсь окончательно выяснилось, что андижанцы рѣшились упорно защищаться: они устроили крѣпкіе завалы по всѣмъ главнымъ улицамъ своего города, согнали сюда до 60 тысячъ человѣкъ и начальство надъ ними вручили Автобачи и Пулатъ-хану.

На другой же день Скобелевъ осмотрѣлъ подступы къ городу; выйдя изъ лагеря съ двумя сотнями и

ракетнымъ дивизиономъ, онъ направился долиной р. Андижанъ-сая, гдѣ скоро втянулся въ сады и поля кукурузы, обнесенные глинобитными стѣнками.

Пока сотни шли долиной рѣки, непріятель молчалъ, его какъ бы и не было; когда же онѣ углубились въ сады, коканцы открыли частый огонь изъ-за стѣнъ, но ихъ пули летали надъ головами и мало причиняли вреда казакамъ. Осмотрѣвъ главный путь на базарную площадь, Скобелевъ приказалъ отходить обратно; замѣтивъ движеніе сотенъ назадъ, андижанцы снова открыли учащенную стрѣльбу и такъ настойчиво насѣдали на казаковъ, что они послѣднія двѣ версты шли съ боемъ ровно 2 часа.

На другой день начальникъ отряда назначилъ штурмъ Андижана по двумъ направленіямъ, причемъ спѣшенныя сотни съ 1 орудіемъ, 1 ракетнымъ станкомъ и 20 саперами назначены были въ первую штурмовую колонну.

На разсвѣтъ 1 октября войска выстроились по данной диспозиціи. Къ фронту подъѣхалъ Скобелевъ; поздоровавшись съ казаками и поздравивъ ихъ съ предстоящимъ боемъ, онъ вызвалъ охотниковъ, послѣ чего Скобелевъ повелъ колонну долиной Андижанъ-сая. За нимъ въ полуверстѣ слѣдовалъ резервъ изъ 2 ротъ, 4 орудій и 40 саперъ съ начальникомъ отряда, а нѣсколько правѣе и по другой улицѣ наступала вторая колонна изъ 2-хъ ротъ, 1 орудія, 1 ракетнаго станка и 20 саперъ.

Не отошли войска и версты отъ бивака, какъ кипчаки и кара-киргизы съ гикомъ кинулись на обозъ, оставленный подъ прикрытіемъ 1 роты, 2 орудій, 2 ракетныхъ станковъ и команды казаковъ коноводовъ, но огонь артиллеріи и ракетныхъ станковъ отбросилъ

киргизъ отъ вагенбурга. Между тѣмъ казачья колонна, наступая долиной, неожиданно встрѣтила разливъ рѣки Андижанъ-сая; за ночь коканцы такъ затопили эту мѣстность, что иногда казаки погружались въ воду до пояса. Выйдя изъ затопленной мѣстности, Скобелевъ открылъ артиллерійскій огонь вдоль улицы, откуда раздавались непріятельскіе выстрѣлы, но и на этотъ разъ пули коканцевъ мало причиняли вреда казакамъ²⁾.

Нужно замѣтить, что г. Андижанъ не имѣлъ городской стѣны, а потому колонна незамѣтно втянулась въ узкую улицу, гдѣ коканцы изъ-за стѣны и сакель встрѣтили казаковъ сильнымъ огнемъ. Два выстрѣла картечью на минуту прекратили стрѣльбу непріятеля, чѣмъ сейчасъ же воспользовались казаки; они подъ покровомъ порохового дыма кинулись впередъ, пробѣжали мостъ и устремились на высокій заваль, вооруженный орудіемъ, за которымъ стояли большія толпы непріятеля. Въ числѣ первыхъ на заваль вскочили прикомандированный къ полку поручикъ Нуджевскій, урядникъ Василій Путинцевъ и казакъ Мясниковъ, послѣдній былъ смертельно раненъ пулею въ грудь и тутъ же упалъ. Слѣдомъ за колонной охотниковъ верхомъ на конѣ прискакалъ Скобелевъ и приказалъ разобрать заваль. Эта нелегкая работа была чрезвычайно скоро исполнена, несмотря на огонь непріятеля со слѣдующаго завала, находившагося всего въ 60 шагахъ отъ перваго; окончивъ ее, казаки снова бросились впередъ. Такъ, опрокидывая непріятеля, казачья колонна овладѣла еще тремя завалами, правда, слабѣе обороняемыми, чѣмъ первый. Наконецъ, выйдя на базарную площадь, казаки опять наткнулись на два ряда арбъ, забранныхъ толстыми бревнами, за

которыми стояли огромныя толпы непріятеля. Здѣсь Скобелевъ остановилъ сотни и вызвалъ впередъ орудіе. Послѣ обстрѣла гранатами казаки овладѣли и этимъ заваломъ и первыми заняли ханскій дворецъ въ урдѣ³).

Черезъ полчаса на площадь вышли и главныя силы; эта колонна также все время шла съ боемъ, отражая атаки кипчаковъ съ тылу и отбрасывая андижанцевъ съ фланговъ, гдѣ они изъ дворовъ и сакель вели непрерывную стрѣльбу по войскамъ.

Съ прибытіемъ въ урду резерва начальникъ отряда приказалъ выставить на крышѣ дворца свой значокъ чтобы вторая колонна знала сборный пунктъ отряда. Это порученіе исполнилъ казакъ 1 сотни Николай Березутскій. Какъ только Березутскій забрался на крышу, непріятель открылъ по значку учащенную стрѣльбу съ крышъ домовъ и базарныхъ лавокъ, находившихся въ 60—80 шагахъ отъ дворца. Но эта стрѣльба не смутила молодца; онъ около часа простоялъ подъ огнемъ непріятеля и только тогда оставилъ свой постъ, когда вышла на площадь вторая колонна. За такое мужество и хладнокровіе въ бою командующей войсками произвелъ Березутскаго въ урядники и наградилъ знакомъ отличія военнаго ордена⁴).

Но и по сборѣ всѣхъ штурмовыхъ колоннъ непріятель не оставлялъ войска въ покоѣ.

Его воинственные крики „уръ, уръ“ и ружейная стрѣльба не умолкали ни на минуту; они стрѣляли изъ дворовъ и сакель, съ крышъ и деревьевъ. Имѣя на каждомъ шагу укрытія отъ нашего огня, ихъ толпы все больше и больше окружали отрядъ. Чтобы отбросить эти скопища отъ урды, начальникъ отряда

приказаль зажечь лавки и сакли, примыкавшія къ дворцу. Эта мѣра оказалась болѣе дѣйствительной, чѣмъ ружейная и даже артиллерійская стрѣльба по массѣ глинобитныхъ стѣнъ, за которыми толпились андижанцы. Какъ только лавки запылали, непріятель кинулся тушить пожаръ, а этимъ временемъ войска воспользовались для оставленія урды.

Замѣтивъ обратное движеніе войскъ, непріятель снова кинулся къ отряду, но всюду горѣвшія сакли, которыя поджигалъ аріергардъ и стрѣльба пѣхоты не допускали его близко. Такъ вышли изъ города путемъ первой колонны сначала казаки, затѣмъ резервъ и, наконецъ, вторая штурмовая колонна.

Чтобы еще больше распространить пожаръ въ улицахъ, по выходѣ войскъ изъ садовъ 6 конныхъ орудій выѣхали на высоты, окружающія городъ, и подъ прикрытіемъ 2 и 4 сотенъ обстрѣливали Андижанъ въ продолженіи трехъ часовъ.

Въ то время, когда штурмовыя колонны были въ урдѣ, киргизы Пулатъ-хана еще разъ пытались атаковать вагенбургъ, но также не имѣли успѣха⁵).

При штурмѣ заваловъ непріятель потерялъ два орудія, одно изъ которыхъ было взято съ боя казаками.

Потери штурмовыхъ колонъ состояли изъ 8 убитыхъ, 38 раненыхъ и 18 контуженныхъ, въ томъ числѣ въ колоннѣ Скобелева убито 3 казака, ранено: 1 офицеръ, 14 казаковъ и 2 джигита, и контужено: 2 офицера, 4 казака и 1 джигитъ.

На другой день конный дивизионъ снова обстрѣливалъ городъ, а 3 числа начальникъ отряда рѣшилъ выступить обратно къ Намангану.

Порядокъ слѣдованія отряда былъ слѣдующій: впе-

реди 60 человекъ саперъ, 4 конныхъ орудія и арбы этихъ частей со взводомъ пѣхоты, за ними рота пѣхоты, арбы всѣхъ прочихъ частей, за которыми шли остальные пѣхотныя части съ 4 орудіями, и, наконецъ, въ арьергардѣ казаки съ ракетнымъ дивизиономъ.

Какъ только отрядъ вытянулся по дорогѣ на кишлакъ Миръ-Равать, а обозы подошли къ лѣвому берегу Кара-Дарьи, со стороны Андижанъ-сая выѣхали большія толпы коннаго непріятеля и начали окружать казаковъ. Вся 1 сотня сейчасъ же разсыпалась въ цѣпь и завязала перестрѣлку. Одновременно съ этимъ непріятель показался и по сторонамъ дороги, гдѣ пѣхотныя части скоро завязали перестрѣлку. У кишлака Миръ-Ровать непріятель особенно сильно насѣлъ на 1-ю сотню; ее поддержала 4-я; она молодецки врубилась въ толпу и обратила кипчаковъ въ бѣгство, но въ то же время была сама атакована другой партіей, выскакавшей изъ садовъ. На выручку 4-й сотни, Скобелевъ выслалъ 2-ю, и коканцы были отброшены. Въ этой схваткѣ 4-я сотня Машина потеряла 1 убитого и 6 раненыхъ казаковъ. Въ первый день отрядъ сдѣлалъ переходъ только до арыка Мусульманъ-куль, гдѣ и заночевалъ. Для полной характеристики этого дѣла не лишнее замѣтить, что отрядъ, обыкновенно дѣлавшій отъ 5 до 6 верстъ въ часъ, разстояніе отъ Андижана до ночлега всего около 7 верстъ шель съ непрерывнымъ боемъ около 8 часовъ времени⁶).

На бивакѣ окончательно выяснилось, что все населеніе попутныхъ кишлаковъ принимало участіе въ возстаніи, а потому начальникъ отряда приказалъ жечь всѣ ихъ сакли и дворы.

На другой день въ 7 часовъ утра отрядъ высту-

пиль дальше, имѣя въ хвостѣ колонны команду зажигателей изъ 30 казаковъ подъ начальствомъ Нуджевскаго. И въ этотъ день коканцы были такъ же назойливы, какъ наканунѣ; они до самаго ночлега провожали войска все еще въ огромномъ числѣ.

Чтобы окончательно избавиться отъ преслѣдованія непріятели при движеніи отряда 5 октября, рѣшено было сдѣлать нечаянное нападеніе на бивакъ коканцевъ. Съ этой цѣлью генераль Троцкій предложилъ Скобелеву выступить ночью съ 4-й сотней Машина и Оренбургской полусотней Авдѣева.

Ровно въ два часа ночи казаки вышли съ бивака въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 4-я сотня, за ней оренбургцы со Скобелевымъ и, наконецъ, одна рота пѣхоты, назначенная на тотъ случай, если бы встрѣтилась надобность поддержать казаковъ. Сотни съ мѣста пошли на рысяхъ, а стрѣлки—ускореннымъ шагомъ и мѣстами бѣгомъ. На первой верстѣ отъ бивака Машинъ замѣтилъ непріятельскій пикетъ изъ 4 человекъ; коканцы были изрублены, прежде чѣмъ успѣли сѣсть на коней. Пробѣжавъ затѣмъ слѣдующій большой кишлакъ Хакыхавать, сотня увидѣла вдали и по другую сторону глубокаго арыка нѣсколько потухающихъ костровъ. Перейдя арыкъ и убѣдившись, что это лагерь противника, Машинъ бросился въ шашки; его лихая сотня съ гикомъ врѣзалась въ самую средину непріятельскаго бивака. Сонные кипчаки, застигнутые врасплохъ, объятые ужасомъ, начали кидаться въ разныя стороны; они даже не пытались обороняться отъ казачьихъ шашекъ, рубившихъ ихъ направо и налево⁷). Не менѣе казаковъ распространили панику между кипчаками ихъ же собственныя лошади; онѣ во время атаки сорвались съ приколовъ

и начали бѣшено носиться по лагерю, сбивая съ ногъ обезумѣвшихъ коканцевъ. Слѣдомъ за сотней Машина прискакали оренбургцы и въ нѣсколько минутъ довершили поражение кипчаковъ. Рота стрѣлковъ прибыла на мѣсто схватки, когда уже сотни трубили сборъ. Впрочемъ, и стрѣлки уложили нѣсколько коканцевъ, которые въ темнотѣ набѣгали на штыки, безмолвно бѣжавшихъ солдатъ.

Въ этомъ дѣлѣ непріятель оставилъ на мѣстѣ до 100 изрубленныхъ тѣлъ, 1 бунчукъ, 19 значковъ, 4 мѣдныхъ трубы, 198 ружей, 250 шапекъ, 25 батиковъ и 2000 чалмъ.

Уже по однимъ этимъ трофеямъ можно судить о томъ огромномъ нравственномъ потрясеніи, какое на кипчаковъ произвела молодецкая атака казаковъ 4-й сотни; вся эта шайка въ 4000 всадниковъ бѣжала и больше не показывалась на глаза отряду⁸).

На другой день непріятеля совѣмъ не было видно, и отрядъ спокойно шелъ до 10 часовъ утра, когда былъ встрѣченъ генераломъ Кауфманомъ, который, не получая нѣсколько дней извѣстій отъ генерала Троицкого, рѣшилъ выступить съ частью войскъ подъ Андижанъ.

Что за дивную картину представляла 4-я сотня въ моментъ встрѣчи двухъ отрядовъ; она стройно шла навстрѣчу командующему войсками съ бунчукомъ, значками, трубами, ружьями и пиками, добытыми ею въ ночномъ бою.

Послѣ дневки у кишлака Джеты-каша соединные отряды выступили къ Намангану.

Весело подходили къ городу казаки, запѣвая новую пѣсню, которую они сложили на штурмъ Андижана:

Ну-ка, пѣсенку споемъ:
Про походикъ мы начнемъ,
Въ семьдесятъ пятомъ году,
Какъ забрали Фергану.

Припѣвъ: Ура! ура! ура! ура!
Фонъ-Кауфмана дѣла!
Ура! ура! ура! ура!
Скобелеву, честь хвала!

Вдругъ двадцатаго числа
Въ Наманганъ пришла молва,
Будто снова вся орда
Взбунтовала города.

Припѣвъ.

Фонъ-Кауфманъ генераль
Скобелева призываль;
Онъ издалъ ему приказъ
Въ Андижанъ идти сейчасъ.

Припѣвъ.

Въ Андижанъ городъ идти,
Небольшой отрядъ вести,
Что пѣхоты баталіонъ
Да ракетный дивизионъ.

Припѣвъ.

И сибирцевъ сотни три
Да орудій до восьми.
Утромъ солнце чуть восходъ,
Выступать велѣлъ въ походъ.

Припѣвъ.

Дружно мы вели борьбу,
Между улицъ площадей,
А назадъ когда пошли,
Андижанъ городъ зажгли.

Припѣвъ.

Этой пѣсенкѣ конецъ,
Скобелевъ нашъ молодецъ,
Предводитель всѣмъ войскамъ
И сибирскимъ казакамъ

Ура! ура! ура! ура!
Фонь Кауфмана дѣла.
Ура! ура! ура! ура!
Скобелеву честь, хвала!

На другой день прибытія въ Наманганъ генераль Кауфманъ обходилъ стройные ряды войскъ андижанскаго отряда и собственноручно раздавалъ каждой части знаки отличія военнаго ордена. Казаки 1-й сотни получили 38, 2-й—33, 4-й—35 и ракетнаго дивизиона—6 крестовъ.

За этотъ рядъ столкновеній съ коканцами 1-й и 2-й сотнямъ были пожалованы знаки отличія на попахи: *За штурмъ г. Андижана 1 октября 1875 года*, а 4-й сотнѣ—Георгіевскія серебряныя трубы съ надписью: *За дѣло при селеніи Хакы-хаватъ въ 1875 году*.

За ночное дѣло командиръ 4 сотни, сотникъ Машинъ, получилъ Георгія 4 степени.

Такъ случайно выпало на долю казаковъ нѣсколько блестящихъ дѣлъ, гдѣ они и въ пѣшемъ, и конномъ строю покрыли себя неувядаемой славой.

Въ Зимнемъ походѣ.

Послѣ штурма Андижана отрядомъ Троцкаго, Кауфманъ вернулся въ Ташкентъ, оставивъ въ Наманганѣ небольшой отрядъ войскъ, въ составъ котораго вошли 1-я и 2-я сотни съ ракетнымъ дивизиономъ.

Между тѣмъ Автобачи и Пулатъ-ханъ, утвердившись въ Маргеланѣ, опять стали возмущать народъ и высылать грабительскія шайки въ наши предѣлы. Чтобы оградить Ходжентъ отъ нападенія коканцевъ, Кауфманъ призналъ необходимымъ выслать въ Махрамъ двѣ роты и 4-ю сотню при 2-хъ орудіяхъ. Лишь толь-

ко отрядъ этотъ прибылъ въ Махрамъ, какъ дали знать, что партія кипчаковъ появилась въ 25 верстахъ отъ крѣпости. Въ тотъ же день подъ вечеръ начальникъ отряда выступилъ съ ротой и сотней на кишлакъ Канабадамъ, гдѣ остановились киргизы, безопасно раскинувъ свой лагерь. И на этотъ разъ, скрытно пробравшись садами, 4-я сотня безъ выстрѣла бросилась въ шашки и въ нѣсколько минутъ уничтожила двухтысячную шайку кипчаковъ, оставивъ на мѣстѣ 60 изрубленныхъ тѣлъ и 19 тяжело раненыхъ. Трофеями этого дѣла удадой сотни были: 3 бунчука, 9 значковъ, 117 лошадей, 40 ружей, 3 фальконета и 150 батиковъ¹).

Одновременно съ этимъ коканскія шайки появились на сообщеніи Ходжента съ Наманганомъ, гдѣ кипчаки захватили въ плѣнъ 14 казаковъ 6-й сотни, находившихся въ развѣдкахъ. Чтобы и здѣсь водворить спокойствіе и наказать мятежныхъ жителей, укрывавшихъ коканскія партіи, командующій войсками выслалъ подъ начальствомъ полковника Пичугина двѣ роты пѣхоты и 5-ю сотню Грязнова при двухъ же орудіяхъ. Въ нѣсколько дней Пичугинъ разсѣялъ скопища коканцевъ и нанесъ имъ сильное пораженіе у кишлака Абаши, куда отрядъ пробрался тропинками по ущелью, и ночью, внезапно атаковалъ непріятеля. Здѣсь коканцы оставили на мѣстѣ: 1 бунчукъ, 1 значокъ, 120 ружей, 60 шашекъ, 200 батиковъ и до 200 труповъ убитыхъ и раненыхъ. Кишлакъ Абаши былъ уничтоженъ до основанія²).

За эти дѣла съ коканцами 4 и 5 сотни получили 18 знаковъ отличія военнаго ордена.

Уничтоженіе непріятельскихъ шакъ въ нашей сторонѣ не могло возстановить порядка въ предѣлахъ

Коканскаго ханства, гдѣ кипчаки и кара-киргизы продолжали волновать населеніе и вызывать его на новую войну съ русскими. Чтобы окончательно усмирить этотъ воинственный народъ, было разрѣшено Скобелеву сформировать особый отрядъ и открыть военныя дѣйствія въ ханствѣ.

Придавая большое значеніе самостоятельнымъ дѣйствіямъ кавалеріи въ предстоящей войнѣ и принимая во вниманіе неудовлетворительное вооруженіе казаковъ, которые имѣли старыя драгунскія семилнейныя ружья со штыками, Скобелевъ окончилъ полуроту стрѣлковъ, вооруженныхъ берданками, раздѣливъ ихъ на два эскадрона, по 60 стрѣлковъ и 20 казаковъ въ каждомъ. Затѣмъ, снарядивъ отрядъ въ 9 ротъ, 2 эскадрона стрѣлковъ, $7\frac{1}{2}$ сотенъ казаковъ, въ томъ числѣ 1-я, 2-я и 5-я сотни 1-го полка, при 12 орудіяхъ, 4 сибирскихъ и 4-хъ оренбургскихъ ракетныхъ станкахъ, онъ выступилъ изъ Намангана въ первый день Рождества Христова³). Несмотря на большіе переходы по глубокому снѣгу при постоянныхъ вѣтрахъ и частыхъ морозахъ, войска, хорошо снабженныя теплой одеждой и продовольствіемъ, легко переносили зимнюю стужу и разныя невзгоды походной жизни; они въ одинъ мѣсяцъ обошли всю сѣверо-восточную часть ханства и, какъ увидимъ ниже, достигли того, что коканцы присягнули на подданство Россіи.

Уничтоживъ зимовки киргизъ по р. Сыръ-Дарьѣ, отрядъ подошелъ къ Андижану и вторично взялъ этотъ городъ. Вскорѣ по занятіи Андижана нашими войсками начали распространяться слухи, что Автобачи снова собралъ до 15.000 вооруженнаго народа и вышелъ съ нимъ на асакинскую дорогу, всего въ 10 верстахъ отъ Андижана. Это извѣстіе быстро распро-

странилось по городу, и часть жителей начала покидать дома. Чтобы не допустить неприятеля до города и тѣмъ избѣгнуть уличнаго боя, Скобелевъ въ тотъ же день выступилъ навстрѣчу Автобачи съ двумя ротами пѣхоты и всей кавалеріей съ 4 конными орудіями⁴).

Въ 12 верстахъ отъ города отрядъ дѣйствительно встрѣтилъ неприятельскую партію въ 300 человекъ, которые стояли въ верстѣ отъ дороги по другую сторону глубокаго арыка. Два орудійныхъ выстрѣла разсѣяли эту толпу, но въ то же время начали показываться одиночные всадники и со стороны Асаке. Приказавъ пѣхотѣ со взводомъ артиллеріи возможно скорѣе слѣдовать за казаками, Скобелевъ двинулся съ кавалеріей на полныхъ рысяхъ по асакинской дорогѣ, имѣя въ головѣ колонны конно-стрѣлковый дивизионъ. Одновременно съ этимъ движеніемъ неприятель повернулъ назадъ. Преслѣдуя его, Скобелевъ незамѣтно втянулся въ городскую улицу, которая вывела стрѣлковъ къ мосту черезъ быструю рѣчку Шариханъ-сай, на противоположномъ берегу которой и расположенъ, главнымъ образомъ, г. Асаке. Какъ только стрѣлки подошли къ этому мѣсту, неприятель встрѣтилъ ихъ учащенной пальбой изъ - за завала съ противоположнаго берега, причемъ тутъ только выяснилось, что мостъ разрушенъ. Чтобы не подвергать людей безцѣльной потерѣ, Скобелевъ отвелъ дивизионъ назадъ, а въ это время генеральнаго штаба капитанъ Куропаткинъ успѣлъ выбрать хорошую артиллерійскую позицію, куда и направилась вся кавалерія. Лишь только кавалерія расположилась на позицію, густыя толпы неприятеля покрыли высоты противоположнаго берега и остановились противъ отряда; но нѣсколько

орудійныхъ выстрѣловъ заставили ихъ отойти на слѣдующіе гребни высотъ.

Выждавъ прихода пѣхоты, Скобелевъ двинулся внизъ по рѣкѣ, гдѣ джигиты отыскали удобный бродъ для перевода отряда на лѣвый берегъ Шариханъ-сая. Когда же войска перешли рѣчку и артиллерія при помощи казаковъ поднялась на обледенѣлые холмы, совершенно неожиданно обнаружилось, что городъ оставленъ непріателемъ⁵).

Для преслѣдованія отступившаго непріателя Скобелевъ повелъ сотни на полныхъ рысяхъ и во взводныхъ колоннахъ, имѣя въ первой линіи двѣ Оренбургскихъ и 1½ Семирѣченскихъ сотни съ двумя конными орудіями и во второй — 1-ю и 5-ю Сибирскія сотни съ ракетной батареей; конно-стрѣлковый дивизионъ находился между сотнями второй линіи.

Отойдя съ версту отъ подъема, кавалерія встрѣтила большую толпу непріательской конницы, которая, было, начала угрожать лѣвому флангу казаковъ, но стройный заѣздъ Семирѣченцевъ и 5 Сибирской сотни заставилъ непріателя повернуть назадъ. Въ это же время вправо отъ отряда и не далѣе полуверсты показалась пѣхотная колонна. Скобелевъ приказалъ ее атаковать. 5 Оренбургская сотня, находившаяся ближе всѣхъ къ непріателю, съ мѣста бросилась въ шашки, за ней понеслись Семирѣченцы и 1 Сибирская сотня. Въ нѣскольکو минутъ пѣхотинцы были изрублены и только небольшая часть ихъ успѣла скрыться въ ближайшихъ садахъ. При видѣ такого страшнаго пораженія своей пѣхоты, конныя толпы непріателя на карьерѣ бросились въ разныя стороны. Эта лихая атака стоила намъ всего 10 раненыхъ казаковъ и 1 джигита⁶).

Послѣ Андижанскаго погрома и пораженія подъ Асаке, Автобачи созналъ свое безсиліе продолжать войну, почему и вступилъ въ переговоры о ея прекращеніи; 24 января Скобелевъ назначилъ ему свиданіе по шариханской дорогѣ у кишлака Инду.

Въ этотъ день отрядъ въ составѣ всей кавалеріи со взводомъ конныхъ орудій и ракетной батареей выступилъ изъ Андижана. Чтобы предотвратить всякія случайности вѣроломства азіатцевъ, Скобелевъ усилилъ свой личный конвой до 50 казаковъ, которые шли съ нимъ въ головѣ колонны. Не доходя одной версты до кишлака Инду, онъ остановилъ отрядъ и выѣхалъ съ 5 офицерами на 80 шаговъ впередъ. Конвойные казаки, какъ и всѣ сотни, стояли въ полной готовности по знаку кинуться впередъ. Скоро показался Абдурахманъ Автобачи съ блестящей свитой изъ 26 приближенныхъ сановниковъ. Послѣ взаимныхъ привѣтствій Скобелевъ и Автобачи сошли съ лошадей, а конвойные казаки приблизились къ нимъ. Въ ту же минуту руководитель возстанія и вся его свита торжественно присягнули на подданство Государю Императору, а за ними изъявили покорность и 400 отборныхъ джигитовъ, находившихся въ кишлакѣ. Послѣ этого акта отрядъ вернулся въ Андижанъ, гдѣ Скобелевъ обезоружилъ джигитовъ, но оставилъ оружіе Автобачи и его свитѣ.⁷⁾

Примѣру Автобачи послѣдовали и кипчаки, это многочисленное и воинственное племя, долго не признававшее надъ собой никакой власти. Сартовское населеніе, истощенное междоусобицей, настолько сочувственно высказалось за безусловную покорность побѣдителямъ, что снова признало своимъ ханомъ Насръ-Эддина.

Только Пулатъ-ханъ съ партіей кара-киргизъ оставался въ числѣ недовольныхъ. Этотъ фанатикъ, получивъ извѣстіе о сдачѣ Автобачи, совершилъ рядъ злодѣйствъ: онъ зарѣзалъ трехъ братьевъ Автобачи, его сноху и всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ 14 казаковъ 6-й сотни.

26 января въ Андижанѣ были получены свѣдѣнія, что вся артиллерія Пулатъ-хана находится въ Маргеланѣ. Чтобы захватить ее на мѣстѣ, рано утромъ 27 числа, былъ высланъ отрядъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта Меллера-Закомельскаго въ составѣ двухъ ротъ, эскадрона конныхъ стрѣлковъ, 1, 2 и 5 Сибирскихъ сотенъ, трехъ Оренбургскихъ и полусотни Семирѣченцевъ съ 6-ю ракетными станками и Оренбургскимъ дивизиономъ конныхъ орудій.

Отрядъ этотъ выступилъ двумя эшелонами. Въ первомъ—вся кавалерія, а во второмъ—пѣхота. Верстахъ въ 30 отъ Андижана Меллеръ получилъ извѣстія, которыя измѣнили цѣль и направленіе отряда. Къ нему явились два туземца и сообщили, что Пулатъ-ханъ съ 5000 конницы, 700 сарбазами, 5 орудіями и всѣмъ своимъ имуществомъ двинулся къ Учъ-Кургану, гдѣ и долженъ остановиться въ эту ночь. По разспроснымъ свѣдѣніямъ до Учъ-Кургана съ мѣста полученія извѣстія было отъ 40—50 верстъ, но хорошей арбяной дороги.

Зная превосходный духъ казаковъ, выработанную ими замѣчательную подвижность, Меллеръ рѣшилъ произвести на Пулатъ-хана въ эту же ночь внезапное нападеніе.

Мѣстность въ указанномъ направленіи представляла равнину, почему начальникъ отряда и повелъ кавалерію перемѣнными аллюрами. Однако съ 25

версты отъ Асаке начался длинный подъемъ въ гору, гдѣ артиллерія стала замѣтно отставать.

Чтобы не упустить ночного времени, благопріятнаго для внезапнаго нападенія, Меллеръ двинулся впередъ съ конными стрѣлками, двумя Оренбургскими, 1-й Сибирской, полусотней семирѣченцевъ и съ 6-ю ракетными станками, а остальные сотни подъ командой командира 2-й сибирской сотни, войскового старшины Герасимова, оставилъ при артиллеріи, приказавъ ему слѣдовать за авангардомъ насколько возможно быстро.

Скоро стали попадаться по сторонамъ дороги курганчи и отдѣльныя сакли, мимо которыхъ, благодаря наступившей темнотѣ, казаки проходили незамѣченными. Верстахъ въ 40 отъ Асаке отрядъ слѣлалъ небольшой привалъ, во время котораго прибылъ лазутчикъ и сообщилъ, что Пулатъ-ханъ дѣйствительно находится въ Учъ-Курганѣ и ничего не знаетъ о приближеніи отряда. Послѣ этого извѣстія Меллеръ немедленно двинулся впередъ, приказавъ джигитамъ поддерживать связь съ эшелономъ Герасимова.

Не доходя двухъ веретъ до предмѣстій кишлака, неожиданно показалась конная партія непріятеля, противъ которой сейчасъ же развернулась 1-я Оренбургская сотня, и заѣхала такимъ образомъ, что отбросила киргизъ отъ кишлака на маргеланскую дорогу.

Кишлакъ Учъ-Курганъ лежитъ въ глубокой лощинѣ горнаго ручья. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сотъ дворовъ и тянется узкою полосой на протяженіи двухъ веретъ; въ южномъ концѣ его и на командующей высотѣ расположена укрѣпленная урда, гдѣ по слухамъ и находился Пулатъ-ханъ. Когда головная колонна подошла къ спуску въ лощину, откуда начинается кишлакъ, Меллеръ приказалъ немедлен-

но атаковать непріятеля и съ этой цѣлью отдалъ слѣдующія распоряженія:

1) Спѣшенный эскадронъ стрѣлковъ и 1-я Сибирская сотня подъ начальствомъ капитана Куропаткина назначаются для овладѣнія кишлака и урды.

2) 1-я Оренбургская сотня съ полусотней Семирѣченцевъ заграждаютъ отступленіе непріятеля по выючной дорогѣ въ Каратегень.

2-я Оренбургская сотня съ ракетными станками и коноводами спѣшенныхъ частей оставались съ начальникомъ отряда у спуска въ лощину, откуда можно было дѣйствовать какъ по маргеланской, такъ и по главной арбяной дорогѣ въ Каратегень⁸).

Ровно въ 10 часовъ вечера штурмовая колонна, имѣя впереди стрѣлковую цѣпь, спустилась съ обрыва и быстро двинулась къ урдѣ. Въ кишлакѣ было тихо, но это безмолвіе оставалось не долго; какъ только колонна вошла въ его улицу, послышался шумъ, началась бѣготня и раздались одиночные выстрѣлы. Колонна продолжала наступать безъ выстрѣла.

Но скоро, вслѣдствіе темноты и изгибовъ улицы, на штурмовыя войска стали наткаться толпы коннаго и пѣшаго непріятеля, по которому уже пришлось открыть огонь. Эта страшная стрѣльба, мѣстами съ разстоянія нѣсколькихъ шаговъ, скоро распространила панику между жителями; обезумѣвъ отъ страха, они начали кидаться на штыки, гдѣ и умирали въ отчаянной борьбѣ.

Одна небольшая непріятельская партія два раза кидалась къ рѣчкѣ, думая пробиться вдоль нея, но каждый разъ попадала подъ залпы и возвращалась обратно.

Впрочемъ часть непріятеля, засѣвшаго на противо-

положномъ нагорномъ берегу рѣчки, скоро оправи-
лась и начала вести учащенную пальбу по колоннѣ,
но огонь этотъ въ слѣдствіе совершенной темноты не
причинилъ войскамъ никакого вреда и они безооста-
новочно подвигались къ урдѣ.

Урда Учъ-Кургана находилась на противополож-
номъ высокомъ берегу, представлявшемъ крутой спускъ
къ ручью. Къ подошвѣ высоты примыкалъ длинный
мостъ, отъ котораго дорога поднималась вверхъ спи-
ралью.

Опрокидывая сопротивлявшихся, колонна Куропат-
кина, по слѣдамъ непріятеля, перебѣжала мостъ и
ворвалась въ ворота урды, гдѣ киргизы сопротивля-
лись не особенно упорно.

Оставивъ здѣсь часть стрѣлковъ, Куропаткинъ съ
остальными войсками кинулся во второй дворъ урды;
онъ первый вскочилъ на заваль и овладѣлъ батаре-
ей, защитники которой были переколоты у своихъ
орудій. Такъ въ нѣсколько минутъ штурмовая колон-
на завладѣла урдой, но Пулатъ-ханъ успѣлъ во время
скрыться и незамѣтно уйти изъ кишлака.

Получивъ извѣстіе о занятіи урды, Меллеръ при-
казалъ прекратить бой; всѣ части отряда прошли
черезъ кишлакъ и расположились на ночь въ урдѣ.

Трофеями этого молодецкаго набѣга и штурма бы-
ли: 5 мѣдныхъ орудій, 100 фальконетовъ, бунчуки
Пулатъ-хана и его найба Абдуль-Мумына, множе-
ство разнаго оружія, пороха и снарядовъ, 20 бараба-
новъ и все имущество Пулатъ-хана на 189 верблю-
дахъ⁹).

Наша потеря, благодаря неожиданности, темнотѣ
ночи и быстротѣ дѣйствій, ограничилась 4 нижними
чинами и 2 джигитами ранеными, и 5 нижними чи-

нами контуженными въ колоннѣ Куропаткина. За штурмъ Учъ-Кургана капитанъ Куропаткинъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 ст.

На другой день Меллеръ вернулся въ Асаке, а 29 числа жители Маргелана вывезли въ отрядъ 16 орудій.

Набѣгомъ въ Учъ-Курганъ закончились военныя дѣйствія пятимѣсячной компаніи въ Коканскомъ ханствѣ и оно было присоединено къ Россіи съ переименованіемъ въ Ферганскую область.

Для приведенія въ исполненіе этого Высчайшаго повелѣнія, изъ Ташкента былъ высланъ отрядъ изъ 10 ротъ, 7 сотенъ и 16 орудій подъ начальствомъ генерала Колпаковскаго, съ которымъ слѣдовали 3 и 4 сотни 1 полка¹⁰).

Тотчасъ по занятіи Кокана, генераль Колпаковскій началъ осматривать войска, входившія въ составъ Наманганскаго отряда. Кавалерія подъ командой Скобелева представлялась отдѣльно отъ пѣхоты. Это не былъ смотръ мирнаго времени, когда части много выигрываютъ отъ опрятности и щеголеватости обмундированія; напротивъ, въ этомъ отношеніи казаки поражали глазъ своимъ безобразнымъ видомъ, — они были въ полномъ смыслѣ слова оборванцы; но зато здоровый видъ ихъ и непоколебимая рѣшимость на лицахъ показывали, что полугодовой періодъ боевой жизни и неизбѣжные въ военное время труды и лишения крѣпко закалили этихъ молодецъ.

На смотръ вышло нѣсколько тысячъ жителей г. Кокана и окрестныхъ кишлаковъ. Пока сотни маневрировали, коканцы только удивлялись стройности заѣздовъ, а когда Скобелевъ развернулъ первую линію въ лаву и пустилъ казаковъ съ гикомъ, огромныя толпы

кокандцевъ, находившіяся на флангахъ, кинулись бѣжать, хотя казаки и неслись въ противоположную отъ нихъ сторону. Такъ представилась эта мощная сила командующему войсками округа.

Введеніе русскаго управленія почти нигдѣ не встрѣтило сопротивленія, только на южной границѣ киргизы не хотѣли признавать русской власти; они въ числѣ 1000 человекъ провозгласили своимъ ханомъ Дивану-Худай-кула, который все время проповѣдывалъ священную войну противъ русскихъ.

Чтобы не дать времени Диванѣ распространить свое вліяніе и дальше, была выслана 1 Сибирская сотня съ 50 конными стрѣлками и однимъ орудіемъ подъ начальствомъ полковника Королькова. Корольковъ быстро двинулся въ горы и настигъ шайку у Каракія, гдѣ киргизы были разбиты наголову; они оставили на мѣстѣ 100 изрубленныхъ тѣлъ, 3 бунчука, 2 фальконета, 50 ружей и нѣсколько десятковъ пикъ и шашекъ. Эту шайку Корольковъ преслѣдовалъ 1½ сутокъ по горной дорогѣ и достигъ того, что партія Диваны была разсѣяна, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и волненія между киргизами ¹¹⁾. Набѣгъ въ Каракія былъ послѣднимъ въ кокандской войнѣ, гдѣ еще разъ казакамъ пришлось употребить въ дѣло оружіе.

Дальнѣйшая служба Сибирскихъ казаковъ въ Ферганской области прошла въ непрерывныхъ конвояхъ и поѣздкахъ по предгоріямъ Алайскаго хребта; они только глубокою осенью были отпущены въ Сыръ-Дарью, причемъ послѣдними прибыли къ штабу полка въ Ташкентъ 1 и 2 сотни.

Изъ этихъ сотенъ 155 казаковъ подлежало увольненію на льготу. Ихъ тогда же отправили въ войско черезъ Вѣрный, Капаль, Семипалатинскъ, Омскъ и

Петропавловскъ на Кокчетавъ, куда они прибыли въ мартъ мѣсяцѣ 1877 года. Этотъ путь въ 3000 верстъ казаки прошли въ зимнее время; но несмотря на снѣжныя мятели, а по временамъ и сильныя морозы, они не потеряли ни одной лошади и оставили въ лазаретѣ только одного больного казака за весь путь.

Такъ кончилась коканская война, гдѣ за боевыя отличія полкъ получилъ 348 знаковъ отличія военнаго ордена и 1627 человекъ были удостоены носить бронзовыя медали, установленныя за покореніе ханства Коканскаго ¹²⁾.

Общая потеря полка была 85 человекъ убитыхъ и умершихъ отъ ранъ; раненыхъ 43, контуженныхъ 2 офицера и 10 казаковъ.

Въ Джамскѣмъ походѣ.

Послѣ коканской войны 1-я сотня была поставлена въ Туркестанѣ, 2-я—въ Чимкентѣ, 5-я—въ Аулиеата, 6-я—въ Ходжентѣ и только 3-я и 4-я сотни со штабомъ полка остались въ Ташкентѣ ¹⁾.

Тогда же Елгаштинъ сдалъ полкъ подполковнику Порембскому.

Началась, было, опять конвойная служба, но, благодаря перевооруженію казаковъ винтовками Бердана и приготовленіямъ къ новой войнѣ, генераль Кауфманъ возложилъ всѣ этапы на мѣстныя войска. Кромѣ того, онъ воспретилъ при командировкахъ дробленіе сотенъ на части, несоотвѣтствующія уставному дѣленію, и вновь сократилъ число вѣстовыхъ. Эта послѣдняя мѣра сдѣлала то, что по одному г. Ташкенту число вѣстовыхъ уменьшилось съ 120 человекъ до 17 казаковъ и 1 урядника ²⁾.

Въ это же время полкъ началъ готовить инструкторовъ для обученія казаковъ обращенію съ новыми винтовками. Это серьезное дѣло было возложено на сотника Нуджевекаго и въ его распоряженіе отправлено отъ каждой сотни по 1 уряднику и 10 казаковъ. Нужно отдать справедливость, что офицеръ этотъ далъ полку образцовыхъ учителей; благодаря имъ, казаки скоро освоились съ новымъ оружіемъ и на первыхъ же порахъ, во всѣхъ сотняхъ, дали отличные результаты по стрѣльбѣ.

Въ концѣ октября 1877 года всѣ сотни полка были направлены въ укр. Ура-Тюбе, гдѣ имъ отвели полуразрушенныя казармы. Офицерскія помѣщенія были не лучше казачьихъ; они такъ же два года стояли безъ оконъ и дверей, и теперь, когда начались осенніе дожди, приходилось все это наскоро устраивать.

Лишь только сотни прибыли въ Ура-Тюбе, приказано было пройти курсъ стрѣльбы. Гористыя окрестности Ура-Тюбе въ зимнее время часто покрываются такимъ непроницаемымъ холоднымъ туманомъ, что нѣтъ возможности различить предметы въ нѣсколькихъ шагахъ. Въ такіе дни нерѣдко сотни выѣзжали на стрѣльбу съ запасомъ дровъ и на линіи огня разводили костры, у которыхъ казаки обогрѣвали свои оковенѣлыя руки.

Но все это полкъ поборолъ: курсъ стрѣльбы былъ пройденъ и по конному строю сотни не оставляли желать лучшаго; только въ санитарномъ отношеніи онѣ сильно пострадали. Несмотря на отличное питаніе людей, казаки заболѣвали упорными лихорадками, которыя съ февраля перешли въ тяжелыя формы тифа. Развитію этихъ болѣзней много способствовали невылазная грязь на дворѣ, гдѣ люди и ло-

пади тонули по колѣно, и частые туманы съ рѣзкимъ, холоднымъ вѣтромъ. Но больше всего подорвали здоровье людей казармы; всю зиму въ нихъ было душно и мрачно; всюду выступала подпочвенная вода изъ земляныхъ половъ, и въ то же время дождевая протекала съ потолковъ. Въ этой убійственной обстановкѣ полкъ потерялъ 6 казаковъ, которые послѣ малярійной лихорадки не могли перенести сыпного тифа³).

Въ мартѣ 1878 года стало извѣстно, что полкъ предназначается въ походъ на югъ, въ глубь Афганистана. Когда всѣ сотни были готовы къ выступленію, въ составъ отряда назначили 1, 2, 5 и 6 сотни^{*)}. Это было сдѣлано съ такой цѣлью, чтобы выдѣлить всѣхъ больныхъ и неоправившихся отъ болѣзней людей и замѣнить ихъ вполнѣ здоровыми изъ частей, остающихся отъ похода. Такъ было сдѣлано и въ остальныхъ частяхъ.

Войска, назначенныя въ походъ, дѣлились на 3 отряда: Амударьинскій, Ферганскій и Главный.

Амударьинскій отрядъ въ 6 ротъ, 2 сотни, 4 орудія шелъ изъ Петро-Александровска вверхъ по Амударьѣ до встрѣчи съ Главнымъ.

Ферганскій—въ 6 ротъ, 3 сотни, 6 одудій и 4 ракетныхъ станка слѣдовалъ изъ Маргелана черезъ Алайскія горы на г. Гармъ и далѣе къ Ширъ-Абаду.

Наконецъ, въ составъ Главнаго отряда, сформировавшагося въ Самаркандѣ, подъ начальствомъ генерала Троцкого, входили: 48 ротъ, 21 сотня, въ томъ числѣ четыре 1-го полка, 40 орудій и 8 ракетныхъ станковъ⁴).

*) Командиры сотенъ: 1-й сотникъ Николай Водошняновъ, 2-й эсаулъ Нуджевскій, 5-й эсаулъ Симоновъ и 6-й сотникъ Новосильцевъ.

Движеніе въ Авганистанъ въ іюль, въ самую жаркую пору года, вызывало особыя попеченія о сохраненіи здоровья людей, на что и было обращено особенное вниманіе.

Штабъ полка, 1, 5 и 6 сотни вышли изъ Ура-Тюбе 21 іюня и направились къ Самарканду черезъ селенія Зааминъ, Нанъ-Сангинъ и укрѣпленіе Ключевое; 2-я сотня еще въ маѣ мѣсяцѣ была вызвана въ Ташкентъ и оттуда слѣдовала до Самарканда съ главной квартирой.

На стоянкѣ у Ключевого сотни встрѣтили 5 Оренбургскую батарею Топорнина, съ которой и должны были слѣдовать до Самарканда. На другой день, когда казаки уже сидѣли на коняхъ, къ ихъ фронту подѣхалъ Генераль Кауфманъ и приказалъ эшелону слѣдовать за его экипажемъ. Съ мѣста на полныхъ рысяхъ побѣжала почтовая тройка, а за ней и казаки, имѣя между сотнями лихую батарею. Такъ эшелонъ этотъ съ одной небольшой остановкой въ ущельѣ Тамерлана, шелъ рысью весь перегонъ и одновременно съ экипажемъ командующаго войсками прибылъ на станцію.

3 іюля всѣ 4 сотни выступили изъ Самарканда на урочище Дарганъ, а затѣмъ, пройдя Читъ-арыкъ, прибыли въ Джамъ 6 іюля, гдѣ и остановились.

Дальнѣйшее движеніе войскъ къ Ширъ-Абаду было рассчитано поэшелонно, но 17 іюля послѣдовало распоряженіе о расформированіи отрядовъ⁵).

Какъ ни кратковременно было пребываніе войскъ на границѣ Бухары, но оно успѣло оставить по себѣ самое тяжелое воспоминаніе. Небольшое селеніе Джамъ, давно оставленное жителями и, какъ говоритъ преданіе, когда-то служившее мѣстомъ ссылки бухар-

скихъ преступниковъ, расположено на юго-восточномъ склонѣ небольшихъ возвышенностей подѣ названіемъ Чунакъ-ата, но во время остановки здѣсь отряда, оно состояло изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ строеній и одного, въ двѣ-три сакли постоялаго двора, построеннаго на берегу мелководной рѣчки, которая, благодаря слабому теченію и глинистымъ берегамъ, имѣетъ постоянно мутную воду. Окружающая мѣстность, лишенная растительности, представляетъ ряды невысокихъ холмовъ, покрытыхъ множествомъ могилъ: эти грустные памятники свидѣтельствовали о бывшей когда-то тамъ огромной смертности.

На другой день стоянки отряда, рыхлая земля, всюду изрытая норами сусликовъ, превратилась въ толстый слой микроскопической пыли, которая при постоянномъ движеніи людей и животныхъ, начала подниматься огромными клубами вверхъ и такъ оставалась надъ лагеремъ.

Къ неудобствамъ этой стоянки надо отнести и мѣрыяды фалангъ и скорпіоновъ, которые безцеремонно ползали въ палаткахъ, залѣзали на подушки, въ тарелки, чемоданы, а иногда и на людей. Какъ ни старались уничтожить этихъ гадовъ, но все было напрасно: вмѣсто убитыхъ появлялись новые и въ такомъ же огромномъ числѣ.

Разсказы о смертельныхъ укусахъ туркестанскихъ фалангъ и скорпіоновъ положительно не вѣрны; они ядовиты безспорно, особенно въ іюнѣ и іюлѣ, когда наступаетъ періодъ сильныхъ жаровъ, ихъ укусы причиняютъ боль, вызываютъ опухоль, но незначительный разрѣзъ ранки и втираніе въ нее деревяннаго масла, скоро уничтожаютъ то и другое. Замѣчатель-

но, что эти гады очень рѣдко задѣваютъ человѣка. При томъ огромномъ числѣ ихъ, которое ежеминутно выползало ночью на огни и, конечно, не одинъ разъ переходило спящихъ людей, за время стоянки въ Джамѣ въ полку было только два случая укуса и то, вѣроятно, потому, что казаки во снѣ старались ихъ сбросить. Одного фаланга укусила въ горло, а другого—въ лицо; на другой день оба казака были совершенно здоровы, опухоль опала, и остались лишь одни только слѣды ланцета, гдѣ былъ сдѣланъ легкій надрѣзь.

Стоянка отряда на такой рыхлой почвѣ, въ жгучую 45° жару, при отсутствіи порядочной воды, не могла не вліять на здоровье людей, хотя все рекомендованныя правила и исполнялись войсками чрезвычайно строго. Страшная духота въ воздухѣ, доводила всехъ до полного изнеможенія и потери силъ. Люди, томимые жаждой, совершенно теряли аппетитъ и только по принужденію ѣли нѣсколько ложекъ бульона, а мясо выбрасывали въ ямы и зарывали землей. Мѣдные чайники съ чаемъ не выносились изъ палатокъ офицеровъ по цѣлымъ днямъ; нижніе чины, конечно, не могли такъ часто пользоваться этимъ драгоценнымъ въ степи напиткомъ, а потому, чтобы хоть на минуту утолить жажду, начали пить сырую воду изъ мутнаго ручья.

Много лишеній испытывали войска въ хивинскихъ степяхъ, но и тамъ было легче: жаркіе, душные дни смѣнялись ночью прохладою; здѣсь же ни днемъ, ни ночью люди не знали покоя. Окружающія высоты накалялись отъ солнца, удерживали теплоту на всю ночь и обдавали людей горячимъ воздухомъ какъ изъ раскаленной печи. Истомленные за день мучитель-

ной жаждой, люди всю ночь продолжали обливаться потомъ и только подь утро забывались тревожнымъ сномъ, но и то не надолго,—первые лучи восходящаго солнца снова всѣхъ подымали. Пробовали купаться, но и это не помогало; мутная и теплая вода ручейка скорѣе расслабляла, чѣмъ укрѣпляла человѣка.

Такія неблагопріятныя климатическія условія не замедлили отразиться на здоровьѣ людей: во всѣхъ частяхъ появились больные лихорадкой и дизентеріей. Эти страшныя болѣзни въ степи сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе войскъ въ Джамѣ, почему головной эшелонъ 10 іюля и былъ переведенъ на 12 верстъ назадъ. Урочище Анджерли, гдѣ остановились войска, было обильнѣе водой, и, кромѣ того, вблизи лагеря находились прекрасныя ключи. Войска стали на твердо-песчаномъ грунтѣ, хотя и у подошвы тѣхъ же высотъ, но въ этомъ мѣстѣ онѣ были покрыты незначительной растительностью, которая, умѣряя дневной жаръ, вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожала и ночную духоту.

13 іюля командующій войсками посѣтилъ передовой лагерь; онъ подробно осмотрѣлъ его, вездѣ пробовалъ пищу, благодарилъ казаковъ за бодрый и молодеватый видъ, но тѣмъ не менѣе санитарное состояніе полка, какъ и остальныхъ частей, стоявшихъ въ Джамѣ, было очень серьезно. Въ день пріѣзда генерала Кауфмана въ полковомъ окологдѣ находилось 84 человѣка и 6 казаковъ въ походномъ лазаретѣ⁶⁾.

Чтобы хотя сколько-нибудь ослабить болѣзни, по совѣту полкового врача, было вмѣнено въ особую обязанность дежурнымъ и дневальнымъ строго слѣдить: чтобы казаки не купались сейчасъ же послѣ ученій или разныхъ нарядовъ со службы, чтобы

жажда утолялась преимущественно чаемъ или отварной водой, въ особенности послѣ горячей и жирной пищи; свѣжую же ключевую воду разрѣшалось пить только въ крайней необходимости, но отнюдь не сейчасъ же послѣ употребленія горячей пищи. Всѣмъ же слабымъ казакамъ безусловно воспрещалось пить сырую воду и купаться⁷⁾.

Отрядный базаръ находился подѣ самымъ строгимъ контролемъ, для чего ежедневно назначались особые дежурные офицеры, на обязанности которыхъ лежало совсѣмъ не допускать продажи фруктовъ и зелени, привозимой туземцами въ лагерь; они же слѣдили за чистотой бивака и въ особенности отхожихъ мѣстъ. Но и эти мѣры не помогали; лагерь съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе загрязнялся. Многіе казаки и даже офицеры, страдая дизентеріей, не всегда въ состояніи были добѣгать до указанныхъ мѣстъ, а садились на полпути, отчего по вечерамъ начинало распространяться зловоніе. Трудно представить, какія послѣдствія имѣла бы эта злополучная стоянка, если бы отрядъ не былъ направленъ обратно.

При иныхъ условіяхъ войска, конечно, были бы сильно опечалены возвращеніемъ назадъ, но на этотъ разъ приказъ о выступленіи на зимнія квартиры былъ радостно встрѣченъ. Да и не мудрено: за 10 дней стоянки на границѣ изъ 4 сотенъ отборныхъ, вполне здоровыхъ людей, полкъ оставилъ въ походномъ лазаретѣ 46 человекъ, имѣя 70 слабыхъ при околodкѣ, и всѣхъ офицеровъ больными дизентеріей. Не въ лучшихъ условіяхъ находились и остальные передовыя части главнаго отряда.

24 іюля полкъ прибылъ въ Самаркандъ и сталъ бивакомъ на Чупанатинскихъ высотахъ, верстахъ въ

трехъ отъ почтовой дороги. Въ это время Зарявшанъ былъ въ сильномъ разливѣ; онъ вышелъ изъ береговъ и совершенно уничтожилъ переправу на почтовомъ трактѣ.

На свѣту 26 числа обозы направились къ броду, отысканному джигитами въ нѣсколькихъ верстахъ отъ почтовой дороги. Полковой обозъ, состоявшій изъ большихъ коканскихъ арбъ, при помощи казаковъ переправился благополучно; настала очередь сотенъ; онѣ въ колоннѣ по три шли за проводникомъ, который, измѣряя глубину дна шестомъ, все время дѣлалъ крутые изгибы то вверхъ, то внизъ по теченію рѣки. Было 9 часовъ утра; вода все прибывала и начала уже бить подъ потники; сотни медленно шли одна за другой, стараясь не разорваться и не потерять направленія. Онѣ уже были на половинѣ рѣки, какъ на одномъ крутомъ поворотѣ снизу вверхъ головная сотня всплыла и въ ней вырвало изъ строя двухъ казаковъ. Въ этомъ мѣстѣ, всего на разстояніи 8—10 шаговъ, Зарявшанъ страшно бушевалъ; онъ шелъ такой могучей волной, которая еще издали рельефно выдѣлялась въ общей массѣ воды. Казаки, вырванные изъ строя, вертѣлись, какъ щепки, вмѣстѣ съ лошадьми и ихъ быстро уносило внизъ по теченію. По счастью, одному удалось освободиться, отъ коня и онъ удержался на мели, а другого такъ и унесло вмѣстѣ съ лошадью.

За труды и лишения, перенесенные войсками за время стоянки на бухарской границѣ, Высочайше повелѣно этотъ походъ подъ названіемъ Джамскаго считать за военный⁸⁾.

Послѣ Джамскаго похода 5-я и 6-я сотни были направлены въ Ура-Тюбе и Ходжентъ, а штабъ полка

съ 1-й и 2-й сотнями—въ Ташкентъ, откуда въ то же время 3-ю сотню перевели въ Чимкентъ, а 4-ю—въ Аулиеата⁹).

Въ эти два года полкъ часто назначалъ казаковъ въ конвои для прикрытія топографическихъ работъ, дѣятельно производившихся въ нагорныхъ районахъ области, военно-топографическимъ отдѣломъ.

Къ числу такихъ продолжительныхъ командировокъ, слѣдуетъ отнести поѣздку генеральнаго штаба полковника Матвѣева съ 7 казаками въ нагорную часть Кафиристана. По свидѣтельству Матвѣева, казаки все время отличались прекраснымъ поведеніемъ и много способствовали достиженію успѣшныхъ результатовъ экспедиціи¹⁰).

Въ кульджинскомъ походѣ.

Въ 1879 году подполковникъ Порембскій былъ перемѣщенъ на должность командира 3 полка въ Зайсанъ, а 1 полкъ принялъ подполковникъ Халдѣевъ¹).

Халдѣевъ прибылъ въ Ташкентъ въ концѣ января 1880 года, когда все сотни, собранныя къ штабу полка, снова готовились къ походу. На этотъ разъ полкъ снаряжался въ Кульджу.

Это передвиженіе было вызвано осложненіями съ китайцами, возникшими по поводу передачи имъ Кульджинскаго края, временно занятаго нашими войсками въ 1871 году.

О приготовленіи къ войнѣ со стороны Туркестана было сообщено генералу Кауфману въ мартѣ мѣсяцѣ, а уже въ апрѣлѣ войска были двинуты къ границѣ²). Тогда изъ Ташкента выступили въ Семирѣчье: команда саперъ, бригада туркестанскихъ стрѣлковъ, одна

рота линейцевъ, весь 1-й полкъ и 5 оренбургская конная батарея. Всѣ эти войска двигались эшелонами, причѣмъ сотни полка составляли три эшелона: № 5—1 и 2, № 7—4 и 5 и № 8—3 и 6³).

4 іюня штабъ полка, 4 и 5 сотни прибыли въ Кульджу, но уже не застали 1 и 2 сотенъ, которыя въ день своего прихода, 2 іюня, внезапно выступили на передовую линію. 3 и 6 сотни съ Пишпека были направлены въ Каракаль, куда онѣ прибыли 25 мая. Этотъ эшелонъ здѣсь встрѣтилъ 4-й стрѣлковый баталіонъ съ музыкой и угостилъ казаковъ обѣдомъ. Такая же встрѣча была и у седьмого эшелона со 2 стрѣлковымъ баталіономъ, когда эти части сошлись въ Меркѣ. Подобныя товарищескія отношенія туркестанскихъ войскъ начались съ первыхъ дней завоеваній въ средней Азіи и укоренились въ войскахъ еще больше, когда въ Туркестанъ перешло нѣсколько боевыхъ офицеровъ съ Кавказа, гдѣ, какъ извѣстно, войска не пропускаютъ ни одной проходящей команды, чтобы не встрѣтить и не угостить ее чашкой щей или каши. Эти дорогія традиціи также присуши и войскамъ Туркестанскаго округа, въ рядахъ котораго имѣлъ честь служить Ермака Тимоѣева полкъ. Боевая служба и совмѣстная стоянка въ мирное время связали Туркестанскую бригаду стрѣлковъ, 5 Оренбургскую конную батарею и 1 Сибирскій полкъ въ одну дружную семью, и въ этихъ частяхъ не было другихъ названій какъ „наши стрѣлки“, „наша батарея“, „нашъ полкъ“.

Когда войска выступили изъ Ташкента, во многихъ мѣстахъ по логамъ лежалъ еще снѣгъ. Нужно замѣтить, что въ этомъ году, благодаря многоснѣжной зимѣ и сильнымъ морозамъ, жители потеряли много

скота отъ безкормицы, а потому въ началѣ весны на всѣ предметы первой необходимости стояли неимо-
вѣрно высокія цѣны.

Эти послѣдствія суровой зимы не могли не вліять и на передвиженіе войскъ, но тѣмъ не менѣе полкъ, хорошо обставленный матеріально и снабженный денежными авансами на всякія случайности въ пути, шель безостановочно по двѣ станціи въ день, дѣлая дневки только у попутныхъ магазиновъ, гдѣ можно было взять запасы фуража и провіанта.

Разстояніе 1340 верстъ отъ Ташкента до Кульджи, было пройдено въ 47 дней при 12 дневкахъ, но въ томъ числѣ два дня были потеряны въ Вѣрномъ изъ-за подрядчика, который не могъ достать подводъ для перевозки тяжестей⁴).

И въ этомъ походѣ довольствіе людей было обставлено прекрасно; казакамъ выдавались добавочный полуфунтъ мяса и чай съ сахаромъ два раза въ день. Ихъ пища, благодаря запасамъ, сдѣланнымъ въ Ташкентѣ, все время разнообразилась: щи приготавливались изъ сушеной капусты или прессованной зелени, а съ границы Семирѣченской области—и изъ листьевъ молодого барбариса или щавеля. Каша рисовая или ячменная варились со свѣжимъ саломъ ежедневно, а щи чередовались съ супомъ и лапшой. Такое отличное питаніе людей, не могло не дать блестящихъ результатовъ: въ полку не было совсѣмъ больныхъ. Но недостатокъ сѣна, а иногда и зернового фуража, крайне неблагоприятно отразился на конскомъ составѣ. Много лошадей пришлось замѣнить въ Кульджѣ и частию въ попутныхъ городахъ Семирѣченской области, гдѣ къ приходу полка началъ отдыхать киргизскій скотъ отъ зимней безкормицы.

Когда сотни шли походомъ, ихъ два раза встрѣтилъ генераль Кауфманъ. „Во время моей поѣздки въ Семирѣченскую и Ферганскую области“,—объявлялось въ приказѣ по округу,—„я имѣлъ случай осмотрѣть части войскъ, входящія въ составъ расположенныхъ тамъ отрядовъ; будучи каждый разъ доволенъ состояніемъ всѣхъ осмотрѣнныхъ мною войскъ, мое вниманіе, однако, какъ въ кульджинскомъ районѣ, такъ и на Алаѣ привлекалось прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ состояніемъ тѣхъ частей, которыя поступили въ составъ отрядовъ изъ Сыръ - Дарьинской области. 3-й Западно-Сибирскій линейный баталіонъ, 3-я рота 17-го Туркестанскаго линейнаго баталіона и 1-ый конный полкъ Сибирскаго казачьяго войска, по молодцеватому, здоровому виду солдатъ и казаковъ, по своему отличному строевому образованію выдѣлялись изъ числа линейныхъ и казачьихъ войскъ, входящихъ въ составъ Кульджинскаго и Ферганскаго отрядовъ“.

Въ этомъ походѣ, въ составѣ полка находилось много георгіевскихъ кавалеровъ казаковъ, которые принимали участіе въ коканской войнѣ.

Войска, собранныя въ Кульджинскомъ районѣ, составляли главныя боевыя силы со стороны Туркестана и состояли изъ 30 ротъ, 20 сотенъ, 24 орудій, 1 ракетной и 1 мортирной батареи. Кромѣ того, были выставлены небольшіе отряды въ Бахтахъ, на Нарынѣ и въ Каракалѣ⁵).

Всѣ войска, сосредоточенныя на границѣ Семирѣченской области, подчинялись генералу Колпаковскому, а за его отсутствіемъ ими завѣдывалъ генераль Левашевъ⁶).

Для наблюденія за горными проходами въ сѣверной части Кульджинскаго района было выставлено

нѣсколько отрядовъ, которые находились въ вѣденіи командира Туркестанской стрѣлковой бригады, полковника Куропаткина, по званію начальника авангарда.

Эти передовыя войска были расположены въ Талкинскомъ ущельѣ и на урочищѣ Ачалъ, которое прикрываетъ Цитартинскій переваль. Съ приходомъ Сырдарьинскихъ войскъ Талкинскій отрядъ былъ усиленъ баталіономъ стрѣлковъ при двухъ орудіяхъ, а Ачалскій—линейнымъ баталіономъ и 4-й сотней 1-го полка съ двумя горными орудіями. Для связи этихъ двухъ отрядовъ были поставлены на урочищѣ Тура-су 1, 2 и 5 сотни со штабомъ 1-го полка⁷⁾.

Кавалерійскій отрядъ изъ двухъ Семирѣченскихъ полковъ съ 5 Оренбургской и ракетной батареями подъ начальствомъ полковника Матвѣева находился въ верховьяхъ р. Каша и наблюдалъ за горными проходами въ восточной части района. Затѣмъ все остальные войска были поставлены у Пеличинскаго ущелья, въ 20 верстахъ отъ Кульджи по турасуйской дорогѣ⁸⁾.

Направляя войска въ передовыя отряды, полковникъ Куропаткинъ и самъ выѣхалъ на границу, чтобы на мѣстѣ указать постановку передовыхъ постовъ. Прибывъ въ Тура-су, онъ приказалъ выслать сильный разъѣздъ черезъ горы Борохоро въ долину р. Кизымчика, гдѣ и ожидать его со стороны Ачала.

Утромъ 19 іюня турасуйскій разъѣздъ изъ 5 офицеровъ и 25 казаковъ подъ начальствомъ войскового старшины Симонова выступилъ съ бивака и, пройдя 40 верстъ горами, остановился въ долинѣ р. Кизымчика. Въ тотъ же день поздно вечеромъ сюда прибылъ и полковникъ Куропаткинъ съ полусотней казаковъ 4 сотни. На другой день, осмотрѣвъ мѣст-

ность въ направленіи Императорской дороги*) и направивъ казаковъ 4 сотни обратно въ Ачалъ, онъ съ турасуйскимъ разъѣздомъ вернулся въ Тура-су, откуда 21 числа снова выступилъ со второй сотней Нуджевскаго на переваль Кертасъ, гдѣ оставилъ эту сотню, а самъ съ не большимъ разъѣздомъ проѣхалъ верховьями рѣки Кизимчика въ Талкинскій отрядъ. Здѣсь его застало распоряженіе Военнаго министра, чтобы наши отряды и разъѣзды отнюдь не переходили границы и тѣмъ не вызывали столкновеній съ китайцами.

Выставивъ передовые посты, полковникъ Куропаткинъ организовалъ и порядокъ сторожевой службы.

Когда все посты вошли въ связь между собой, явилась необходимость въ улучшеніи путей сообщенія, по которымъ двигались разъѣзды. Эти работы были исполнены казаками; они расчистили тропинки какъ въ долинѣ р. Кизымчика, такъ и на всехъ перевалахъ хребта Борохоро, черезъ который пролегали вьючныя дороги въ эту долину.

Разработка дорогъ и ежедневные разъѣзды по крайне пересѣченной, гористой мѣстности, требовали усиленной дѣятельности передовыхъ постовъ. А между тѣмъ слухи о воинственномъ настроеніи китайцевъ и даже о скоромъ разрывѣ съ ними, стали все чаще и чаще доходить до Кульджи. Правда, все свѣдѣнія о непріятелѣ были до крайности сбивчивы, неположительны, но пренебрегать ими было нельзя, какъ потому, что дѣйствительное положеніе дѣлъ у китайцевъ намъ не было хорошо извѣстно, такъ и потому, что вновь занятая граница не была еще вполне из-

*) Императорская дорога идетъ отъ Суйдуна черезъ Лауцигунъ и Талкинскій переваль на Джинхо, Шихо и т. д.

слѣдована. На это послѣднее обстоятельство особенное вниманіе обратилъ полковникъ Куропаткинъ, почему и разослалъ по всѣмъ направленіямъ офицеровъ для производства маршрутныхъ съемокъ и описанія дорогъ, которыя пролегали черезъ горы въ китайскіе предѣлы.

Первыя болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о китайцахъ доставилъ подполковникъ Маевскій. Онъ былъ командированъ въ Шихо, при чемъ ему рекомендовалось вернуться въ Кульджу не чрезъ Ачалъ или Талки, а чрезъ Чугучакъ, чтобы проѣздомъ осмотрѣть долину р. Бараталы. Маевскій не разъ получалъ подобныя командировки и, нужно замѣтить, всегда пользовался взаимными симпатіями у китайцевъ, но на этотъ разъ они хотя и приняли его съ подобающими почестями, но далеко не дружелюбно. За нимъ все время слѣдила тайная и явная полиціи, а на поѣздку въ Чугунчакъ китайцы положительно не согласились; они никого не пропускали и къ Манасу.

Свѣдѣнія, добытыя Маевскимъ, сводились къ тому, что отъ Шихо до Бараталы у китайцевъ не менѣе 15000 конницы и пѣхоты при 12 орудіяхъ; эти послѣднія тщательно охраняются въ Шихо. Огнестрѣльное и холодное оружіе китайскихъ войскъ крайнѣ разнообразно и дурно содержится. Лучшими частями по виду, снаряженію и вооруженію онъ считалъ кавалерійскія лянзы, особенно составленныя изъ манджуръ. Съ большой похвалой онъ отзывался о подборѣ лошадей въ кавалеріи, которыя, отличаясь крѣпостью тѣла и рѣзвостью, не были приучены къ выстойкамъ. Онъ самъ видѣлъ, какъ китайскіе солдаты послѣ большого перегона сбрасывали сѣдла съ потныхъ лошадей и отпускали ихъ на траву.

Тогда же вернулся из Манаса одинъ изъ довѣренныхъ туземцевъ и сообщилъ, что въ Хами китайцы сосредоточиваютъ до 40000 войскъ, при которыхъ состоитъ 14 иностранныхъ офицеровъ, а въ Манасѣ и Турфанѣ у нихъ отъ 7 до 10 тысячъ пѣхоты и кавалеріи.

Какъ бы въ подтвержденіе всѣхъ этихъ извѣстій, въ долину Кызымчика показались китайскіе разъѣзды, и тогда же командиръ 4 сотни сотникъ Панковъ (Николай), доносилъ, что въ Такіянцзи прибыло до 500 человекъ конницы и что тамъ идутъ работы по возведенію новыхъ построекъ, а по ночамъ въ окрестностяхъ этого городка виднѣется много костровъ.

Видѣнные Панковымъ костры оказались не въ Такіянцзи, а на берегу озера Эби-нора, обильнаго порослями камыша, гдѣ и стояла прибывшая кавалерія.

Все это побудило усилить передовые посты, для чего полковникъ Куропаткинъ и перевелъ въ долину Кызымчика 2 и 4 сотни; сотню Нуджевскаго онъ поставилъ въ верховьяхъ р. Кызымчика, а сотню Панкова—на урочище Уланъ-булакъ, приблизительно противъ Таніянцзи и въ 23 верстахъ отъ передового турасуйскаго поста. Этотъ послѣдній былъ также усиленъ до полусотни казаковъ.

Такъ всѣ войска Кульджинскаго отряда оставались на передовой линіи до октября, а въ первыхъ числахъ этого мѣсяца они стали выступать на зимнія квартиры. Три баталіона стрѣлковъ ушли въ Вѣрный, а два полка Семирѣченцевъ были отпущены на льготу.

Въ это же время отъ полка былъ потребованъ взводъ казаковъ въ конвой консулу Шиммареву, ѣздившему въ Шихо. Эта командировка не была сопряжена съ особыми лишеніями для конвоя: китайцы вездѣ выста-

вляли продовольствіе и давали пріютъ казакамъ. Но она обращаетъ на себя вниманіе большими и продолжительными переходами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, изъ которыхъ двѣ недѣли казаки простояли въ Шихо. Выступивъ съ Турасу въ началѣ октября, взводъ подъ командой сотника Панкова (Сергѣя) вернулся въ Кульджу 4 декабря. Его маршрутъ былъ: Ачалъ, Джинхо, Шихо, а обратно: Баратала, Чугучакъ, Бахты, Лепса, Копаль, Алтынъ-Эмель, Борохудзиръ и Кульджа. Всего было пройдено 1500 верстъ, при чемъ конвой не потерялъ ни одной лошади.

Въ этомъ же году 10 казаковъ съ урядникомъ Степановымъ находились въ конвоѣ капитана Петрова, командированнаго изъ Кульджи въ Капгаръ. Эта поѣздка состоялась въ концѣ ноября, когда вообще всѣ перевалы черезъ Тянь-шанскій хребетъ чрезвычайно затруднительны даже для одиночныхъ всадниковъ.

Петровъ направился Музартскимъ переваломъ. Этотъ путь со стороны долины Текеса начинается отлогимъ подъемомъ и идетъ по рѣчкѣ Уртенъ-Музартъ.

Съ седьмой версты дорога втягивается въ узкое ущелье, гдѣ мѣстами необходимо спѣшиваться и вести лошадей въ поводу по узкимъ первобытнымъ мостикамъ, перекинутымъ черезъ бурный потокъ. На 20 верстѣ ущелье снова расширяется и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается величественный видъ на снѣжныя вершины Поднебесныхъ горъ. Отъ этого мѣста и до рѣчки Арчалы-Карагачъ всѣ скаты горъ покрыты густымъ еловымъ лѣсомъ.

На 50-й верстѣ переваль достигаетъ 12000 футь, и здѣсь же начинается лощина вѣчнаго льда, изрытая глубокими трещинами. Эта ледяная площадь тя-

нется около 8 верстъ и оканчивается обрывомъ въ долину Кашгара, гдѣ не только вещи, но и животныхъ приходится спускать на веревкахъ⁹⁾.

Два дня Петровъ шелъ отъ подошвы горъ до подъема, при чемъ на второмъ переходѣ его застигла снѣжная метель. На другой день, поднимаясь на высшую точку перевала, казаки все время работали киркой, вырубая ступени въ ледяной корѣ, безъ чего и хорошо подкованныя лошади не могли взбираться на подъемъ. Съ той и другой стороны этой узкой ледяной дороги шли отвѣсныя пропасти и обойти ихъ не было возможности. Но еще большихъ усилий потребовалъ спускъ въ долину Кашгара.

Первымъ скатился капитанъ Петровъ; онъ сѣлъ на воловью кожу, съ трехъ сторонъ привязанную къ длиннымъ веревкамъ, за которыя крѣпко ухватились казаки. „И смѣшно, и страшно было смотрѣть, какъ нашъ капитанъ съ шумомъ покатился внизъ“, говорить участникъ этой поѣздки, урядникъ Степановъ.

За начальникомъ конвоя спустили всѣ вещи; когда же очередь дошла до лошадей и ихъ подвели къ обрыву, то несчастныя животныя начали трястись какъ въ лихорадкѣ. Ихъ также привязывали къ веревкамъ за хвосты, за шею и животъ и осторожно сталкивали внизъ. Хотя этотъ способъ и увѣнчался успѣхомъ, конвой не потерялъ ни одной лошади, но зато и не было такой, которая бы не поцарапала себѣ головы, ногъ и живота.

У подошвы спуска казаковъ застигла темная морозная ночь съ рѣзкимъ пронизывающимъ вѣтромъ. Ни дровъ, ни сѣна въ конвоѣ не было. Казаки выпили по чаркѣ водки и закусили сухаремъ; они всю ночь пѣли пѣсни, чтобы не заснуть. Лошадямъ была

выдана полуторная дача ячменя, но и привычные кони казаковъ не могли выдержать страшной стужи съ порывистымъ вѣтромъ,—они объѣли другъ другу хвосты.

На четвертый день Петровъ добрался до кашгарскаго пикета, при чемъ на послѣднемъ переходѣ сорвались двѣ выючныя лошади съ карниза и вмѣстѣ съ выюками погибли въ расщелинѣ.

Изъ Кашгара Петровъ вернулся Бедельскимъ переваломъ и изъ Пржевальска отпустилъ казаковъ, которые прибыли въ Кульджу наканунѣ Новаго года.

Для обезпеченія Кульджинскаго района на случай внезапнаго вторженія китайцевъ зимой, были оставлены передовые отряды въ слѣдующихъ пунктахъ:

1. Въ Талкинскомъ ущельѣ—1 рота и полусотня 2-й сотни.
2. На Ачалѣ—1 рота съ 5-й сотней и взводомъ горныхъ орудій; и
3. Въ Ямату—1 рота съ 3-й сотней*).

Каждый изъ этихъ отрядовъ, въ свою очередь, выставилъ передовые посты; а именно: Талкинскій—12 казаковъ при урядникѣ къ озеру Сайрамъ-норъ и 25 казаковъ при офицерѣ въ долину р. Кизымчика на мѣстѣ лѣтней стоянки 2-й сотни. Ачалъскій—взводъ казаковъ при офицерѣ на Уланъ-булакѣ и, наконецъ Яматинскій—взводъ казаковъ на р. Текесѣ для наблюдений за переваломъ Дачиде и другими дорогами, которыя могли быть проложены зимой.

Ближайшими резервами этихъ отрядовъ служили: 2 роты, полсотни 2-й сотни съ дивизиономъ артиллеріи въ Суйдунѣ и 1 рота съ 1-й сотней и взводомъ кон-

*) 3-я и 6-я сотни были переведены изъ Каракала въ Кульджу въ концѣ сентября.

ныхъ орудій въ Восточномъ Мазарѣ. Отъ этого послѣдняго отряда находился взводъ казаковъ при офицерѣ на урочищѣ Чижганъ-тугаѣ.

Общій резервъ изъ 10 ротъ, 6 орудій и 4-й, и 6-й сотень 1-го полка находился въ Кульджѣ.

На передовыя войска возлагалось: преслѣдовать и уничтожать разбойничьи шайки; не пропускать контрбанды; наблюдать, чтобы не было тайныхъ сношеній между китайцами и калмыками; собирать свѣдѣнія о непріятелѣ.

Въ случаѣ неожиданнаго наступленія китайцевъ черезъ перевалы Талкинскій, Ачальскій и Дачиде, удобопроходимые зимой, начальникамъ отрядовъ*) предписывалось заблаговременно выбрать позиціи, на которыхъ бы можно было задержать непріятели до прибытія ближайшихъ подкрѣпленій.

Такъ какъ Цитартинскій переваль проходимъ для войскъ только съ горной артиллеріей и вьючнымъ обозомъ, то на случай наступленія непріятели на Ачаль, начальнику Мазарскаго отряда предлагалось, если не будетъ опасенія со стороны долины р. Каша, немедленно двигаться на Ачаль, оставивъ въ Мазарѣ прикрытіе для взвода орудій и въ то же время сообщить Яматинскому отряду, чтобы и онъ, если позволяютъ обстоятельства, подкрѣпилъ ачальскія и мазарскія войска. Суйдунскій отрядъ долженъ былъ идти къ Талкинскому, а общій Кульджинскій—куда требуютъ обстоятельства¹⁰).

Такъ была организована оборона Кульджинскаго района на случай наступленія китайцевъ въ зимнее время.

*) Начальниками передовыхъ отрядовъ мазарскаго, яматинскаго и ачальскаго были командиры сотень 1 полка Нарбутъ, Дверницкій и Шайтановъ, онъ же и начальникъ передовыхъ постовъ.

Всѣ передовыя войска были обезпечены довольствіемъ до 1 мая и размѣщены такъ: Мазарскій и Талкинскіе отряды въ юртахъ; Яматинскій въ юртахъ и землянкахъ; Ачальскій и Уланъ-булакскій взводъ—въ плетневыхъ баракахъ, а Кизымчикскій—въ бревенчатой избѣ.

Во всѣхъ юртахъ, баракахъ и землянкахъ были устроены нары и поставлены желѣзныя печи, которыя казаки обложили сырцевымъ кирпичомъ и обмазали слоемъ глины. Такія печи довольно хорошо сохраняли теплоту. На случай зимняго похода сотни завели себѣ на фуражно-экономическія суммы теплые ватные халаты и большіе сапоги съ валеными изъ шерсти чулками.

Пограничная служба всѣхъ сотенъ и особенно Талкинскаго и Ачальскаго отрядовъ, на которыхъ лежало наблюденіе за Императорской дорогой и долиной р. Кизымчика, была сопряжена съ большими трудностями и въ то же время требовала особой бдительности казаковъ; они, поддерживая дружественныя отношенія съ китайцами, которые все чаще и чаще стали посѣщать наши посты, должны были еще зорко слѣдить и за шайками барантачей изъ дунганъ, во множествѣ появившихся на передовой линіи и даже въ тылу отрядовъ для грабежа проѣзжающихъ и проходившихъ каравановъ. Нѣсколько удачныхъ налетовъ и особенно набѣгъ хорунжаго Самсонова, скоро разсѣяли этихъ грабителей и дунгане очистили пути, на которыхъ стояли отряды¹¹⁾.

Въ эту зиму казаки испытали не мало лишеній отъ много-снѣжной зимы. Глубокіе снѣга иногда совершенно прекращали сообщеніе между отрядами; такъ, въ декабрѣ пришлось обратиться къ содѣйствію уѣзд-

ной администраціи, благодаря которой и была проложена киргизскими табунами дорога по Цитартинскому ущелью, страшно заваленному снѣгомъ. Но и послѣ того, переваль этотъ представлялъ много затрудненій для движенія развѣздовъ; бывали даже случаи обмораживанія людей.

Служба двухъ сотенъ въ Кульджѣ состояла въ томъ, что онѣ, поддерживая сообщенія съ Суйдунскимъ, Мазарскимъ и Яматинскимъ отрядами, еще выдѣляли конвой къ лицамъ уѣздной администраціи на время ихъ поѣздовъ по участку. Ежедневный же нарядъ по городу доходилъ до 20 казаковъ.

При такомъ значительномъ расходѣ казаковъ на службу строевыя занятія въ сотняхъ велись урывками, но, тѣмъ не менѣе, на подготовку къ стрѣльбѣ и конный строй обращалось большое вниманіе. Независимо отъ домашнихъ ученій и несмотря ни на какую погоду, кульджинскія сотни въ полномъ наличномъ составѣ еженедѣльно выѣзжали на проѣздки съ тактическими цѣлями. Вначалѣ эти проѣздки не превышали 15 верстъ, а къ веснѣ 1881 года онѣ дошли до 50 верстъ безостановочнаго движенія сотенъ съ конной батареей¹²). Одна изъ такихъ поѣздовъ на 50 верстъ была произведена во время встрѣчной снѣжной метели, при чемъ ни въ батарееѣ, ни въ сотняхъ не оказалось ни одного больного казака.

Въ это же время начались любительскія офицерскія скачки, сначала на разстояніи 15—20 верстъ, а затѣмъ перешли къ 80-ти верстной ѣздѣ въ определенное время. Эта послѣдняя имѣла цѣлью испытать силы лошадей и выносливость всадниковъ, а потому было постановлено: вести ѣзду на собственныхъ строевыхъ лошадяхъ и лично самимъ владѣльцамъ, при

чемъ 80-ти верстное разстояніе должно быть пройдено не менѣе какъ въ 6 часовъ времени. Направленіе было избрано отъ Талкинскаго ущелья черезъ г. Суйдунъ до Кульджи.

Въ этой ѣздѣ принимали участіе 11 офицеровъ, въ томъ числѣ начальникъ отряда генераль Левашевъ.

Наканунѣ ѣзды все лошади были отправлены на сборный пунктъ въ Талки и въ день скачки осмотрѣны комиссіей.

Нужно замѣтить, что эта поѣздка состоялась въ концѣ марта, когда уже начались порядочныя жары, а потому участники рѣшили выѣхать изъ Талковъ около 3 часовъ пополудни.

Въ назначенный часъ офицеры выстроились и по данному знаку пустились въ путь. Первые три версты дорога шла небольшими перевалами и косогорами Талкинскаго ущелья, а затѣмъ выходила на открытую Лауцугунскую долину, гдѣ кони, почуя просторъ, начали волноваться, а братья Масловы, Сѣдельниковъ, Киселевъ и Панковъ сорвали съ рыси и пошли чуть не полнымъ карьеромъ, далеко оставивъ всехъ остальныхъ ѣздоковъ. Они же первыми влетѣли и въ Суйдунъ, пройдя 40 верстъ въ $2\frac{1}{4}$ часа. Эта бѣшенная скачка передовыхъ невольно горячила лошадей и увлекала ѣздоковъ второй партіи, которые вначалѣ шли рысью довольно кучно, но подъ Суйдуномъ и они не выдержали: ихъ лошади рвались впередъ, и все ѣздоки растянулись на нѣсколько верстъ. Послѣдніе изъ второй партіи прошли 40-верстное разстояніе до Суйдуна въ 2 ч. 38 минутъ.

Послѣ 10 минутнаго отдыха въ этомъ городѣ, ѣздоки снова пустились въ путь, но уже съ 50 версты

отъ Талковъ, нѣкоторые лошади начали требовать понужденія. Впереди шелъ сотникъ Мурзинцевъ, за нимъ не далѣе версты Кириловъ и Левашевъ. Первымъ вышелъ Мурзинцевъ, пройдя 80 верстъ ровно въ 5¹/₂ часовъ, затѣмъ прибылъ Кириловъ въ 5 ч. 45 м. и, наконецъ, генераль Левашевъ—въ 5 ч. 53 м. На другой день, по осмотрѣ лошадей, комиссія присудила жетоны Мурзинцеву и Левашеву.

Неумѣренно быстрая ѣзда вначалѣ была результатомъ, что только три лошади дошли до мѣста въ определенное время; кромѣ того, братья Масловы, Симоновъ, Кириловъ и Панковъ потеряли своихъ лошадей; онѣ пали: у перваго—не доходя 8 верстъ до Кульджи, а у остальныхъ—на дому, въ первую ночь послѣ скачки.

Но здѣсь особенно выдѣлилась лошадь казака Дмитрія Суслова, приведенная имъ изъ войска. Казакъ Сусловъ на время поѣздки состоялъ вѣстовымъ у сотника Сѣдельникова и потому былъ въ полномъ вооруженіи съ заднимъ выюкомъ, гдѣ были приторочены шинель съ коржунами, въ которыхъ находился мѣдный чайникъ, стаканъ, чай, сахаръ, хлѣбъ и закуска офицера. Отѣхавъ отъ Талковъ версты три, Сѣдельниковъ посылаетъ казака обратно взять что-то забытое имъ. Вѣстовой нагоняетъ офицера у Суйдуна. При выѣздѣ изъ этого города, Сѣдельниковъ опять оставляетъ какую-то вещь и снова возвращаетъ вѣстового съ седьмой версты отъ Суйдуна. Казакъ опять нагоняетъ офицеровъ и одновременно съ генераломъ подъѣзжаетъ къ флагу, но и то потому только, что „не посмѣлъ опередить его пр-во“, какъ онъ самъ объ этомъ заявилъ. Эта лошадь въ два дня сдѣлала 180 верстъ и на другой день комиссіей была признана вполнѣ сохранившей свои силы.

Оканчивая описаніе службы 1-го полка въ Кульджинскомъ походѣ 1880 года, остается сказать, что въ это же время 1 уряднику и 12 казакамъ съ командиромъ 2-й сотни войсковымъ старшиной Нуджевскимъ выпало неожиданное счастье еще разъ принять участіе въ бояхъ съ незабвеннымъ М. Д. Скобелевымъ.

Составляя личный конвой полковника А. Н. Куропаткина, они находились въ составѣ небольшого отряда, высланнаго подъ его командой изъ Петро-Александровска въ Ахаль-теке (¹³). Эти казаки участвовали во всѣхъ дѣлахъ съ текинцами при штурмѣ крѣпости Геокъ-тепе, гдѣ ихъ командиръ Нуджевскій былъ раненъ пулею въ грудь навывлетъ.

За отличіе при штурмѣ крѣпости, 3 казака удостоились получить знаки отличія военнаго ордена и всѣ—установленную за походъ серебряную медаль.

Въ окупационномъ отрядѣ.

Въ мартѣ 1881 года въ Кульджѣ стало извѣстно, что состоялся съ Китаемъ договоръ, по которому Россія возвращала китайцамъ Илійскій край, но жителямъ его предоставлялось право выселиться въ предѣлы Семирѣченской области.

Для приведенія въ исполненіе этого договора, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцахъ 1881 года прибыли въ Кульджу первый комиссаръ русскаго правительства генераль-Маіоръ Фриде и уполномоченный китайскаго, сановникъ Шень, съ 2000 отрядомъ, а годъ спустя, явился въ Кульджинскій районъ и Илійскій Дзянь-дзюнь съ отрядомъ въ 12000 конныхъ и пѣшихъ солдатъ. Онъ вышелъ изъ Талкинскаго ущелья и торжественно,

съ распущенными знаменами, занялъ Суйдунъ, выдѣливъ небольшой отрядъ въ Кульджу и 3000 чело-вѣкъ въ Чинчиходзи (1). Съ прїѣздомъ Дзиня, китайцы немедленно приступили къ исправленію городскихъ стѣнъ Суйдуна, Чинчиходзи и къ постройкѣ 9-тиновыхъ импановъ въ окрестностяхъ этихъ двухъ городовъ. Всѣ эти земляныя работы велись съ поразительной быстротой; толстыя глинобитныя стѣны положительно росли не по днямъ, а по часамъ.

Незадолго до прїѣзда генерала Фриде, войска Кульджинскаго отряда начали выступать въ Турасуйскую долину, въ лагерный сборъ, куда собрались и всѣ сотни полка, но отсюда онѣ были скоро вызваны въ Кульджу. Причина этому была слѣдующая: Шень обратился къ населенію съ прокламаціей, убѣждая его оставаться на своихъ мѣстахъ. Прокламаціи эти вызывали не мало волненій у таранчей, которые собирались на сходки для вырѣшенія вопроса: оставаться ли имъ въ подданствѣ китайцевъ или бросить свои родовыя мѣста и идти къ русскимъ. Всѣ эти волненія послужили причиной вызова въ Кульджу сначала одной 2-й сотни, а затѣмъ постепенно и всѣхъ остальныхъ.

Сановникъ Шень хотя и привелъ съ собой, по-видимому, лучшія войска, но и эти представители Поднебесной имперіи, благодаря своей врожденной распущенности, ознаменовали себя рядомъ насилій. Они безцеремонно обращались съ торговцами на базарахъ и съ проѣзжающими по дорогамъ, отбирая у нихъ все, что признавали нужнымъ и полезнымъ для себя. Китайскіе солдаты сдѣлались особенно дерзки, когда слышали о приближеніи къ Кульджинскому району отряда Дзиня; вѣроятно, предполагая, что

русскія власти не въ состояніи будутъ оградить своихъ подданныхъ отъ такого огромнаго числительнаго перевѣса, который становился на ихъ сторонѣ, они начали производить дневные грабежи. Но больше всего китайцевъ смущала „нечистая сила“, которую они видѣли въ телеграфной линіи, а потому при каждомъ удобномъ случаѣ старались уничтожать ее. Всѣ эти насилія побудили генерала Фриде сосредоточить полкъ въ Кульджѣ, гдѣ онъ долженъ былъ оставаться и на зиму.

Но тогда явился вопросъ, какимъ образомъ на зиму размѣстить казаковъ, для которыхъ могли удѣлить только двѣ плохенькихъ казармы, не болѣе какъ на двѣ сотни. Вначалѣ полагали выставить имъ юрты или нанять квартиры у таранчей, но въ томъ и другомъ случаѣ всѣ расходы по найму и приспособленію къ зимѣ помѣщеній предлагалось принять на экономическія суммы сотенъ. Отъ юртъ полкъ отказался потому, что онѣ требовали капитальнаго исправленія и, что самое главное, не имѣли второго ряда кошомъ, которыхъ нельзя было достать ни на базарѣ, ни у киргизъ, а безъ этого ремонта онѣ не могли обезпечивать людей отъ холода, какъ показалъ опытъ предшествовавшей зимы. Что же касается найма таранчинскихъ сакель, то комиссія врачей высказалась, что онѣ настолько грязны и негигіеничны, что едва ли безопасно ставить въ нихъ казаковъ, хотя бы даже послѣ сильной дезинфекціи.

Все это побудило приступить къ постройкѣ четырехъ глинобитныхъ бараконъ, которые и были окончены къ ноябрю. Но эти помѣщенія обошлись полку 5000 р., да въ томъ же году съ сотенъ взяли 3000 р. на Ташкентское военное собраніе. Этотъ непредвидѣн-

ный расходъ въ связи съ затратами на снаряженіе къ Кульджинскому походу, а затѣмъ и на заведеніе казакамъ теплой одежды и обуви, въ общемъ составилъ около 45000 р. безвозвратныхъ затратъ изъ экономическихъ суммъ сотенъ въ продолженіе двухъ лѣтъ (²).

Новыми бараками полкъ пользовался только годъ. Съ утвержденіемъ мѣста подь Джаркентское поселеніе было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ лѣсные матеріалы отъ казенныхъ зданій въ Кульджѣ были сплавлены по Или до борохудзирской переправы, а оттуда гужемъ перевезены на р. Усекъ. Эти работы: разборка глинобитныхъ бараконъ, сплавъ лѣса, его перевозка до Или и отъ борохудзирской переправы до Джаркента, наконецъ, постройка новой казармы въ Джаркентѣ, снова недешево обошлись казакамъ. Они здѣсь страшно оборвали шинели, обувь, бѣлье, переломали весь сотенный обозъ и перепортили всѣхъ вьючныхъ лошадей.

Для постройки казармы въ Джаркентѣ сначала была выслана рабочая команда въ 120 казаковъ, а потомъ ее смѣнила 6-я сотня Вологодскаго, на долю которой выпало тоже немало тяжелаго труда.

Въ іюль, въ самый разгаръ этихъ работъ, Халдѣевъ былъ зачисленъ по войску, а 1-й полкъ принялъ Подполковникъ Симоновъ.

Съ выдѣленіемъ 6-й сотни въ Джаркентъ и 1-й, Ерковскаго, въ составъ Суйдунскаго отряда началась для казаковъ „страда“, какъ они сами охарактеризовали свою службу. Охраняя населеніе отъ грабежей и своеволий разнаго сброда, они должны были усилить наблюденіе и за сотенными помѣщеніями, которыя слишкомъ близко примыкали къ садамъ и саклямъ

туземнаго города, что давало возможность подозрительнымъ личностямъ скрытно подходить къ казармамъ ночью. На этомъ основаніи домашній карауль каждой сотни доходилъ до 15 человекъ въ сутки при 65-ти казакахъ ежедневнаго наряда въ городъ.

Но и этимъ нарядомъ съ августа мѣсяца 1882 г. начальникъ уѣзда не могъ обходиться; въ его распоряженіе стали назначать взводъ казаковъ, который нерѣдко уходилъ на нѣсколько дней изъ Кульджи для водворенія порядка въ кишлакахъ.

Всѣ эти командировки вызывали не одни китайцы, но и китайскіе дунгане и таранчи, собиравшіеся въ шайки для грабежей по дорогамъ и въ отдаленныхъ кишлакахъ, куда тогда приходилось высылать даже сотни въ полномъ составѣ. Такъ, сотня Катанаева внезапно выступила въ верховья р. Каша на лѣвый берегъ Или; сотня Панкова два раза ходила къ селенію Арустанъ, а затѣмъ въ Паличинское ущелье и на каменноугольныя копи; наконецъ, сотни Сѣдельникова и Батурина нѣсколько разъ вызывались въ окрестности Кульджи (3).

Для конвоированія переселенцевъ, направлявшихся лѣвымъ берегомъ Или къ Чарыну и правымъ къ Хоргосу, были выставлены 3 и 5 сотни 2 полка въ Чинчиходзи и Кольджагерѣ и 1-я сотня 1 полка въ Суйбунѣ. Сотни 2-го полка должны были сопровождать обозы до границы Семирѣченской области, а до Суйбуна и Кольджагера ихъ конвоировали казаки изъ Кульджи. Но этотъ порядокъ скоро обнаружилъ тѣ неудобства, что конвойные казаки не всегда успѣвали возвращаться своевременно домой, а это отражалось на движеніи переселенческихъ обозовъ, которые, не рискуя выѣхать въ поле безъ казачьихъ разъѣздовъ,

начали группироваться въ Кульджѣ въ огромномъ числѣ. Чтобы не задерживать движенія переселенцевъ, были установлены встрѣчные конвои, которые на полдорогѣ обмѣнивались транспортами, при чемъ обратные разѣзды обыкновенно принимали подъ свою охрану вереницу порожнихъ арбъ, направлявшихся въ Кульджу за новыми тяжестями.

При этомъ порядкѣ конвойные казаки въ тотъ же день возвращались домой, и транспорты, одинъ за другимъ, слѣдовали безостановочно. Но такъ это шло только до осени. Когда же настало время дождей и дороги превратились въ сплошную массу липкой грязи, въ которой чуть не на каждой верстѣ увязали неуклюжія арбы таранчей, казаки опять начали запаздывать болѣе чѣмъ на сутки. Какъ ни тяжелы были эти конвои, но нужно, къ чести казаковъ, сказать, никогда они не оставляли беззащитныхъ таранчей въ дорогѣ. Медленно двигаясь шагъ за шагомъ съ обозами, мокрые и продрогшіе, они нерѣдко останавливались въ полѣ и проводили долгія осеннія ночи подъ проливнымъ дождемъ, не имѣя даже возможности обогрѣться у костровъ.

Тяжесть конвойной службы особенно увеличилась, когда въ октябрѣ 1882 года были выведены въ Семирѣченскую область войска Кульджинскаго отряда, а для оккупации Илійскаго края остались двѣ роты и пять сотенъ съ 4-мя орудіями. Въ это время сотни 1 полка имѣли слѣдующую дислокацію: 2, 4 и 5 въ Кульджѣ, 3 въ Суйдунѣ, а 1 и 6 на рѣкѣ Хоргосѣ, выставивъ цѣпь постовъ по теченію этой рѣки. Въ Кольджагерѣ по-старому оставалась 5 сотня 2 полка⁴⁾.

Въ этотъ періодъ началась перевозка войсковыхъ тяжестей, а потомъ и выѣздъ изъ Кульджи многихъ

служащихъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1883 года все это сразу двинулось къ Джаркенту, и порядокъ встрѣчныхъ конвоевъ быстро нарушился. Теперь между Кульджой и Хоргосомъ казаки двигались непрерывною цѣпью одинъ другому навстрѣчу; одни шли съ войсковыми обозами, другіе трусили хлюнцей за повозками семей офицеровъ, а иные, прицѣпивъ фуражирку къ телѣгѣ, помогали вытянуть громоздкій возъ изъ ухаба. Эта, поистинѣ изумительная служба, только и могла быть по плечу казакамъ; не зная отдыха ни днемъ, ни ночью, подъ рядъ нѣсколько мѣсяцевъ почти не слѣзая съ коней, они заѣзжали въ казармы только за тѣмъ, чтобы забрать продовольствія для новой поѣздки.

Когда такимъ образомъ проходила служба полка въ предѣлахъ Китая, цивилизованная Россія праздновала 300-лѣтіе завоеванія Сибири Ермакомъ.

Въ воспоминаніе этого событія и для увѣковѣченія имени Ермака, славнаго завоевателя Сибирскаго царства, Императоръ Александръ III 12 декабря 1882 года повелѣлъ 1 полкъ наименовать: *Сибирскимъ казачьимъ № 1 Ермака Тимофеева полкомъ*.

Въ тотъ же день Высочайшее повелѣніе это было сообщено командиру полка начальникомъ главнаго управленія казачьихъ войскъ по телеграфу, но депеша генерала Золотарева запоздала,—она дошла до Кульджи только 15 декабря.

На другой день, въ 10 часовъ утра, полкъ въ составѣ трехъ сотенъ и представителей отъ 1, 3 и 6, вызванныхъ изъ Суйдуна и съ Хоргоса по телеграфу, выстроился въ конномъ строю на небольшой площадкѣ противъ полковыхъ барачковъ. Къ этому времени сюда собрались полковыя дамы, всѣ офицеры

и чиновники Кульджинскаго отряда и огромная толпа туземцевъ, жителей гор. Кульджи.

По прибытіи начальника отряда, поздравившаго полкъ съ высокой милостью Царя, оказанной Сибирскому войску въ лицѣ его 1 полка, отрядный протоіерей Бѣлоярскій приступилъ къ молебствію. Послѣ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Престола и Сибирскому казначею № 1 Ермака Тимоѣева полку, діаконъ возгласилъ вѣчную память славному завоевателю Сибири, Ермаку Тимоѣевичу.

Затѣмъ сотни два раза прошли церемоніальнымъ маршемъ, и оба раза начальникъ отряда благодарилъ ихъ: „отлично, молодцы Ермаковцы!“ По справедливости, слѣдуетъ замѣтить, что похвала эта была вполне заслуженной, какъ по бравому, молодецкому виду людей, такъ и отличной съѣзжанности, съ которой казаки проходили мимо начальника отряда. Вмѣстѣ съ тѣмъ полковникъ Терейковскій благодарилъ казаковъ и за многотрудную службу, какая выпала на ихъ долю при оккупаци Илійскаго края.

Отсюда всѣ офицеры и чиновники отряда были приглашены въ казарму на завтракъ. Какъ когда-то Ермакъ неразлученъ былъ со своей славной дружиной, ѣлъ и пилъ съ ней изъ одного котла, такъ и въ этотъ достопамятный день офицеры собрались въ одномъ помѣщеніи съ казаками.

Эта была поистинѣ одна братски-дружная семья, къ которой примкнули и всѣ приглашенные гости.

Тосты за драгоцѣнное здоровье Державнаго Вождя, Государя Императора, Государыни Императрицы и Августѣйшаго Атамана, Наслѣдника Цесаревича еди-

нодушно подхватывались восторженными „ура“ всѣхъ присутствовавшихъ.

Послѣ прочтенія телеграммъ командующихъ войсками округа и области, генераловъ Колпаковского и Фриде, предсѣдателя войскового правленія, наказнаго атамана Семирѣченскаго войска, атамановъ отдѣловъ и многихъ сослуживцевъ офицеровъ, поздравившихъ полкъ въ этотъ день, хоръ пѣсенниковъ, какъ нельзя болѣе кстати, тутъ же въ казармѣ запѣлъ:

Выпьемъ первый бокаль

За здоровье Царя!

Онъ, родимый, удалъ

И свѣтлѣй, чѣмъ заря.

Ура! ура! ура!

А второй-то бокаль

За хозяйку его,

Чтобы Богъ ниспослалъ

Ей на счастье всего.

Ура! ура! ура!

А ужъ третій бокаль

За сынка молодца,

Чтобы росъ да мужаль

Цѣлый вѣкъ безъ конца.

Ура! ура! ура!

А четвертый бокаль

Наливай черезъ край,

Будемъ пить до конца

За родимый нашъ край.

Ура! ура! ура!

Эта пѣсня, подхваченная офицерами, каждый разъ вызывала потрясающее „ура,“ въ честь того, кого величали запѣвало.

Стало вечерѣть, а никто не думалъ расходиться. Но въ это время было получено заявленіе отъ полковыхъ дамъ, что и онѣ желали бы принять участіе въ

торжествѣ знаменательнаго дня. Ихъ просьба была единодушно принята, и все офицеры разошлись съ тѣмъ, чтобы снова собраться къ 9 часамъ вечера, но уже со своими семьями въ квартирѣ командира полка. Здѣсь общество въ оживленной бесѣдѣ и танцахъ оставалось до утра.

Такъ отпраздновать полкъ знаменательное событіе въ своей жизни.

Въ томъ же 1882 году бывшіе березовскіе казаки, потомки сподвижниковъ Ермака, подарили войску старое знамя одной изъ дружинъ завоевателя Сибири, которое они, какъ святыню, хранили въ своемъ мѣстномъ храмѣ. Это знамя теперь находится въ г. Омскѣ и поставлено въ войсковомъ соборѣ. Память о славномъ завоевателѣ Сибири, Ермакѣ Тимоѣевичѣ, до сихъ поръ жива въ населеніи. Вотъ одна изъ пѣсенъ на послѣднія минуты жизни этого великаго человѣка, которую съ увлеченіемъ поетъ и Ермака Тимоѣева полкъ:

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали...
Ко славѣ страстію дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой,
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.
Товарищи его трудовъ,
Побѣдъ и громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали средь дубравы.
„О, спите, спите,» мнилъ герой,
„Друзья, подъ бурей ревущей!
„Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
„На славу, иль на смерть зовущій!

„Вамъ нуженъ отдыхъ; сладкій сонъ
„И въ бурю храбрыхъ успокоить;
„Въ мечтахъ напомнить славу онъ,
„И силу ратниковъ удвоить.
„Кто жизни не щадилъ своей
„Въ разбояхъ, злато добывая,
„Тотъ думать будетъ ли о ней,
„За Русь святую погибая?

„Своей и вражьей кровью смывъ
„Всѣ преступленья буйной жизни,
„И за побѣды заслуживъ
„Благословенія отчизны,—
„Намъ смерть не можетъ быть страшна,
„Свое мы дѣло совершили:
„Сибирь Царю покорена
„И мы не праздно въ мирѣ жили!“

Но роковой его удѣлъ
Уже сидѣлъ съ героемъ рядомъ
И съ сожалѣніемъ глядѣлъ
На жертву любопытнымъ взглядомъ.
Ревѣла буря, дождь шумѣлъ;
Во мракѣ молніи летали;
Безпрерывно громъ гремѣлъ,
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Иртышъ кипѣлъ въ крутыхъ берегахъ:
Вздымались съдыя волны
И разсыпались съ ревомъ въ прахъ,
Бія о брегъ казачьи челны.
Съ вождемъ покой въ объятыхъ сна
Дружина храбрая вкушала;
Съ Кучумомъ буря лишь одна
На ихъ погибель не дремала.

Страшась вступить съ героемъ въ бой,
Кучумъ къ шатрамъ, какъ тать презрѣнный,
Прокрался тайною тропой,
Татаръ толпами окруженный;
Мечи сверкнули въ ихъ рукахъ,—
И окровавилась долина,

И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ меча, дружина...
Ермакъ воспрянулъ ото сна
И гибель зря, стремится въ волны;
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ берега челны!
Иртышъ волнуется сильнѣй...
Ермакъ всё силы напрягаетъ
И мощною рукой своей
Валы съдые разсѣкаетъ...
Плыветь... ужъ близко челнока,—
Но сила року уступила,
И, закипѣвъ страшнѣй, рѣка
Героя съ шумомъ поглотила.

.
.
.

Только послѣ смерти Ермака казаки построили крѣпость недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ городъ Тобольскъ, и отсюда подъ названіемъ „городовыхъ казаковъ“ они стали постепенно занимать иртышскую и бійскую линіи*), а затѣмъ потянулись и къ оренбургской... Эти городовые казаки и положили начало Сибирскому войску.

Но вернемся къ оккупационной службѣ полка.

Конвоируя таранчей и рѣшительно всѣхъ проѣзжающихъ между Кульджей и Хоргосомъ, казаки не разъ охраняли и китайцевъ: боясь грабительскихъ шаекъ, они часто искали покровительства казаковъ.

Сопровождая однажды китайскій отрядъ, приказный Свѣтличный съ двумя казаками предотвратилъ цѣлое нападеніе на него дунганъ. Этотъ случай былъ въ январѣ 1883 года при слѣдующихъ обстоятель-

*) Отъ г. Омска до Устькаменогорска и Бійска. Теперь казачьи поселки дошли до Зайсанскаго поста и Алтайской станицы.

ствахъ: китайцы отпустили съ работъ 180 калмаковъ и отправили ихъ изъ Суйдуна подь конвоемъ 130 конныхъ солдатъ съ офицеромъ. Отрядъ этотъ благополучно дошелъ до Кулодни, но дальше не рискнулъ идти безъ русской охраны, которая и дана была имъ въ числѣ двухъ казаковъ подь начальствомъ приказнаго Свѣтличнаго.

Отойдя отъ Кульджи верстѣ 10, съ ними встрѣтился таранчинецъ и сообщилъ, что впереди на дорогѣ стоитъ шайка дунгань. Это извѣстіе какъ громомъ поразило офицера. „Дѣлай, какъ знаешь, по своимъ обрядамъ“, сказалъ онъ Свѣтличному. Послѣдній, выдѣливъ 60 солдатъ на версту впередъ, поѣхалъ съ остальными китайцами въ хвостѣ колонны за калмаками. Въ 30 верстахъ отъ Кульджи отрядъ остановился на ночлегъ въ селеніи, гдѣ дѣйствительно таранчи и дунгане начали требовать выдачи калмаковъ, которые, нужно замѣтить, шли съ деньгами, но казаки уговорили толпу разойтись.

Чтобы предотвратить нападеніе шайки и во время ночи, Свѣтличный выставилъ цѣпь постовъ, а когда совсѣмъ стемнѣло, онъ положилъ въ секретъ 28 человѣкъ съ болѣе исправными ружьями. Офицеръ, присутствуя при всѣхъ распорядкахъ Свѣтличнаго, не возражалъ, а только высказалъ свое удивленіе, зачѣмъ это спрятано 28 солдатъ? Когда-же ему объяснили назначеніе секрета, китаецъ пришелъ въ неопределенный восторгъ; обнимая Свѣтличнаго, онъ говорилъ: „Ахъ, какъ хорошо! Чудно хорошо; дѣлай какъ знаешь“.

Ночь прошла спокойно; таранчи хотя и шумѣли, но нападенія не сдѣлали. На другой день отрядъ въ томъ же порядкѣ выступилъ дальше и въ 15 верстахъ отъ

кишлака встрѣтилъ шайку на склонѣ горы, нѣсколь-
ко въ сторонѣ отъ дороги. При видѣ дунганъ пере-
довые китайцы остановились и до тѣхъ поръ не дви-
гались съ мѣста, пока къ нимъ не подѣхали ка-
заки и не пошли въ головѣ колонны. Эта шайка
скоро скрылась изъ виду, и отрядъ благополучно до-
стигъ Восточнаго Мазара, откуда калмаки были от-
пущены по домамъ, а китайскіе солдаты вернулись
съ казаками въ Кульджу⁵).

Но не такъ китайцы поступаютъ, когда они убѣ-
ждены въ несомнѣнномъ успѣхѣ своего предпріятія;
тогда ихъ нахальству и дерзости нѣтъ предѣловъ:
они способны на самыя звѣрскіе поступки, что и до-
казали въ октябрѣ 1882 года, когда ихъ отрядъ въ
150 человѣкъ подъ начальствомъ офицера напалъ на
Алимтинскую почтовую станцію, гдѣ китайскіе сол-
даты убили проѣзжающаго приказчика, сожгли старо-
сту, и только какимъ-то чудомъ удалось бѣжать оче-
видцу этой драмы, киргизу ямщику. Эта же партія
убила двухъ нашихъ казаковъ, Филиппева и Полян-
скаго, подѣзжавшихъ къ Алимту, когда уже несчаст-
ный староста поджаривался на кострѣ.

Въ январѣ мѣсяцѣ другая партія китайцевъ въ 50
человѣкъ подъ самой Кульджей отбила татарскій та-
бунъ лошадей. Казаки дежурной 2 сотни въ числѣ
10 человѣкъ съ урядникомъ, Александромъ Путин-
цевымъ, сейчасъ же бросились въ погоню и въ 3-хъ
верстахъ отъ города настигли грабителей, которые
оказались китайскими солдатами. Все они были одѣ-
ты въ синія куртки и вооружены ружьями и бам-
буковыми пиками съ красными наверху пучками
изъ волоса. Настигнувъ табунъ, казаки предложили
китайцамъ положить оружіе, но вмѣсто отвѣта сол-

даты открыли огонь изъ ружей. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по толпѣ, казаки кинулись въ атаку. Этого натиска китайцы не выдержали; отшатнувшись отъ табуна, они начали быстро уходить по двумъ направленьямъ: одна куча человѣкъ въ 20 поскакала къ горамъ, а другая—къ импану Чимпанци, находившемуся всего въ 3-хъ верстахъ отъ мѣста схватки. Эту послѣднюю и пустились преслѣдовать казаки; они довели китайцевъ до того, что многіе солдаты стали падать съ лошадей и укрываться въ рытвинахъ, но здѣсь ихъ забирали таранчи, изъ любопытства скакавшіе за казаками.

Во время погони казаковъ одинъ изъ чиновныхъ китайцевъ, съ шарикомъ на шапкѣ, выстрѣлилъ въ урядника Путинцева, который въ отвѣтъ далъ выстрѣлъ на полномъ карьерѣ и положилъ китайца на мѣстѣ.

Между тѣмъ два казака, увлеченные погоней, слишкомъ заскакали впередъ и на одномъ поворотѣ изъ-за бугра случайно наткнулись на свѣжую партію конныхъ китайцевъ, человѣкъ около тридцати. Оглянувшись назадъ и не видя товарищей, они было начали сдерживать лошадей, но въ это время изъ-за того же бугра вынеслись три казака. Китайцы, видя въ безпорядкѣ бѣгущихъ солдатъ и въ то же время выскакивающихъ одного за другимъ казаковъ, повернули назадъ и, обгоняя другъ друга, пустились бѣжать къ Чимпанци. Эти пять казаковъ, ободренные картиной безпорядочнаго бѣгства, еще энергичнѣе и дружнѣе стали насѣдять на солдатъ, при чемъ казакъ Угрениновъ, занесенный лошадыю далеко впередъ, летѣлъ на полномъ карьерѣ прямо къ воротамъ Чимпанци, гдѣ уже собралась боль-

шая толпа китайцевъ. Только тутъ онъ замѣтилъ опасность, но уже не могъ удержать свою рѣзвую лошадь, которая, закусивъ удила, протиснулась въ средину толпы и вмѣстѣ съ ней увлекла его въ крѣпость.

Окруженный со всѣхъ сторонъ солдатами, Угрениновъ получилъ ударъ въ голову, но успѣлъ выстрѣлить изъ винтовки въ виновника своей раны; въ ту же минуту ему нанесли второй сильный ударъ пикою въ глазъ, отъ чего онъ на время потерялъ сознание и свалился съ лошади, но не выпустилъ поводыевъ изъ рукъ.

Подскакавшіе казаки, видя невозможность пробраться въ импанъ черезъ ворота, которыя китайцы успѣли затворить, пустились вдоль стѣны. Завернувъ за угловую башню они услышали раздирающій душу крикъ Угренинова и въ то же время увидѣли небольшой обвалъ въ стѣнѣ, на который сейчасъ же и забрался казакъ Калугинъ. Въ это время Угрениновъ отбивался пашкой отъ солдатъ, тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ изъ узкой улицы на площадь. Недолго думая, Калугинъ сдѣлалъ выстрѣлъ по толпѣ, отчего китайцы отшатнулись въ сторону, а Угрениновъ, воспользовавшись этой минутой, вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ Калугину, но здѣсь опять онъ потерялъ сознание. Однако товарищи успѣли его снять со стѣны и, усадивъ на одну лошадь съ Калугинымъ, быстро поѣхали отъ импана, оставивъ лошадь Угренинова въ рукахъ китайцевъ, которые въ это время съ крѣпостной стѣны открыли ружейный огонь по казакамъ, но не причинили имъ никакого вреда⁶⁾.

Винтовку и лошадь въ тотъ же день выручила 4-я сотня, а впослѣдствіи за эту схватку съ китайцами уряднику Путинцеву и казаку Калугину были пожа-

лованы серебряныя медали съ надписью „за храбрость“.

Оккупационный отрядъ находился въ Кульджѣ до 7 марта, а этого числа, оставивъ при консульствѣ 1-ю и 3-ю сотни 1-го полка, онъ выступилъ въ Джаркентъ и 10 числа прибылъ на Хоргосъ, гдѣ его встрѣтилъ Командующій войсками области во главѣ большой толпы таранчей, которые привѣтствовали войска восторженными криками „ура!“

Въ тотъ же день генераль майоръ Фриде задушевно благодарилъ войска Оккупационнаго отряда за службу въ Илійскомъ краѣ. Вотъ что онъ писалъ въ приказѣ по области: „10 марта я имѣлъ удовольствіе видѣть Васъ войска Оккупационнаго отряда на Хоргосѣ при вступленіи Вашемъ въ русскіе предѣлы послѣ годичнаго пребыванія согласно Высочайшей волѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на Илійской территоріи, переданной мною китайскому правительству 10 марта прошлаго года“.

„Несмотря на огромныя трудности и лишенія, перенесенныя вами въ предѣлахъ Дайцинскаго вѣдомства, не взирая на большіе переходы, сдѣланныя вами отъ Кульджи до Хоргоса въ самое неблагоприятное время года, вы представились мнѣ здоровыми, бодрыми и веселыми, какъ будто ничего пережитаго и испытаннаго ранѣе и не существовало“.

„Народонаселеніе глубоко признательное вамъ за тѣ поистинѣ рыцарскія защиту и покровительство, которыя вы оказывали имъ въ теченіе всего года въ предѣлахъ китайскихъ отъ насилій, притѣсненій и грабежей разнаго сброда пришельцевъ, радостно, задушевно встрѣтило васъ съ хлѣбомъ-солью и восторженно привѣтствовало васъ кликами „ура“.

Объявляя благодарность начальникамъ частей, командующій войсками въ особенности благодарилъ казаковъ: „нижнимъ чинамъ всѣмъ объявляю огромнѣйшее спасибо за ихъ отличное поведеніе во время оккупаци и особенно казакамъ Сибирскаго казачьяго № 1 Ермака Тимоѣева полка, 3-й и 5-й сотнямъ 2 Сибирскаго полка, на долю которыхъ выпали наитруднѣйшія обязанности по водворенію и поддержкѣ порядка въ разныхъ пунктахъ бывшаго Кульджинскаго района при постоянномъ конвоированіи переселенцевъ и при исполненіи пограничной сторожевой службы“.

Такъ окончились осложненія съ Китаемъ, возникшія въ 1880 году по поводу Кульджинскаго вопроса.

На китайской границѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1883 года на сотни Ермака Тимоѣева полка возложили охрану границы по теченію р. Хоргоса отъ горъ Борохоро до р. Или и на командира этого полка завѣдываніе всей линіей сторожевыхъ постовъ отъ Борохоро до Тянь-Шаня.

Высланныя на границу сотни занимали слѣдующіе пункты: Башъ-кунчань, Чункуръ-булакъ—4-я сотня; Пропускной постъ и Даурскій—2-я сотня.

На лѣвомъ берегу Или посты содержали сотни 2 полка: 5-я—въ горахъ Кетменя и 4-я—въ долинь р. Текеса¹⁾.

Въ этомъ положеніи посты оставались до октября, пока киргизы находились въ горахъ, а одновременно съ перекочевкою ихъ въ долину, казачьи посты вытянулись по всему теченію Хоргоса.

Въ то же время китайцы, въ свою очередь, выставили сторожевые караулы, которые содержали сибо, солони и калмаки.

Числительный составъ этихъ карауловъ былъ крайне ничтоженъ; китайцы содержали только одинъ пропускной постъ въ 50 человекъ при офицерѣ, на всѣхъ же остальныхъ караулахъ у нихъ находилось не болѣе 6 и много 10 человекъ. Впрочемъ иногда китайскія власти выѣзжали повѣрять свою стражу, тогда ихъ караулы пополнялись людьми изъ ближайшихъ селеній и на постахъ появлялись офицеры.

На всѣхъ калмацкихъ караулахъ, которые были выставлены въ Кетменскихъ горахъ и въ долинѣ р. Текеса, находились и семьи калмаковъ. Эти оборванные, вѣчно грязные и полуголодные воины нерѣдко оставляли свои посты и уходили на заработки къ русскимъ въ Нарынколь; тогда ихъ жены и дѣти представляли собой пограничную стражу.

Всѣ сотни, расположенныя на постахъ, были размѣщены въ юртахъ; но эти помѣщенія, благодаря ветхости кошмъ, не могли защищать казаковъ отъ холода, а большинство юртъ—даже и отъ дождя и снѣга, почему каждая сотня, еще до наступленія холодовъ приступила къ постройкѣ полууглубленныхъ землянокъ. Такія же землянки были выстроены на каждомъ посту подъ кухни, склады подъ фуражъ и провіантъ и все это казаки устраивали на собственный счетъ безъ всякаго денежнаго отпуска отъ казны.

Не въ лучшихъ условіяхъ въ этомъ отношеніи находились и остальные сотни при штабѣ полка; для нихъ была отведена одна казарма вмѣстимостью на сотню казаковъ. Чтобы размѣстить остальные двѣ сотни съ учебной командой, полкъ выстроилъ на свой

счетъ казарму и три кухни со складами для казачьихъ вещей, фуража и провіанта.

Пограничная служба въ только что образованномъ уѣздѣ, населеніе котораго состояло по преимуществу изъ выходцевъ Кульджинскаго края, которые не имѣли еще постоянного мѣстожителъства, а кочевники не знали района своихъ кочевій, требовала отъ переловыхъ постовъ большой дѣятельности. На нихъ возлагалось:

1) предупреждать и не допускать откочевокъ киргизъ за границу.

2) Слѣдить, чтобы инородцы, обитающіе на границѣ, не имѣли возможности переходить ее для грабежей и въ качествѣ перебѣжчиковъ, а также, чтобы китайскіе подданные не могли переходить къ намъ съ тѣми же цѣлями и, наконецъ,

3) наблюдать, чтобы пропускъ людей за границу и въ наши предѣлы былъ исключительно только на одномъ хоргосскомъ пропускномъ посту и то съ установленнымъ видомъ²⁾.

Чтобы хотя до нѣкоторой степени выполнить многосложныя обязанности, возлагаемыя на посты, тотчасъ же по высылкѣ сотенъ на границу было приступлено къ изученію пограничной полосы и къ съемкѣ мѣстности, въ районѣ которой стояли посты. Къ осени 1883 года каждая сотня уже имѣла отчетные планы своего участка, а въ 1885 году всѣ эти отдѣльныя съемки были соединены въ одну общую карту, которую работалъ хорунжій Чириковъ.

Лишь только сотни стали на назначенныя мѣста и начали высылать разѣзды, киргизы распустили свои табуны по самой границѣ; ихъ лошади, рогатый скотъ и бараны паслись подъ приемотромъ дѣтей, а

нерѣдко и совсѣмъ безъ всякаго надзора. Такая безпечность киргизъ естественно служила хорошей приманкой для барантачей, особенно китайскихъ кызаевъ, славившихся по всему Илійскому краю своими набѣгами. Кызаямъ много благопріятствовало еще и расположеніе ихъ кочевій въ горахъ Борохоро и окрестностяхъ Лауцигуна, откуда, благодаря гористой мѣстности, можно было отлично наблюдать за границей, высматривать движеніе разѣздовъ и скрытно переходить на нашу сторону.

Нужно замѣтить, что въ то время китайскіе караваны не только не содѣйствовали намъ въ прекращеніи баранты, но скорѣе поддерживали ее, а нѣкоторые посты и сами не прочь были побарантовать. Такъ солонны Хорцихурекскаго поста увезли у насъ одну киргизку съ берега Хоргоса, а солдаты Филь-янинскаго поста вздумали было однажды напасть на казачій табунъ мазарскаго поста. Это происходило въ темную осеннюю ночь; часовой казакъ, замѣтивъ, что къ посту направляется 6 конныхъ силуэтовъ и предполагая, что это разѣздъ, окликнулъ всадниковъ, но послѣдніе повернули назадъ и поскакали къ Хоргосу.

Выбѣжавшіе съ поста казаки открыли огонь, но за темнотою ночи не могли разсмотрѣть результатовъ стрѣльбы. Лишь только неизвѣстные люди переѣхали рѣку, какъ на китайскомъ посту показались огни, а на разсвѣтѣ казаки увидѣли спѣшныя похороны одного солдата и, кромѣ того, узнали, что одинъ солонъ былъ тяжело раненъ³).

Въ слѣдующую ночь нападеніе повторилось; на этотъ разъ человекъ пятнадцать съ выстрѣлами, но безъ обычнаго гика азіатцевъ, кинулись изъ-за Хор-

госа на казачьихъ лошадей. Но сторожевые табунщики и подоспѣвшій разъѣздъ отбросили нападавшихъ.

Разслѣдованіе этихъ двухъ случаевъ вполне подтвердило фактъ баранты китайскими постами. Въ это время по нижнему теченію Хоргоса баранты были значительно крупнѣе. Тамъ въ день прихода 3-й сотни на посты киргизы дали знать, что въ прошлую ночь кызаи отогнали 73 лошади съ Усека и, перейдя границу нѣсколько ниже поста № 5, когда онъ еще не былъ занятъ казаками, скрылись въ камышахъ. Это несвоевременное заявленіе дало возможность барантамъ далеко уйти отъ границы, и казаки не могли ихъ настигнуть.

Спустя нѣсколько дней наши киргизы, въ свою очередь, угнали у китайцевъ до 50 лошадей и нѣсколько головъ рогатаго скота, но набѣжали на ночной разъѣздъ отъ 3-й сотни, который, проѣзжая по Хоргосу и заслышавъ конскій топотъ на китайскомъ берегу, кинулся навстрѣчу барантѣ. Ловкіе барантчи, избѣгая схватки съ казаками, понеслись во весь опоръ въ пески и скоро скрылись въ направленіи селенія Аккентъ, оставивъ казакамъ 15 быковъ и 5 лошадей.

Въ этомъ набѣгѣ всѣ киргизы были „одвуконь“ на рѣзвыхъ, отлично подготовленныхъ для продолжительной скачки лошадяхъ, а потому, по словамъ казаковъ, перейдя границу, они, какъ вихрь, унеслись въ пески.

Эти два случая крупной баранты и ежедневные слѣды скрытныхъ переходовъ границы по всей линіи постовъ, а также постоянные слухи о сборахъ киргизъ для новыхъ набѣговъ и, наконецъ, жалобы китайцевъ, что у нихъ за это время наши барантчи угнали до 150 лошадей, были причиной вызова на

посты 2-й и 5-й сотень на смѣну 3 сотни, которая была отозвана къ штабу полка по случаю изнуренія лошадей ⁴).

Но и это усиленіе постовъ не вполне прекратило взаимные набѣги киргизъ, чему не мало способствовала пересѣченная мѣстность пограничной полосы, которая давала барантачамъ во многихъ мѣстахъ хорошія укрытія.

Рѣка Хоргосъ беретъ свое начало въ снѣжныхъ вершинахъ горъ Борохоро, откуда она однимъ рукавомъ стремительно несетъ свои волны до Чункурьбулаккаго ущелья. Здѣсь русло рѣки нѣсколько расширяется, теченіе ослабѣваетъ, а окружающія ее горы начинаютъ постепенно понижаться, и, наконецъ, у Алмаловъ онѣ переходятъ въ высоты, которыя на правомъ берегу террасами спускаются въ долину и къ Хоргосу, а на лѣвомъ продолжаютъ тянуться невысокой грядой и только противъ Мазарскаго поста сливаются съ долиной.

Все вершины горъ, прилегающія къ Хоргосу, покрыты густымъ еловымъ лѣсомъ и очень обильны ключами, которые, собираясь въ глубокихъ балкахъ, образуютъ рѣчки, впадающія въ Хоргосъ. Съ пониженіемъ горъ у Чункурьбулака ель замѣняютъ береза, осина, рябина и дикій урюкъ, а у Алмаловъ и этотъ лѣсъ исчезаетъ, остается только мелкій тальникъ, но и тотъ по руслу рѣки.

У Мазарскаго поста Хоргосъ выходитъ въ долину, разбивается на нѣсколько рукавовъ, которыми огибаетъ Пропускной постъ, и затѣмъ, снова собираясь въ одно русло, достигаетъ р. Или. Здѣсь теченіе его значительно слабѣе, каменистый грунтъ смѣняется твердопесчанымъ, а еще ниже переходитъ въ глини-

стый, гдѣ берега образуютъ заводи и болота, покрытыя густымъ камышемъ и порослями кустарнаго лѣса.

На всемъ своемъ протяженіи правый берегъ Хоргоса значительно выше лѣваго и тянется обрывомъ надъ русломъ рѣки; до Чункуръ-булакскаго ущелья высоты, прилежающія къ Хоргосу, очень каменисты, а отсюда переходятъ въ твердопесчаный грунтъ, который ниже Пропускнаго поста пересѣкается волнообразной грядой песковъ, постепенно надвигающихся въ долину рѣки. Эти пески мѣстами бугристы и очень сыпучи, почему переѣзды здѣсь крайне утомительны для лошадей. Въ этой мѣстности чрезвычайно живописно приютились озера Алтынъ-куль и Сарыкуль.

По теченію Хоргоса наблюденіе за границей удобно только отъ Даурскаго поста и до Алмалинскаго ущелья, гдѣ пролегаетъ хорошая дорога, а дальше она переходитъ въ горныя тропинки, мѣстами вьющіяся по откосамъ надъ самой рѣкой, гдѣ переѣзды не безопасны и для верховыхъ, особенно послѣ дождей и въ темныя туманныя ночи, которыя такъ не рѣдки въ этой мѣстности.

У пропускнаго поста дорога оставляетъ нагорный берегъ, спускается въ долину рѣки и отъ Даурскаго поста втягивается въ кустарники, а еще дальше и въ густые камыши, перемѣшанные съ лѣсомъ. Окрестности Кырылгана и Каракульдека совершенно сходны съ низовьями Хоргоса.

Отъ Кырылгана до Кольджата дорога хотя и пролегаетъ по ровной твердопесчаной мѣстности, но, благодаря сорокаверстному разстоянію и постепенному подъему къ горамъ, по однообразной пустынной мѣст-

ности, гдѣ нѣтъ ни ключика, ни деревца, она въ высшей степени утомительна для лошади и всадника.

Путь же отъ селенія Кольджата и до урочища Уртенсая, на протяженіи 65 верстѣ, идетъ вначалѣ каменистымъ ущельемъ, а затѣмъ переходитъ въ тропинку и направляется крутымъ подъемомъ на Будатинскій перевалъ; здѣсь тропинка вьется по откосамъ Кетменскихъ горъ, а на высотѣ перевала она идетъ по краю страшной пропасти. Это мѣсто у казаковъ получило названіе „чортовыхъ воротъ“. Отсюда дорога спускается на южные склоны Кетменя, а затѣмъ каменистымъ ущельемъ р. Будаты доходитъ до Уртенсая. Весь путь этотъ представляетъ много трудностей, особенно зимой во время снѣжныхъ метелей на перевалѣ.

Отъ Уртенсая черезъ Ой-Карагай до средняго теченія рѣки Сюме дорога хотя и пролегаетъ перевалами, по крайне пересѣченной мѣстности, но все-таки не затруднительна для верховой ѣзды; по нижнему же теченію Сюме и долиной рѣки Текеса до предгорій Тянь-Шаня она идетъ по ровной открытой мѣстности, вполнѣ удобной для колесной ѣзды. Только ущельемъ Баянкола дорога переходитъ въ путь вьючный.

Изъ этого краткаго описанія мѣстности видно, что большая часть пограничной полосы способствуетъ скрытымъ переходамъ границы, а близость киргизскихъ табуновъ не могла не завлекать къ себѣ барантачей. И дѣйствительно рѣдкій день разъѣзды не давали знать о переходахъ границы одиночными людьми, слѣды которыхъ оставались на землѣ; но какъ казаки ни старались выслѣдить барантачей, все было напрасно; они до поры до времени только и оставляли по себѣ, что слѣдъ.

Наконецъ, въ ноябрѣ наши посты стали дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ; разъѣздъ отъ 5-й сотни въ 6 казаковъ подъ командой приказнаго Дробышева, посланный съ 5 поста въ часъ ночи, былъ внезапно остановленъ топотомъ коней, приближавшихся со стороны песковъ; еще минута, и на склонѣ холмовъ показалось человѣкъ 20 киргизъ съ небольшимъ табуномъ лошадей, мчавшихся къ Хоргосу. Сдѣлавъ залпъ изъ-за кустовъ, казаки съ гикомъ кинулись на баранту. Эта неожиданная встрѣча до того ошеломила киргизъ, что они вразсыпную кинулись къ Хоргосу и скоро скрылись въ камышахъ, оставивъ казакамъ свою добычу въ числѣ 28 лошадей.

Черезъ нѣсколько дней при одинаковыхъ почти условіяхъ казаки того же поста отбили у кызаевъ 95 лошадей; казаки Даурскаго поста задержали трехъ барантачей, а Кырылганскаго—6 киргизъ съ 4 быками, выкраденными у суйдунскихъ таранчей. Недѣлю спустя казаки Даурскаго поста снова поймали 5 киргизъ, а разъѣздъ 4-го поста задержалъ трехъ постовыхъ сибинцевъ, схваченныхъ во время грабежа аула. Въ концѣ декабря казаки 2-й сотни имѣли схватку съ барантачами, которая для одного изъ нихъ окончилась смертельной раной. Въ ясную лунную ночь часовой промежуточнаго поста замѣтилъ на гребнѣ песковъ 4-хъ всадниковъ, приближавшихся къ Хоргосу. Извѣщенный объ этомъ начальникъ поста, урядникъ Кучковскій, выѣхалъ навстрѣчу неизвѣстнымъ людямъ, прося ихъ остановиться, но вмѣсто отвѣта послѣдніе направили въ него свои винтовки. Стало очевидно, что барантачи рѣшились проложить свой путь съ оружіемъ въ рукахъ, а потому Кучковскій выхватилъ винтовку и выстрѣлилъ въ барантачей.

Въ первую минуту киргизы повернули назадъ, но скоро оправились и начали окружать Кучковского, который было кинулся за ними. Въ это время показались два казака, мчавшихся къ своему старшему; при видѣ ихъ барантчи, сдѣлавъ нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ, опять повернули назадъ, а казаки, соединившись вмѣстѣ, кинулись въ погоню. Такъ они скакали съ полверсты, но тутъ сначала лошадь казака Агѣева, а затѣмъ и Мутасова, наскочили на норы сусликовъ и повалились вмѣстѣ съ ѣздоками. Кучковскій опять остался одинъ, что замѣтили барантчи, и одинъ изъ нихъ придерживая лошадь, началъ было въ него цѣлить изъ ружья, но на этотъ разъ Кучковскій предупредилъ его; онъ быстро приложился и положилъ барантча мѣткимъ выстрѣломъ берданки, но въ то же время и самъ свалился съ лошади на землю; его конь наскочилъ на цѣлое гнѣздо сусликовыхъ норъ.

Пока казаки ловили лошадей, подскакалъ ближайшій разѣздъ, но уже не нашель барантчей: они успѣли ускакать въ пески.

Тутъ же намѣстѣ, тяжело раненый барантчъ Ильясъ умеръ, оставивъ казакамъ свою добрую лошадь, хорошую шашку, да укороченную пѣхотную винтовку Бердана съ пачкой патроновъ, но и умирая онъ не издалъ стона, мужественно отвѣчая на все вопросы казаковъ⁵).

Такъ сложилъ свою буйную голову одинъ изъ ловкихъ и чрезвычайно смѣлыхъ барантчей, который, какъ потомъ стало извѣстно, не давалъ спуску и своимъ, а на этотъ разъ онъ пробирался къ китайцамъ.

Все эти баранты вызывали чрезмѣрные наряды

казаковъ на службу. Чтобы видѣть, насколько она была тяжела въ постовыхъ сотняхъ, приведемъ здѣсь цифровыя данныя всѣхъ командировокъ и служебныхъ поѣздокъ хотя одной сотни казаковъ.

При 14-тирядномъ составѣ взводовъ численность нашихъ сотенъ доходила до 129 нижнихъ чиновъ, но изъ этого нужно исключить: сотеннаго вахмистра, 2 артельщиковъ, 1 хлѣбопека и 3 кашеваровъ (по одному на каждый отдѣльный постъ), 1 каптенармуса и сотеннаго писаря, которые въ исключительномъ рѣдкихъ случаяхъ принимали участіе въ пограничной службѣ.

Кромѣ того, по 10 человѣкъ отъ сотни находились при штабѣ полка въ полковой и трубаческой командахъ; такимъ образомъ для сторожевой службы оставалось не болѣе 109 человѣкъ въ сотнѣ, или по 27 казаковъ во взводѣ.

Каждый отдѣльный взводъ ежедневно обязанъ былъ высылать по два разъѣзда, не меньше какъ въ три человѣка каждый, что съ карауломъ на посту составляло отъ 10 до 12 казаковъ въ сутки. Такимъ образомъ, не принимая во вниманіе больныхъ и слабыхъ, нѣкоторымъ казакамъ приходилось выходить на службу черезъ день⁶).

Но, независимо отъ этого, необходимо имѣть въ виду поѣздки по границѣ съ офицерами для повѣрки постовъ и разъѣздовъ или къ штабу полка по дѣламъ службы; для доставленія постовой почты и экстренныхъ донесеній; для препровожденія задержанныхъ на границѣ туземцевъ и барантачей; для осмотра слѣдовъ перехода границы и сдачи ихъ на китайскіе посты или въ ближайшіе аулы и селенія; для усиленія охраны казачьихъ табуновъ и надзора за гра-

ницей, когда получались свѣдѣнія о сборѣ барантачей, что все вмѣстѣ взятое составляетъ солидную цифру дополнительныхъ командировокъ, которыя, главнымъ образомъ, и вызывали черезмѣрные наряды казаковъ на службу. Нерѣдко бывали случаи, что на другой день послѣ объѣзда границы казакъ получалъ приказаніе стать на часы къ сотенной коновязи, и это считалось за отдыхъ въ зимнія морозныя ночи. Такъ всѣ постовыя сотни несли свою службу, не имѣя отдыха ни днемъ, ни ночью и не пользуясь даже сколько-нибудь сносными помѣщеніями для людей. Эта служба не была бы такъ обременительна для казаковъ, и, вѣроятно, пограничная баранта въ большинствѣ случаевъ не имѣла бы успѣха, если бы китайская стража несла въ одинаковой степени сторожевую службу съ казаками, а то китайцы уже слишкомъ просто стерегутъ свою границу. Они обыкновенно разъ въ недѣлю, человѣка по два, иногда на одной лошади и непременно днемъ, доѣзжаютъ до сосѣдняго поста или заѣзжаютъ къ намъ обмѣняться привѣтствіями, затѣмъ возвращаются домой и на ночь крѣпко запираются въ своихъ импанахъ.

Между прочими пограничными правилами требовалось, чтобы баранта преслѣдовалась открывшимъ ее только до перваго поста или пограничнаго селенія той стороны, куда ушли барантачи. Здѣсь начальникъ поста или старшина селенія обязанъ выдать расписку въ принятіи слѣдовъ и дальнѣйшее преслѣдованіе принять на себя.

Получая расписку на манчжурскомъ языкѣ, казаки обыкновенно бережно везутъ ее на постъ, сдаютъ командиру сотни, а тотъ представляетъ по начальству дальше, и здѣсь только нерѣдко обнаруживается,

что китайцы совершенно отвергають случай баранты. А однажды они вручили казакамъ расписку слѣдующаго содержания: „О, Господи! прибыли русскіе, начальника нѣтъ; когда вернется, дѣло разбереть“.

Конечно, подобные порядки были на руку барантачамъ; имъ стоило только пропустить разѣзды казаковъ, укрывшись гдѣ-нибудь въ ущельяхъ горъ или кустахъ, и быть совершенно спокойными, что на китайской сторонѣ ихъ никто уже не остановитъ, а если и встрѣтитъ, такъ свой же собрать по ремеслу.

Въ низовьяхъ Хоргоса посты оставались до марта, а въ это время киргизы, зимовавшіе въ долинѣ по обоимъ берегамъ Или, потянулись къ горамъ Борохоро и Кетменя. Чтобы оградить ихъ табуны отъ баранты и въ лѣтніе мѣсяцы, пришлось измѣнить расположеніе передовыхъ постовъ. Съ этой цѣлью сотни 1-го полка, занимая верховья Хоргоса, съ Дурскаго поста свернули въ пески, при чемъ 4-я сотня, оставаясь на Башъ-кунчанѣ, выставила одинъ взводъ на Чункуръ-булакѣ и нѣсколько уменьшила людей на посту у мазарской дороги. 3-я сотня замѣнила 1-ю: она одной полусотней стала на Пропускномъ посту, а другой—при консульствѣ въ Кульджѣ; наконецъ, 6-я сотня, выставивъ посты на Крыкъ-кудукъ, Алтынъ-кулѣ и Сары-кулѣ, полусотней заняла 4-й постъ⁷⁾.

Это сосредоточенное расположеніе постовъ навело на мысль поставить на Башъ-кунчанѣ лагерь и остальные сотни 1 полка, откуда удобно выгонять лошадей на травяное довольствіе въ Алмалинскую щель.

Одновременно съ передвиженіемъ 1, 2 и 5 сотенъ въ лагерь на Башъ-кунчанѣ, между таранчами стали ходить слухи, что въ Кульджѣ готовится бунтъ. Скоро эти извѣстія подтвердилъ и консулъ; онъ вызвалъ

къ себѣ вторую полусотню 3-й сотни. Но эти волненія Дзиню удалось скоро потушить.

За то барантаци какъ нельзя лучше воспользовались неурядицей въ Кульджѣ; они на этотъ разъ повели баранту одновременно по всей линіи постовъ.

Пока казаки вели упорную борьбу съ барантачами, нѣсколько ауловъ заилійскихъ киргизъ перешли въ китайскіе предѣлы. Это происходило въ августѣ мѣсяцѣ, когда 2 и 5 сотни замѣнили въ Нарынколѣ и Кольджатѣ сотни 2 полка. Начальникъ Ой-карагай-скаго поста, урядникъ Куяновъ, получилъ приказаніе отъ начальника уѣзда, чтобы въ окрестностяхъ его поста кочевала только одна киргизская волость, а другая, находящаяся тутъ же, перешла бы на границу Вѣрненскаго уѣзда, подъ присмотромъ 4-хъ казаковъ. Въ назначенный день киргизы поднялись со своихъ мѣстъ и направились черезъ Кетменскія горы къ селенію Дубунъ, куда и прибыли около полудня 22 августа.

Здѣсь казаки узнали, что волость рѣшила бѣжать за границу. Убѣдившись, что никакія увѣщанія не остановятъ киргизъ, они отправили съ наступленіемъ сумерокъ, одного казака въ сотню дать знать объ откочевкѣ, а сами направились по слѣду бѣглецовъ.

Посланный казакъ въ часъ ночи добрался до Кольджата, гдѣ было въ сборѣ не больше 25 человекъ. Оставивъ при сотнѣ больныхъ и слабыхъ, урядникъ Косыхъ съ 12 казаками поскакалъ къ Или и къ семи часамъ утра достигъ Кырылгана. Здѣсь часть бѣглецовъ уже успѣла перейти границу и, соединившись съ сибинскимъ постомъ, встрѣтила казаковъ ружейнымъ огнемъ. Казаки въ свою очередь завязали перестрѣлку, убили нѣсколько лошадей и ранили трехъ

киргизъ, перешедшихъ границу, а когда бѣглецы въ безпорядкѣ бросились въ китайскіе предѣлы, Косыхъ кинулся навстрѣчу киргизамъ, еще остававшимся на нашей сторонѣ. Въ это время выѣхалъ изъ толпы одинъ сибинецъ и началъ было цѣлить въ казака Бѣлоногова, но послѣдній сейчасъ же положилъ его на мѣстѣ выстрѣломъ изъ винтовки. Киргизы, не успѣвшіе перейти границу, безъ сопротивленія сдались казакамъ и вмѣстѣ съ ними поздно вечеромъ прибыли въ Кольджатъ. Въ этомъ набѣгѣ съ горстью казаковъ Косыхъ задержалъ 169 киргизъ, 27 верблюдовъ съ имуществомъ, 145 лошадей, 350 головъ рогатаго скота и 3570 барановъ.

Казаки, остававшіеся при киргизахъ, видя бесполезность преслѣдованія бѣглецовъ, вернулись въ Дубунъ и тутъ узнали, что и вторая половина волости, направившаяся было къ рѣкѣ Чарыну, тоже повернула обратно, а скоро показались и сами киргизы.

Отправивъ снова донесеніе въ сотню, одинъ изъ казаковъ попытался было остановить бѣглецовъ при помощи дубинскихъ таранчей, но послѣдніе отъ первыхъ же выстрѣловъ киргизъ разбѣжались.

Этотъ посланный прибылъ въ Кольджатъ около 2 часовъ ночи на 24 августа, когда лошади казаковъ, вернувшихся съ Кырылгана, еще оставались на выстойкѣ.

На этотъ разъ положеніе хорунжаго Менькова, молодого офицера, оставшагося за командира сотни и только что вернувагося съ разъѣздомъ изъ горъ, становилось еще болѣе затруднительнымъ. Въ его распоряженіи хотя и собралось нѣсколько больше казаковъ, но лошади ихъ всѣ безъ исключенія были сильно утомлены, однѣ послѣ 80-ти верстнаго перегона

къ Кырылгану, а другія послѣ 65-ти верстнаго переѣзда по непрерывнымъ спускамъ и подъемамъ въ горахъ Кетменя, и, наконецъ, часть людей пришлось оставить для окарауливанія задержанныхъ киргизъ.

Отобравъ наиболѣе крѣпкихъ лошадей, Меньковъ въ 4 часа утра снова выслалъ урядника Косыхъ съ 20 казаками на Кырылганъ, а самъ съ небольшой командой остался при киргизахъ.

Около 8 часовъ утра, настигнувъ киргизъ на рубежѣ границы, Косыхъ кинулся на бѣглецовъ и отбилъ у нихъ 150 лошадей, которыхъ и направилъ съ 4 казаками въ Кольджатъ, а съ остальными людьми бросился останавливать верблюдовъ. Но въ это время киргизы, соединившись въ толпу до 300 человекъ, съ шашками наголо и съ пиками наперевѣсъ съ гикомъ понеслись на казаковъ. Въ эту критическую для маленькой команды минуту казаки избѣжали неравной рукопашной схватки только благодаря быстрому сбору около своего урядника; они спѣшились и задержали натискъ киргизъ учащенной стрѣльбой. Тогда бѣглецы кинулись къ главному табуну лошадей и, перегнавъ на карьерѣ его и верблюдовъ за границу, раздѣлились на нѣсколько группъ, при чемъ одни угоняли лошадей дальше, другіе, уложивъ верблюдовъ въ кругъ, открыли по казакамъ ружейный огонь и, наконецъ, третьи пустились за косякомъ лошадей, отбитыхъ казаками. Чтобы не упустить хотя этого послѣдняго табуна, Косыхъ снова бросился въ шашки и, настигнувъ киргизъ, отстоялъ лошадей; во время рукопашной схватки киргизы ранили казаковъ Еремина, Ильина и Милюшина, при чемъ самъ урядникъ Косыхъ получилъ три сабельныхъ раны⁸⁾.

Поздно ночью казаки вернулись въ Кольджатъ, пригнавъ съ собой 150 лошадей.

Еще не успѣла администрація распорядиться водвореніемъ задержанныхъ киргизъ, какъ изъ Нарынкола донесли о новой откочевкѣ киргизскаго аула.

31 августа около 9 часовъ утра было сообщено командиру 2 сотни, есаулу Асанову, что по Нарынкольскому ущелью тянется въ горы большой киргизскій аулъ. Не зная еще мѣстности и не подозрѣвая откочевки киргизъ, которые, повидимому, не вызывали никакихъ подозрѣній, Асановъ распорядился выслать два разъѣзда; одинъ въ 5 человѣкъ подъ командой вахмистра Сулова онъ направилъ Нарынкольскимъ ущельемъ, а другой съ подхорунжимъ Калугинымъ—вдоль горъ Тянь-шаня долиной р. Текеса. Этотъ послѣдній скоро вернулся обратно, не открывъ киргизъ, а Суловъ въ 5 часовъ пополудни прислалъ донесеніе, что напалъ на слѣдъ перекочевки. Направивъ по Нарынкольскому ущелью второй сильный разъѣздъ подъ начальствомъ Калугина, Асановъ остался въ Нарынколѣ собирать свѣдѣнія о настроеніи киргизъ, которые въ это время въ огромномъ числѣ приближались къ Текесу со стороны долины Кегеня.

Пройдя по ущелью верстъ 30, Калугинъ поздно вечеромъ встрѣтилъ казаковъ перваго разъѣзда, медленно спускавшихся съ перевала обратно къ Нарынколу. Здѣсь Суловъ сообщилъ ему, что, поднявшись на переваль Сайлемузартскаго ущелья, онъ встрѣтилъ киргизъ, но послѣдніе, спѣшившись въ числѣ 30 человѣкъ, залегли за камнями и открыли по казакамъ ружейную стрѣльбу. Казаки, въ свою очередь, завязали перестрѣлку, ранили нѣсколько киргизъ, оста-

вавшихся на коняхъ, но въ то же время и сами понесли большія потери; киргизы ранили 4 казачьихъ лошадей, вахмистра Сулова, казака Милюшина и убили казака Корзухина.

Забравъ эти свѣдѣнія, Калугинъ рѣшилъ было идти дальше, но по случаю густого тумана, окутавшаго горы непроницаемой мглой, и этотъ развѣздъ долженъ былъ остановиться и ждать разсвѣта, гдѣ передъ утромъ нашелъ его командиръ сотни, выступившій со взводомъ казаковъ изъ Нарынкола по второму донесенію Сулова, отправленному послѣ перестрѣлки съ киргизами.

На свѣту, спустившись въ Сайлемузартское ущелье и пройдя по неимовѣрно трудной дорогѣ, заваленной на большомъ протяженіи погорѣвшимъ лѣсомъ, гдѣ казаки съ трудомъ проводили своихъ лошадей въ поводу, Асановъ, наконецъ, около полудня выбрался въ долину р. Текеса; но здѣсь, пройдя р.р. Большой Музартъ, Аксу и Агіязъ, онъ всетаки не могъ достигнуть киргизъ: они успѣли отойти на значительное разстояніе отъ этой послѣдней рѣки.

На всемъ пути бѣглецовъ казакамъ безпрестанно попадались брошенные кошмы, разная рухлядь киргизскаго хозяйства, оставленные бараны,—все это свидѣтельствовало о спѣшности откочевки. Принимая во вниманіе, что казаки слишкомъ углубились въ китайскіе предѣлы и что лошади были сильно утомлены 110-ти верстнымъ переходомъ по крайне гористой мѣстности въ продолженіе 11 часовъ времени, Асановъ остановилъ преслѣдованіе и на другой день, забравъ на обратномъ пути 2500 барановъ, оставленныхъ киргизами въ долину Текеса, вернулся въ Нарынколь⁹⁾.

Для возвращенія бѣжавшихъ киргизъ была выслана сотня казаковъ подъ командой есаула Панкова (Сергѣя), который выступилъ изъ Джаркента въ 10 часовъ вечера 2 сентября, въ 10 часовъ утра 4 числа былъ уже въ Кульджѣ. На другой день, переправившись на лѣвый берегъ Или, онъ направился въ селеніе Кайнакъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ консульства, находились бѣглецы, но, не заставъ ихъ тамъ, прошелъ до селенія Джигистай. 6 числа, отойдя отъ Джигистая верстъ 40, сотня обнаружила слѣды откочевки, которые въ этомъ мѣстѣ раздѣлились: одни шли по ущелью Піазлы, а другіе—къ Яматинской щели. Втянувшись въ первое ущелье, казаки встрѣтили киргизскій ауль въ шесть юртъ съ лошадьми, баранами и рогатымъ скотомъ. Оставивъ здѣсь нѣсколько человѣкъ для сбора скота, Панковъ съ остальными людьми направился дальше и къ вечеру достигъ безымянной рѣчки, гдѣ слѣды откочевки опять расходились; пройдя нѣсколько верстъ по открытой мѣстности и перевалами, сотня снова втянулась въ узкое ущелье, гдѣ и остановилась ночевать.

На другой день, настигнувъ еще киргизскій ауль въ нѣсколько юртъ съ небольшимъ табуномъ рогатаго скота и барановъ, Панковъ около полудня вышелъ на площадку, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. Здѣсь потухавшіе костры и слѣды табуновъ снова свидѣтельствовали о близости киргизъ, но послѣдніе опять раздѣлились и ушли въ разныя стороны по ущельямъ. Стало очевиднымъ, что бѣглецы рѣшили, по мѣрѣ движенія казаковъ, возможно больше раздѣляться и мелкими частями уходить за Текесь. Это подтверждали и задержанные нами киргизы; они

говорили, что такъ имъ совѣтоваль уходить отъ русскихъ китайскій чиновникъ въ Кайнакѣ.

Выбравъ одинъ изъ наибольшихъ слѣдовъ, проложенныхъ лошадьми, Панковъ пустился на рысяхъ и въ 3 часа пополудни подошелъ къ ущелью Шаребогучи, гдѣ два таранчинца-мельника сообщили ему, что прошлую ночь возлѣ ихъ сакли прошла большая партія вооруженныхъ киргизъ со скотомъ. Сотня, продолжая идти дальше по слѣду, была снова застигнута темной ночью въ узкой щели, гдѣ казаки остановились и, не разводя огней, кормили своихъ лошадей на чумбурахъ.

Съ разсвѣтомъ 8 сентября лишь только сотня тронулась съ мѣста, какъ по хвосту колонны раздались нѣсколько выстрѣловъ. Спѣшивъ одинъ взводъ казаковъ, командиръ сотни лично повелъ его на выстрѣлы; но, пока люди взбирались по крутому откосу горы, изъ развѣзда дали знать, что по перевалу проскакало нѣсколько человѣкъ съ ружьями. Не подлежало сомнѣнiю, что это были условные знаки сторожевыхъ киргизъ о движенiи сотни, а потому, не теряя времени, Панковъ быстро двинулся на переваль, откуда открывался видъ на долину Текеса и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружались слѣды беспорядочнаго бѣгства киргизъ.

Съ перевала казаки пустились въ погоню на полныхъ рысяхъ и скоро стали обгонять навьюченныхъ быковъ да кое-гдѣ укрывавшихся киргизъ по скатамъ горъ. Оставивъ и здѣсь 15 человѣкъ для сбора скота, Панковъ съ остальными людьми кинулся на выстрѣлы развѣзда, завязавшаго перестрѣлку съ группой киргизъ, угонявшихъ небольшой табунъ лошадей. При видѣ приближавшихся казаковъ, киргизы съ порази-

тельной быстротой поскакали по такимъ крутымъ откосамъ горъ, гдѣ, казалось, съ трудомъ можно было пробраться даже пѣшимъ людямъ.

Остановивъ табунъ лошадей, Панковъ направился дальше, но встрѣтилъ другой свой разъѣздъ, который доложилъ ему, что большая часть бѣглецовъ уже перешла р. Текесъ и идетъ вразсыпную по ущельямъ горъ.

Не имѣя разрѣшенія преслѣдовать киргизъ за Текесомъ, Панковъ остановилъ сотню и приступилъ къ сбору скота и имущества, брошеннаго бѣглецами на своемъ пути. Въ первую ночь по сборѣ скота казаки все время вели перестрѣлку съ киргизами, нападавшими небольшими партіями на охраняемый казаками скотъ. 9 сентября сотня вышла изъ ущелья Шаре-богучи и 15 подошла къ Кульджѣ, остановившись на лѣвомъ берегу Или. Въ тотъ же день было получено извѣстіе, что часть бѣжавшихъ киргизъ желаетъ вернуться, но, опасаясь калмаковъ, не рѣшается идти одна. Панковъ снова выступилъ съ полусотней навстрѣчу бѣглецамъ, но, придя въ селеніе Джангисъ-агачъ, узналъ отъ джигитовъ, высланныхъ консуломъ впередъ, что киргизы, окончательно ограбленные калмаками, ушли обратно за Текесъ, почему командиръ сотни, вернувшись на другой день въ Кульджу и забравъ оставленныхъ имъ здѣсь киргизъ, направился съ ними въ Кольджатъ, куда и прибылъ 28 сентября. Всего сотня привела съ собой 80 человекъ киргизъ, 49 верблюдовъ, 142 лошади, 215 головъ рогатаго скота и 4766 барановъ¹⁰⁾.

Эта командировка есаула Панкова если не имѣла полного успѣха въ смыслѣ возвращенія киргизъ, которые, благодаря проiscaмъ китайскихъ чиновниковъ, успѣли отойти на значительное разстояніе отъ преслѣ-

довавшей ихъ сотни, зато она выказала замѣчательную выносливость людей и крѣпость казачьихъ лошадей. Выступая изъ Джаркента, сотня черезъ 36 часовъ времени послѣ подъема, была уже въ 130 верстахъ въ Кульджѣ; затѣмъ на другой день, переправившись на лѣвый берегъ Или, она въ первые четыре дня проходила отъ 60 до 70 верстъ въ сутки по горнымъ дорогамъ, останавливаясь на ночлегъ гдѣ попало, не разсѣдывая лошадей, а въ послѣдніе два дня не выдавая имъ фуража и не приготовляя горячей пищи для людей.

Большія потери имущества и скота, понесенныя киргизами во время бѣгства въ Китай, и безконечныя жалобы таранчей на своеволие китайцевъ, казалось, должны бы послужить хорошимъ урокомъ и отбить охоту къ откочевкамъ. Но киргизъ тянули за границу просторъ и приволье луговъ съ отличнымъ кормомъ для скота, гдѣ они могли скоро возвратитъ все потерянное. Насилія же китайцевъ имъ не были страшны; киргизы, благодаря кочевому образу жизни, въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ давали китайцамъ одерживать верхъ надъ собой. На этомъ основаніи въ слѣдующемъ году киргизы южной части Джаркентскаго участка снова начали собираться къ откочевкамъ за границу. Чтобы предотвратить этотъ побѣгъ, въ началѣ апрѣля была выслана въ Кетменскія горы 1-я сотня Ерковского, которая, выступивъ изъ Кольджата 16 апрѣля, только 20 числа, послѣ неимовѣрныхъ усилій, добралась до Ой-карагая, гдѣ ей назначено было остановиться. Сорокаверетный путь этотъ она совершила по единственной въ то время дорогѣ черезъ Бюдатинскій переваль, гдѣ на каждомъ шагу ее задерживали страшные обвалы и снѣговые заносы.

сы, въ которыхъ часто лошади проваливались во весь свой ростъ¹¹⁾.

Съ приходомъ 1 сотни на Ой-карагай, 5 сотня усилила разъезды отъ Кольджата до Уртенсая, а 2 сотня—по Текесу и въ предгорьяхъ Тянь-шаня. На эти три сотни было возложено слѣдить за киргизами, кочевавшими у нихъ въ тылу, и отнюдь не вызывать ихъ ни на какія столкновенія съ нами.

До сего времени казаки всегда смотрѣли на киргизъ, какъ на дружественное къ себѣ населеніе, которое въ случаѣ нужды, могло извѣстить ближайшіе посты о происходившемъ на границѣ. Теперь и на эту услугу казаки разсчитывать не могли; напротивъ, озлобленные киргизы, видя невозможность скрытно перейти границу, при малѣйшей оплошности постовъ, могли рискнуть даже на вооруженное сопротивленіе. И эти опасенія были не напрасны; еще до прихода 1-й сотни на Ой-карагай, киргизы стали чаще заѣзжать на наши посты и, какъ бы между прочимъ, узнавать о численности каждаго поста и дальности боя нашихъ винтовокъ, а съ приходомъ этой сотни, они однажды ночью кинулись на сотенный табунъ, но выстрѣлами казаковъ были разсѣяны.

Въ то время, когда мы чутко прислушивались и собирали свѣдѣнія о настроеніи нашихъ киргизъ, въ Суйдунѣ снова вспыхнуло возстаніе. Кульджинскій консуль телеграфироваль, что взбунтовалось пять импановъ и сообщеніе Кульджи съ Суйдуномъ прервано. Но и на этотъ разъ Дзинь успѣлъ потушить возстаніе, хотя скоро и самъ былъ смѣненъ; его смѣна вызвала много воинственныхъ толковъ въ населеніи, а все это тревожно отражалось у насъ на границѣ, чѣмъ опять воспользовались барантаци. На этотъ разъ ихъ

дерзость была просто изумительна; они обезоруживали китайскихъ солдатъ и отбирали у нихъ лошадей, а въ августѣ мѣсяцѣ угнали изъ-подъ стѣнъ Суйдуна второй табунъ китайскихъ казенныхъ лошадей. Но и китайскіе барантчи не дремали; они изъ долины Чалкоде черезъ Кетменскій перевалъ отбарантовали у нашихъ киргизъ 21 лошадь, съ Хоргоса—32, въ долину Сюмбе—50 и, наконецъ, съ Текеса въ одинъ разъ до 1000 лошадей.

Угонъ изъ Чалкоде казаки Кольджатскаго поста вернули; они настигли кызаевъ на лѣвомъ берегу Или, на высотѣ Суйдуна, гдѣ барантчи, при видѣ казаковъ, сейчасъ же разбѣжались.

Баранта на Текесѣ также не имѣла успѣха. Командиръ 2 сотни, получивъ свѣдѣнія о такомъ значительномъ угонѣ лошадей, лично съ полусотней казаковъ кинулся въ погоню вдоль горъ Тянь-шаня и въ то же время направилъ два сильныхъ разбѣзда,—одинъ по правому, а другой по лѣвому берегу р. Текеса. На этотъ разъ барантчи успѣли отойти верстъ на 10 за рѣку Большой-Музартъ, гдѣ ихъ настигли казаки и отхватили 949 лошадей, которыя и были возвращены владѣльцамъ.

Такъ въ постоянной тревогѣ, въ разбѣздахъ и набѣгахъ протекли четыре года службы сотенъ перваго полка.

Нужно замѣтить, что за это время въ пограничныхъ сотняхъ развилась въ сильной степени послабляющая лихорадка, которая вначалѣ появилась между людьми на постахъ въ низовьяхъ Хоргоса, а затѣмъ она охватила всѣ сотни отъ горъ Борохоро и до Кетменскаго хребта. Эта болѣзненность была такъ велика, что ни одинъ казакъ не уходилъ съ поста здоровымъ, послѣ 5—6-ти мѣсячнаго пребыванія на границѣ¹²⁾.

Причины такой чрезмерной заболѣваемости людей крылись, главнымъ образомъ, въ мѣстности и крайне неудовлетворительныхъ помѣщеніяхъ для жилья.

Посты 4, 5, 6 и Кырылганскій, расположенные въ низменной болотистой долинѣ съ постоянно гніющимъ въ ней камышемъ и при 40 градусной температурѣ, не могли не породить эти лихорадки.

Заболѣваемость въ Кольджатѣ проявлялась, благодаря тѣсному размѣщенію казаковъ въ низкихъ и темныхъ полууглубленныхъ землянкахъ, камышевые крыши которыхъ начали загнивать, и никакія санитарныя мѣры не въ состояніи были возстановить въ нихъ здороваго воздуха.

Не меньшее вліяніе на здоровье людей оказывало и близкое сосѣдство загрязненнаго таранчинскаго поселенія, всегда изобилующаго разными болѣзнями.

Урочище Башъ-кунчанъ, гдѣ казаки собирались на лагерный сборъ, съ каждымъ годомъ начало терять свои хорошія санитарныя свойства. Съ расширеніемъ водяныхъ каналовъ, выведенныхъ изъ Хоргоса, въ этой мѣстности значительно увеличилась запашка полей, которыя постепенно приближались къ лагерной площадкѣ, наконецъ, почти съ трехъ сторохъ примкнули къ ней вплотную. Орошеніе полей и особенно клеверниковъ, удобренныхъ навозомъ и требовавшихъ значительно больше влаги, чѣмъ остальные посѣвы, не меньше болотъ заражали воздухъ вредными испареніями и развивали въ людяхъ тѣ же послабляющія лихорадки.

Эти запашки въ окрестностяхъ Башъ-кунчана настолько стѣснили и учебный плацъ, что сотни лишены были возможности производить строевыя занятія въ составѣ полка. Все это вмѣстѣ взятое послужило

причиной перемѣны мѣста подь лагерь, которое и было выбрано въ верховьяхъ р. Тишкана.

Въ 1889 году 1 полкъ принялъ войсковой старшина Шишкинъ, а полковникъ Симоновъ выѣхалъ въ войско на должность атамана 1 отдѣла.

Полковникъ Шишкинъ командовалъ полкомъ 1^{1/2} года; онъ также выѣхалъ въ войско на должность атамана 3 отдѣла, сдавъ полкъ полковнику Шайтанову.

Посѣщеніе войска Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

Осенью 1890 года стало извѣстно, что Государь Цесаревичъ Николай Александровичъ, выѣзжая въ кругосвѣтное путешествіе, посѣтитъ и Сибирское войско. Это извѣстіе съ поразительной быстротой облетѣло станицы. Не было поселка, гдѣ бы казаки ни сходились на сходки для совѣщанія, какъ встрѣтить Дорогого, желаннаго гостя; чѣмъ ознаменовать Его посѣщеніе? Эти вопросы изо дня въ день обсуждались въ станицахъ.

Все офицеры и чиновники войска, во главѣ съ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ постановили: кромѣ иконы и хлѣба-соли на серебряномъ блюдѣ, преподнести Его Высочеству фотографическій альбомъ изъ природы и жизни Сибирскаго войска. По описанію полковника Г. Е. Катанаева, заказанъ былъ и другой альбомъ изъ исторіи службы Сибирскаго войска, исполненный акварелью художникомъ Каразинымъ. Атбасарцы, по иниціативѣ казака С. Е. Бѣлова, ассигновали въ распоряженіе атамана 1 отдѣла 2300 р. Кок-

четавцы и Сандыктавцы рѣшили построить новыя зданія для своихъ станичныхъ школъ. Прѣсновцы, Прѣсногорьковцы и Новорыбенцы назначили также до 2300 рублей.

На эти деньги, а также и деньги Атбасарцевъ, вначалѣ предполагено было заказать двѣ серебряныя фигуры, представляющія семейные проводы казака на службу и встрѣчу его изъ полка старикомъ-отцомъ, матерью и женой. Эта симпатичная идея была одобрена Войсковымъ Атаманомъ, но найдена неудобоисполнимой художникомъ Каразинымъ. Онъ заявилъ, что такая группировка небольшихъ фигуръ на плоскости не произведетъ ожидаемаго впечатлѣнiя; она безусловно хороша только на картинѣ.

Тогда Г. Е. Катанаевъ предложилъ слѣдующее: на одной фигурѣ изобразить коннаго казака на сторожевомъ посту, а на другой—пѣшаго, со значкомъ въ рукѣ на обвалѣ крѣпостной стѣны. Этотъ проектъ былъ одобренъ и Каразинымъ.

На первой фигурѣ представленъ крутой обрывъ скалы, на который, видимо, только что вѣхалъ казакъ и пристально изъ-подъ руки, приложенной къ папахѣ, всматривается въ даль. Конь его, энергично осажженный назадъ, тревожно стоитъ, какъ бы чуя опасность; его хвостъ и грива развѣваются по вѣтру.

Для второй фигуры идея взята изъ боевой жизни Ермака Тимоѣева полка. Здѣсь изображенъ тотъ моментъ, когда послѣ штурма Андигана въ 1875 году, казакъ Березутскій сталъ на крышу ханскаго дворца со значкомъ начальника отряда ¹⁾.

Пока шла переписка по составленiю альбомовъ и заказу фигуръ, было объявлено, что Государь Цесаревичъ изъ Омска прослѣдуетъ на Оренбургъ по Прѣс-

ногорьковской линіи и что для встрѣчи Его Императорскаго Высочества въ Омскѣ должно быть собрано 14 конныхъ сотенъ, въ составѣ трехъ полковъ, подъ командой атамана 1 отдѣла, полковника Симонова.

Этимъ распоряженіемъ отъ 1 отдѣла вызывались 4-хъ сотенный полкъ 2-й очереди подъ командой войскового старшины Ерковского и 2 сотни молодыхъ казаковъ, назначенныхъ въ этомъ году на службу въ Ермака Тимоѣева полкъ. Эти послѣднія со своими офицерами, инструкторами урядниками и трубачами и двумя сотнями молодыхъ казаковъ отъ 2-го отдѣла, составляли полкъ молодыхъ казаковъ, которымъ командовалъ войскового старшина Николай Березовскій. Третій полкъ въ составѣ 6-ти сотенъ отъ 2 отдѣла, былъ подъ начальствомъ войскового старшины Павла Калачева.

Командирами сотенъ № 4-го полка отъ 1-го отдѣла были: подъесауль Киселевъ, сотники: Мериновъ, Сергѣевъ и Берниковъ, а двухъ сотенъ молодыхъ казаковъ — есауль Василій Путинцевъ и подъесауль Петръ Самсоновъ; бригаднымъ адъютантомъ — сотникъ Третьяковъ.

Въ то же время въ Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицахъ шли оживленныя приготовленія къ безостановочному проѣзду Августѣйшаго Путешественника. Здѣсь готовилось:

1. Двѣ полусотни въ почетные караулы въ Новорыбенкѣ и Прѣсногорьковскѣ.
2. 10 конныхъ взводовъ для конвоировація Его Высочества отъ одной перепряжки до другой.
3. По 30 казаковъ для полицейской службы на мѣстахъ перепряжекъ.
4. Парные часовые и ординарцы.

Все это вмѣстѣ съ ямщиками и казаками, назначенными имъ въ помощь для перепряжки лошадей и для смазки экипажей потребовало отъ этихъ двухъ станицъ до 1000 казаковъ, до 300 строевыхъ и до 500 упряжныхъ лошадей, не считая одной сотни льготныхъ и всѣхъ молодыхъ казаковъ, которые вошли въ составъ бригады ²).

По Высочайше утвержденному маршруту, въ 1-мъ отдѣлѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ долженъ былъ имѣть двѣ продолжительныхъ остановки: въ Прѣсновскѣ— для завтрака и въ Прѣсногорьковскѣ для обѣда и ночлега. Въ Прѣсногорьковскѣ для этой цѣли былъ выбранъ домъ казака Кладенова, а въ Прѣсновскѣ— домъ бывшихъ полковыхъ командировъ, находящійся на площади передъ церковью и нынѣ принадлежащій казаку Боярскому. Но отъ этой послѣдней квартиры пришлось отказаться, по случаю болѣзни сына Боярскаго дифтеритомъ. Врачи заявили, что не только въ домъ Боярскаго, но и вообще въ Прѣсновскѣ, при такой заразной болѣзни, лучше не дѣлать продолжительной остановки.

Это печальное обстоятельство послужило причиной переноса завтрака въ Новорыбенскѣ, гдѣ отставной урядникъ Чернигинъ и три казака, братья Бородавкины, приняли на себя всѣ расходы по устройству квартиры въ зданіи начальнаго училища.

Они же предложили всѣхъ своихъ лучшихъ лошадей подъ верхъ Наслѣднику Цесаревичу и его свитѣ для объѣзда войскъ въ Омскѣ во время смотра. Кромѣ того, безвозмездно дали верховыхъ лошадей казакамъ своей станицы, которые не имѣли таковыхъ или имѣли, но не соотвѣтствующихъ качествъ, и окончили полусотню малолѣтковъ-казачатъ, учениковъ своего мужского

училища, приче́мъ однообразно одѣли ихъ въ бѣлыя рубашки съ погонами и кушаками, фуражки съ бѣлыми чехлами и форменныя шаровары. Вооруженіе этихъ казачатъ состояло изъ пикъ укороченнаго размѣра. Кромѣ того, полусотня имѣла шелковый значокъ, на одной сторонѣ котораго было вышито: *Храни Господь въ пути Августѣйшаго Атамана*, а на другой— *Вѣрнопреданные Новорыбенцы*.

Значокъ этотъ работали: жена учителя новорыбенской мужской школы, Т. Г. Катанаева и учительница женской школы Н. С. Рыбалтовская.

Зданіе, въ которомъ помѣщаются мужское и женское училища, было заново отремонтировано; его двѣ комнаты обращены въ гостиную и столовую, а одинъ изъ корридоровъ—въ уборную. Мягкая мебель, драпировки, зеркала, цвѣты и портреты Высочайшихъ особъ составляли убранство гостиной. Особеннаго же вниманія заслуживала столовая, устроенная въ классной комнатѣ мужской школы. Здѣсь съ большимъ вкусомъ были сгруппированы и развѣшаны по стѣнамъ ружья разныхъ системъ, револьверы, шашки, сабли, пики, трубы, серпы, снопы колосевъ. Но больше всего обращалъ на себя вниманіе двуглавый орелъ, составленный изъ клинковъ шашекъ, трубъ, револьверовъ, патронныхъ гильзъ и ружейныхъ стволовъ, въ срединѣ котораго помѣщался портретъ Августѣйшаго путешественника.

Наружный видъ зданія былъ также неузнаваемъ; утопая въ гирляндахъ зелени, оно было красиво убрано флагами, щитами и вензелями.

Всѣ эти работы были исполнены сотниками Н. Ф. Петровымъ и Д. С. Калачевымъ съ нижними чинами оружейной мастерской 1 отдѣла.

Они же много помогали и жителямъ въ украшеніи ихъ домовъ, отчего поселокъ Новорыбенскій въ день проѣзда Государя Цесаревича выдѣлялся на линіи по своему убранству.

Остальные поселки Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ, по бѣдности жителей и отсутствію общественныхъ средствъ, не могли сдѣлать многое, но и здѣсь не было дома, гдѣ бы не было флага. Только Прѣсновское и Прѣсногорьковское станичныя поселенія не многимъ уступали Новорыбенкѣ; здѣсь также казаки не жалѣли средствъ на украшеніе своихъ домовъ флагами, вензелями и щитами. Въ Прѣсногорьковскѣ сотникъ Калачевъ съ нижними чинами той же мастерской выстроилъ двѣ арки и красиво декорировалъ площадь, передъ домомъ Кладенова.

Въ этихъ подготовительныхъ работахъ незамѣтно пролетѣло время до іюня, когда вызванные со льготы полки, начали стягиваться въ Омскъ, гдѣ казакамъ была отведена большая двухъэтажная казарма на казачьей площади.

Тогда же въ Омскъ прибыли отъ всѣхъ станицъ войска станичныя атаманы и по два казака или урядника. Эти депутаты отъ 1 отдѣла были почти исключительно участники Хивинскаго и Коканскаго походовъ. Между ними многіе имѣли по 2 и по 3 знака отличія военнаго ордена, а два кавалера имѣли полный бантъ.

Отъ первоочередныхъ полковъ съѣхались командиры 1-го и 2-го, полковники Шайтановъ, Сарандинаки, и временно командующій 3-мъ полкомъ войсковой старшина Григорій Путинцевъ, всѣ съ полковыми адъютантами и вахмистрами.

Въ это же время въ городѣ кипѣла работа по украшенію улицъ, домовъ и возведенію арокъ. Особенно

дѣятельно хлопотали въ зданіи войскового управленія, гдѣ предположено было предложить Августѣйшему Атаману войсковую хлѣбъ-соль. Неподалеку отъ этого зданія, при выѣздѣ изъ Атаманской улицы, воздвигалась арка „отъ Сибирскихъ казаковъ.“

Еще въ іюнѣ было сдѣлано распоряженіе объ отправленіи въ Томскъ девяти урядниковъ, которые должны были составить постоянный конвой Государя Цесаревича за время путешествія его отъ Томска до Омска и по Прѣсногорьковской линіи. Отъ 1-го отдѣла въ составъ этого конвоя вошли: георгіевскій кавалеръ всѣхъ степеней вахмистръ станицы Прѣсногорьковской, Панкратій Воропаевъ; станичный атаманъ Арыкъ-балыкеской станицы, урядникъ и кавалеръ трехъ степеней, Ѳедоръ Тютинъ; станичные атаманы: Лобановской станицы вахмистръ Василиій Воронкинъ, Аканъ-бурлукской урядникъ Ефимъ Колесниченко и бывший станичный атаманъ станицы Акмолинской Павелъ Кучковскій.

5 іюля эти урядники во главѣ съ своимъ командиромъ, есауломъ Новоселовымъ, имѣли счастье представиться Его Императорскому Высочеству въ Томскѣ въ залѣ губернаторскаго дома. Послѣ милостивой бесѣды съ каждымъ урядникомъ Государь Цесаревичъ изволилъ сказать имъ: „*Очень радъ ѣхать съ вами*“³⁾.

Тогда же въ Томскѣ былъ отправленъ войсковою оркестръ для игры во время завтраковъ и обѣдовъ при слѣдованіи Его Высочества на пароходѣ.

Прибытіе въ Омскъ полковъ и депутацій, со всѣхъ концовъ войска, чрезвычайно оживило городъ. Не было ни одного выѣзда казаковъ на ученье, чтобы горожане не сопровождали полки до мѣста занятій и особенно обратно, когда бригада возвращалась съ

пѣснями. Эти пѣсни, то протяжныя, то удалыя плясовыя, ежедневно, по вечерамъ привлекали общество и въ войсковой скверъ, расположенный противъ казармы, занятой казаками, изъ оконъ которой и разносились по площади родные мотивы. Пѣсни: „Хивинская“, „Запорожская“, „На смерть Ермака“, „Атаманъ ты нашъ“ и еще нѣсколько номеровъ, исполненныхъ пѣсенниками 4-го полка, не разъ вызывали повторенія.

Наконецъ настало 14 юля, день прибытія въ Омскъ Августѣйшаго Атамана. Задолго до назначеннаго часа, народъ толпой повалилъ на лѣвый берегъ Оми и особенно къ устью ея, гдѣ долженъ былъ пристать пароходъ „Николай“, на которомъ слѣдовалъ Его Императорское Высочество. Сюда же съѣхались городскія депутаціи и вышіе представители городского общества, которые размѣстились къ красивомъ павильонѣ, выстроенномъ неподалеку отъ пристани.

Около 3½ часовъ дня къ павильону прибылъ генераль-губернаторъ съ супругой, а ровно въ 4 часа къ пристани подошелъ пароходъ „Николай“, куда сейчасъ же и перешелъ генераль-отъ-кавалеріи баронъ Таубе.

Принявъ почетный рапортъ, Государь Цесаревичъ, соутствующій генераль-губернаторомъ и лицами своей свиты, изволилъ прослѣдовать къ павильону. Здѣсь Его Высочество принялъ хлѣбъ-соль отъ горожанъ и Омской станицы, а затѣмъ, поздоровавшись съ супругой генераль-губернатора и сдѣлавъ общій поклонъ всѣмъ присутствовавшимъ, направился къ экипажу⁴).

Лишь только коляска тронулась съ мѣста, многотысячная толпа огласила воздухъ могучимъ „ура“

и въ то же время народъ кинулся за экипажемъ, направлявшимся къ Пророко-Ильинской церкви, куда прослѣдовалъ Государь Цесаревичъ для выслушанія краткаго молебствія.

Пока происходила служба въ церкви, толпа оставилась и благоговѣйно стояла передъ храмомъ, но какъ только Государь Цесаревичъ снова показался на улицѣ, а затѣмъ и направился садомъ къ генераль-губернаторскому дому, она опять кинулась по Его слѣду. Сдержатъ народъ не было возможности; обгоняя другъ друга, онъ съ восторженными кликами стремительно бѣжалъ за Цесаревичемъ, уничтожая на своемъ пути: цвѣточные клумбы, кусты, молодые деревья.

У подъѣзда дома генераль-губернатора Государя Цесаревича ожидали: рота почетнаго караула со знаменемъ и хоромъ музыки и Начальники всѣхъ управленій и учреждений округа. Между ними находились: предѣдатель войскового правленія, три атамана отдѣла и три командира первоочередныхъ полковъ.

Пропустивъ почетный караулъ мимо себя и принявъ всѣхъ представляющихся, Наслѣдникъ Цесаревичъ удалился въ домъ генераль-губернатора, надъ которымъ уже развѣвался Штандартъ Его Высочества.

Въ этотъ же день, въ 8 часовъ вечера, назначенъ былъ смотръ казачьей бригадѣ, Омскому баталіону и тремъ ротамъ Сибирскаго кадетскаго корпуса.

Къ 7¹/₂ часамъ войска выстроились впереди лагеря и фронтомъ къ Иртышу.

На правомъ флангѣ стали кадеты, лѣвѣе ихъ—баталіонъ, а возлѣ него—3 полка казаковъ въ полковыхъ сомкнутыхъ колоннахъ. Парадомъ командовалъ атаманъ 2. отдѣла, генераль-майоръ Русиновъ.

Къ этому времени впереди войскъ собралась многотысячная толпа народа. Вся интеллигенція Омска была здѣсь.

За 5 минутъ до 8-ми перебаты „ура“ возвѣстили о приближеніи Государя Цесаревича, а еще—двѣ-три минуты, показался и экипажъ Его, окруженный конвойными урядниками. Его Императорское Высочество изволилъ ѣхать съ командующимъ войсками, барономъ Таубе.

Раздалась команда: „смирно“, „на плечо“, Дружно, почти безъ звука, кадеты и солдаты вскинули ружья; у казаковъ колыхнулись пики, сверкнули клинки, и все на минуту замерло.

Между тѣмъ шагахъ въ 300 отъ фронта, Государь Цесаревичъ сѣлъ на вороного коня, присланнаго урядникомъ Чернигинымъ; за Цесаревичемъ пересѣли на лошадей командующій войсками и лица свиты Его Величества.

Раздалась новая команда: „на краулъ“, еще разъ сверкнули клинки, векинулись ружья, и командующій парадомъ подъ звуки встрѣчнаго марша поскакалъ навстрѣчу съ рапортомъ.

Глаза всѣхъ устремились на Цесаревича. Вотъ онъ подѣхалъ къ кадетамъ. „Здравствуйте, господа!“—ясно слышится всюду. „Здравія желаемъ Вашему Императорскому Высочеству“, отвѣчаютъ сотни дѣтскихъ голосовъ, и вслѣдъ затѣмъ ихъ же звучное „ура“ оглашаетъ воздухъ.

„Здравствуйте, братья!“—слышится тотъ же отчетливый привѣтъ, обращенный къ баталіону солдатъ.

Трубачи 4-го полка играютъ „встрѣчу“. „Здорово, казаки!“—слышится опять ясно покрывающій труб-

ные звуки голосъ. „Ура“ казаковъ идетъ перека-
тами отъ полка къ полку.

По мѣрѣ того какъ Августѣйшій Атаманъ медлен-
но ѣхалъ вдоль фронта бригады и внимательно всма-
тривался въ казаковъ, восторженные клики все уси-
ливались и, наконецъ, слились въ одинъ общій гулъ
войскъ и народа, собравшагося здѣсь⁵).

Церемоніальнымъ маршемъ войска проходили два
раза. Сначала казаки шли шагомъ посотенно, а во
второй разъ—также посотенно, но перемѣнными ал-
люрами и по сигналамъ.

Стройно, молодцами проходили казаки.

Смотря на сѣѣзженность сотенъ, съ трудомъ вѣ-
рилось, что это не находящіяся на постоянной служ-
бѣ части, а сформированныя всего за 2—3 недѣли
до смотра и что въ числѣ этихъ стройныхъ сотенъ,
четыре составлены изъ молодежи, которая еще не
была на службѣ и только что вступаетъ въ составъ
первоочередныхъ полковъ.

„Спасибо, казаки!“—слышится голосъ Августѣйшаго
Атамана послѣ каждаго прохожденія сотенъ. „Рады
стараться, Ваше Императорское Высочество! Ура-а-а!“—
отзывались ликующіе Сибирцы на дорогое Атаманское
„спасибо“.

По окончаніи смотра Государь Цесаревичъ снова
обѣхалъ войска и еще разъ благодарилъ каждый
полкъ. Оставшись вполнѣ доволенъ наружнымъ ви-
домъ казаковъ и ихъ строевой подготовкой, Его Вы-
сочество неоднократно объ этомъ заявлялъ Войсковому
Наказному Атаману⁶).

Какъ только Государь Цесаревичъ пересѣлъ въ
коляску, офицеры полковъ, по знаку командира бри-
гады, на карьерѣ вынеслись изъ фронта. Окруживъ

экипажъ, они конвоировали Августѣйшаго Атамана до генераль-губернаторскаго дома, гдѣ Его Высочество изволилъ милостиво обратиться къ нимъ съ слѣдующими словами: „*Благодарю васъ, господа!*“

Въ этотъ день Государь Цесаревичъ былъ въ мундирѣ Лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка.

Около 11 часовъ вечера, когда уже казаки разошлись по казармамъ, было объявлено, что Государь Цесаревичъ, оставшись отменно доволенъ полками, „жалуетъ казакамъ по чарѣ водки каждому“. Восторженные клики безконечно счастливыхъ казаковъ были отвѣтомъ Августѣйшему Атаману за Его высокое вниманіе къ нимъ.

На другой день, 15 іюля, чуть свѣтъ поднялись казаки, чтобы приняться за послѣднія и главнѣйшія приготовленія — чествованіе Августѣйшаго Атамана въ средѣ собравшихся со всѣхъ концовъ войска офицеровъ, полковыхъ и станичныхъ депутацій.

Въ 9 часовъ утра знаменная сотня съ хоромъ музыки подошла къ войсковому правленію для принятія шести знаменъ и старѣйшаго знамени „Тобольскаго“, Царей и Великихъ князей Іоанна и Петра Алексѣевичей. Принявъ знамена, сотня прошла на Никольскую площадь, гдѣ и выстроилось возлѣ войскового собора, фронтомъ къ скверу, имѣя впереди всѣ знамена съ ихъ ассистентами и полковыми адъютантами.

Къ этому времени на площади и по обѣимъ сторонамъ Дворцовой улицы начали выстраиваться полки въ пѣшемъ строю. Противъ дома генераль-губернатора стали всѣ казачьи депутаты. За казаками вдоль улицы и на площади снова собрались огромныя толпы. Всѣ окна домовъ и балконы по Дворцовой улицѣ были также переполнены народомъ.

Ровно въ 10 часовъ началась въ войсковой церкви литургія, а въ 10^{1/2} часовъ Государь Цесаревичъ въ формѣ своего Атаманскаго полка вышелъ изъ генераль-губернаторскаго дома и направился по Дворцовой улицѣ. Ему предшествовали 6 станичныхъ атамановъ съ насѣтками, а шествіе замыкали войсковыя депутаціи, которыя по мѣрѣ прохожденія Государя Цесаревича пристраивались къ Его блестящей свитѣ, гдѣ шелъ и Войсковой Атаманъ.

На площади знаменная сотня отдала Его Высочеству установленную честь, послѣ чего Государь Цесаревичъ прослѣдовалъ въ церковь, куда были внесены и всѣ знамена.

По окончаніи литургіи и молебствія Августѣйшій Атаманъ изволилъ осматривать знамя Ермака и икону, сооруженную казаками въ память чудеснаго событія 17 октября 1888 года; затѣмъ, выйдя изъ церкви и пропустивъ знаменную сотню мимо себя, Наслѣдникъ Цесаревичъ направился въ скверъ, гдѣ къ этому времени выстроились въ линію депутаты-станичники, а противъ нихъ—воспитанники войскового пансіона и дѣти мужской и женской школъ Омской станицы. По другимъ аллеямъ и на площадкахъ сквера у столовъ, заставленныхъ разными яствами, стояли казаки трехъ полковъ. По другую сторону сквера отведено было мѣсто для войсковыхъ дамъ.

Проходя мимо депутатовъ, Государь Цесаревичъ осчастливилъ многихъ кавалеровъ милостивой бесѣдой.

У зданія войскового правленія Августѣйшаго Атамана встрѣтили представители отъ Сибирскаго и Семирѣченскаго войскъ съ иконами и хлѣбомъ-солью.

На флангѣ стоялъ съ иконою Николая Чудотворца

старикъ, отставной полковникъ Саламатовъ, къ которому Государь Цесаревичъ и соизволилъ подойти. Степенно, но видимо волнуясь торжественностью момента, почтенный Федоръ Лаврентьевичъ тихо и мѣрно проговорилъ, обращаясь къ Его Высочеству: „Ваше Императорское Высочество, соблаговолите принять отъ Сибирскаго казачьяго войска усердное его подношеніе, икону исконнаго покровителя войска, тезоименитаго Вашему Высочеству, угодника Божія Николая Чудотворца. Да хранитъ Онъ Васъ во всѣхъ путяхъ Вашихъ“. Приложившись къ иконѣ и освѣдомившись о прохожденіи службы полковника Саламатова, Государь Цесаревичъ подошелъ къ рядомъ стоящему преподносителю иконы Абалацкой Божьей Матери, уряднику Трубачеву, который, въ свою очередь, просилъ Его Высочество принять посильное подношеніе отъ казаковъ станицы Семіярской. Приложившись и къ этой иконѣ, Наслѣдникъ Цесаревичъ обратился къ третьему подносителю хлѣба-соли отъ Сибирскаго войска генераль-майору Русинovu. Выслушавъ краткое привѣтствіе генерала и передавъ принятую хлѣбъ-соль дежурному адъютанту, Августѣйшій Атаманъ обратился къ послѣднему изъ подносителей Наказному Атаману Семирѣченскаго войска, генераль лейтенанту Иванову и затѣмъ прослѣдовалъ по усыпанной цвѣтами и декорированной краснымъ сукномъ лѣстницѣ въ помещеніе войскового правленія⁷).

Здѣсь, у входа въ выставочный залъ, Государь Цесаревичъ былъ встрѣченъ председателемъ войскового правленія, полковникомъ Катанаевымъ, который и имѣлъ счастье докладывать все, что казалось заслуживающимъ вниманія и чѣмъ интересовался Высокій Путешественникъ.

Для обзора были выставлены карты и планы войсковых земель, юртовых казачьих и офицерских участков. Тут же находились серебряные блюда художественной работы, на которых подносилась хлѣбъ-соль отъ Сибирскихъ и Семирѣченскихъ казаковъ; серебряныя фигуры отъ Атбасарцевъ*), Прѣсновцевъ, Прѣсногорьковцевъ и Новорыбенцевъ; альбомы и прекрасной работы чернильница, исполненная въ оружейной мастерской Семирѣченскаго войска. Посвятивъ цѣлый часъ знакомству съ войскомъ въ его прошломъ и настоящемъ по картамъ, рисункамъ и фотографіямъ, Государь Цесаревичъ подъ звуки марша войскового хора прослѣдовалъ въ заль-столовую, гдѣ уже было все готово къ завтраку.

Два большихъ зала, раздѣлявшіеся корридоромъ, теперь при помощи арокъ были соединены въ одинъ, длиною въ 25 и шириною въ 21 аршинъ. Въ стѣнѣ, обращенной на площадь, вмѣсто окна была сдѣлана дверь, ведущая на балконъ съ прекраснымъ видомъ на городъ, площадь и скверъ; всѣ стѣны правленія были убраны гирляндами зелени и увѣшаны портретами Высочайшихъ Особъ и бывшихъ Войсковыхъ Наказныхъ Атамановъ Сибирскаго войска.

Главный почетный столъ былъ поставленъ такъ, чтобы Его Высочество, сидя на одномъ концѣ его подъ сѣнью войсковыхъ знаменъ и своимъ портретомъ, пожалованнымъ войску въ 1881 году, могъ видѣть всѣхъ участвующихъ въ завтракѣ.

Всѣ столы были изящно убраны цвѣтами. У при-

*) Для представленія Августѣйшему Атаману группы отъ Атбасарской станицы прибыли въ Омскъ 4 урядника: Паутовъ, Волосниковъ, Бѣловъ и Няшинъ, но къ сожалѣнію за тѣсною не успѣли своевременно протолкаться къ мѣсту нахождения своего преподношенія и остались не представленными Государю Цесаревичу.

бора Августѣйшаго гостя лежали цвѣточное плато съ инициалами Его Высочества и меню завтрака съ виньеткою изъ казачьяго быта, художественно исполненное Каразинымъ акварельными красками. Такія же меню, но просто отпечатанныя, находились у каждаго прибора.

За столомъ Августѣйшаго Атамана сидѣли старшіе представители Сибирскаго и Семирѣченскаго войскъ и лица свиты Его Высочества: князя Барятинскій, Кочубей, Ухтомскій, контръ-адмиралъ Басаргинъ, штабъ-ротмистръ Волковъ и докторъ медицины Фонъ-Ромбахъ.

Первый тостъ, восторженно встрѣченный долго немолкавшимъ „ура“, былъ тостъ Войскового Атамана за Государя Императора и Государыню Императрицу.

Второй, имъ же предложенный и столь же восторженно встрѣченный,—за Государя Цесаревича и Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ войскъ.

Третій—за Великаго князя Владиміра Александровича, нѣсколько лѣтъ тому назадъ посѣтившаго Сибирь и Сибирское войско.

Четвертый былъ провозглашенъ самимъ Государемъ Цесаревичемъ, громко и отчетливо сказавшимъ: „*Пью за славное сибирское казачье войско и представителей родственнаго ему семирѣченскаго. Ура!*“ Долгими несказанно радостными кликами всѣхъ присутствующихъ было встрѣчено это „ура“ за Сибирское войско, впервые раздавшееся въ средѣ его казаковъ изъ устъ Наслѣдника Престола и Августѣйшаго Атамана⁸).

Послѣдній, столь же восторженно встрѣченный тостъ, былъ за здоровье Царственнаго Путешественника.

Видимо довольный радушіемъ приема, Государь Цесаревичъ долго милостиво бесѣдовалъ съ окружающими Его представителями войска; въ это же время Его Высочество выразилъ желаніе, что бы меню завтрака было прислано Ему.

Изъ зала Наслѣдникъ Цесаревичъ прослѣдовалъ на балконъ, гдѣ Его появленіе было встрѣчено потрясающимъ „ура“ казаковъ и народа, находившагося на казачьей площади и въ скверѣ.

Отсюда Его Высочество прослѣдовалъ въ особо устроенный фотографическій павильонъ, гдѣ разрѣшилъ мѣстному фотографу снять съ себя одинъ большой поясной портретъ и другой въ группѣ съ старшими представителями войска.

Въ этотъ же день о восторженныхъ чувствахъ, воодушевляющихъ Сибирскихъ казаковъ по случаю пребыванія въ средѣ ихъ Августѣйшаго Атамана, было по телеграфу донесено Государю Императору. На эту депешу Войсковой Наказный Атаманъ удостоился получить слѣдующій отвѣтъ: *„Императрица и Я искренно благодаримъ сибирское и семиръченское казачьи войска за выраженные чувства. Радуемся, что Атаманъ лично могъ видѣть казаковъ и вполне увѣрены, что при случаѣ они окажутся достойными своихъ славныхъ предковъ“.* „Александръ“.

Такъ прошелъ этотъ достопамятный день въ жизни Сибирскаго войска.

На другой день, 16 іюля, послѣ освященія и закладки каѳедральнаго собора въ Омекѣ, Государь Цесаревичъ выѣхалъ на Прѣсногорьковскую линію, гдѣ Его Высочество имѣлъ пять продолжительныхъ остановокъ въ районѣ 2-го и двѣ въ 1-мъ отдѣлѣ. Первый обѣдъ и ночлегъ на линіи былъ въ поселкѣ

Покровскомъ, второй—въ станицѣ Полуденной, третій—въ поселкѣ Становскомъ и четвертый—въ станицѣ Прѣсногорьковской. Для завтрака Его Высочество останавливался въ поселкѣ Лебяжемъ, въ городѣ Петропавловскѣ и въ поселкѣ Новорыбенскомъ.

На всемъ пути слѣдованія Государя Цесаревича и особенно въ мѣстахъ остановокъ для обѣда и ночлега, казачьи поселки были переполнены крестьянами изъ сосѣднихъ деревень Тобольской губерніи и киргизами ближайшихъ волостей, выѣхавшими привѣтствовать Цесаревича. Всѣ эти пріѣзжіе, а также конные и пѣшіе казаки, предназначенные въ ординарцы, въ конвойные взводы и почетные караулы, до неузнаваемости оживили Прѣсногорьковскую линію.

Въ поселкѣ Новорыбенскомъ, первой продолжительной остановкѣ Августѣйшаго Атамана въ 1-мъ отдѣлѣ, это оживленіе началось съ полудня 18 іюня, а 19 числа скопленіе народа было такъ велико, что пришлось принять мѣры, чтобы оставить проѣздъ для экипажей по главной улицѣ. Въ этотъ день сюда собрались ученики и ученицы Богатинской, Миролюбовской, Лапушинской и Казанской школъ со своими учителями и попечителями. Эти дѣти вмѣстѣ съ ученицами Новорыбенской школы стали съ правой стороны подъѣзда квартиры Его Высочества. Возлѣ нихъ и у самаго крыльца заняли мѣсто преподносители хлѣба-соли отъ поселка Новорыбенскаго. Тутъ же размѣстились и представители Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ со своимъ подношеніемъ—серебряной фигурой, которая была привезена сюда изъ Омска. По другую сторону крыльца выстроилась полусотня почетнаго караула съ ординарцами, а лѣвѣе ихъ—полусотня казачатъ со значкомъ. На противоположной

сторонѣ улицы и противъ школы заняли мѣсто казаки конвойнаго взвода.

Ровно въ 11 часовъ утра колокольный звонъ возвѣстилъ о приближеніи поѣзда, а спустя $\frac{1}{4}$ часа экипажъ Государя Цесаревича при восторженныхъ кликахъ народа остановился у подъѣзда квартиры. Его Высочество изволилъ ѣхать съ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ. Выйдя изъ экипажа, Наслѣдникъ Цесаревичъ направился вдоль фронта почетнаго караула, здороваясь съ казаками. Принявъ рапортъ ординарцевъ, Августѣйшій Атаманъ обошелъ и полусотню казачать, съ которыми также изволилъ милостиво поздороваться. Пропустивъ затѣмъ мимо себя почетный караулъ и полусотню казачать и поблагодаривъ тѣхъ и другихъ за прохожденіе, Его Высочество подошелъ къ представителямъ поселка. Принявъ хлѣбъ-соль отъ старика Чернигина, Государь Цесаревичъ изволилъ милостиво благодарить какъ его, такъ и депутатовъ отъ Прѣсновской и Прѣсногорьковской станицъ за преподношеніе серебряной фигуры. Отсюда Цесаревичъ прослѣдовалъ къ ученикамъ и ученицамъ школъ, которые встрѣтили Его народнымъ гимномъ. Здѣсь десятилѣтняя ученица Новорыбенской школы преподнесла Его Высочеству полотенце работы ученицъ. Эта малютка, въ обыкновенное время довольно бойкая дѣвочка, теперь настолько растерялась, что не могла сказать и нѣсколькихъ словъ привѣтствія. Ласково улыбнувшись, Государь Цесаревичъ милостиво принялъ и это скромное подношеніе, а затѣмъ, поклонившись присутствующимъ, Его Высочество при восторженныхъ кликахъ народа прошелъ въ помещеніе школы. Въ это же время фигура казака со знаменемъ была перенесена въ сто-

ловую и поставлена на столъ, на которомъ былъ сервированъ завтракъ.

Къ завтраку были приглашены: Войсковою Наказный Атаманъ, Акмолинскій губернаторъ, атаманы 1 и 2 отдѣловъ, предсѣдатель Войсковаго правленія, начальникъ почетнаго караула, сотникъ Нестеровъ, и ординарецъ сотникъ Петровъ.

Войдя въ столовую, Государь Цесаревичъ внимательно осмотрѣлъ убранство этой комнаты и особенно работу орла, впереди котораго было Его мѣсто за столомъ.

Здѣсь кушанья подавали три дѣвушки: одна дворянка и двѣ дочери казаковъ. Во все время завтрака хоры учениковъ и ученицъ, поставленные на улицѣ у оконъ столовой, пѣли народныя и казачьи пѣсни.

Окончивъ завтракъ, Его Высочество перешелъ въ гостиную, гдѣ еще нѣкоторое время изволилъ милостиво бесѣдовать съ присутствующими.

Въ часъ дня Августѣйшій Путешественникъ отбылъ изъ Новорыбенки. За его коляской сейчасъ же вынеслась полусотня казачать со значкомъ, который держалъ малолѣтокъ Бородавкинъ, а сбоку и нѣсколько въ сторонѣ скакали казаки конвойнаго взвода.

Въ Прѣсновскѣ Государь Цесаревичъ остановился у церкви, на паперти которой Его встрѣтило мѣстное духовенство въ полномъ облаченіи. Приложившись ко кресту, Его Высочество подошелъ къ станичной депутаціи, которая стояла съ хлѣбомъ-солью у юрты, выставленной на площади противъ церкви. Здѣсь же собрался и народъ привѣтствовать Августѣйшаго Путешественника.

Поблагодаривъ депутацію и наградивъ конвоировъ-казачать каждого серебрянымъ рублемъ, Государь

Цесаревичъ, напутствуемый благопожеланіемъ Прѣснцевъ, выѣхалъ дальше.

Какъ только экипажъ Цесаревича тронулся съ мѣста, Бородавкинъ со значкомъ присоединился къ конвойному взводу. Такъ онъ скакалъ 60 верстъ на одной лошади до поселка Кабановскаго. Здѣсь Бородавкинъ пересѣлъ на другую лошадь, наканунѣ высланную ему отцомъ, и еще проскакалъ 48 верстъ до Прѣсногорьковска.

Такой пробѣгъ тринадцатилѣтняго мальчика не могъ не обратить на себя вниманіе Августѣйшаго Атамана, и Его Высочество не одинъ разъ изволилъ дорогой спрашивать, не утомился ли Бородавкинъ, на что всегда слѣдовалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Высочество“.

Этотъ мальчикъ былъ дѣйствительно замѣчательный наѣздникъ по своимъ лѣтамъ. Отлично управляя конемъ, онъ въ то же время чрезвычайно красиво сидѣлъ въ сѣдлѣ и положительно не зналъ утомленія отъ верховой ѣзды. Проскакавъ 110 верстъ, Бородавкинъ до глубокой ночи оставался на ногахъ, готовя въ Прѣсногорьковскѣ своего любимаго коня къ предстоящей скачкѣ на другой день.

Чтобы въ полной мѣрѣ судить о пробѣгѣ Бородавкина, необходимо замѣтить, что поѣздъ Цесаревича все время шелъ со скоростью 20—22 верстъ въ часъ и разстояніе 110 верстъ было пройдено въ $7\frac{1}{2}$ часовъ времени.

Этой быстрой ѣздѣ много способствовали ровная прекрасная дорога и лихачи-казаки, которые отлично управляли упряжными лошадьми, тройками подобранными въ масть. Всѣ ямщики были однообразно одѣты: форменныя шаровары, бѣлыя рубашки съ погонами, кушаки и папахи составляли ихъ одежду.

Отъ Прѣсновска до станицы Прѣсногорьковской Государь Цесаревичъ имѣлъ 6 непродолжительныхъ остановокъ для перепряжки лошадей, гдѣ поселковыя общества Его привѣтствовали хлѣбомъ-солью. Въ поселкѣ Кабановскомъ къ конвойному взводу присоединились ученики мѣстной школы на лошадяхъ своего попечителя, казака Акима Ѳедорова. И эти казачата получили отъ Его Высочества по серебряному рублю.

Ко времени прибытія Государя Цесаревича въ Прѣсногорьковскъ, здѣсь такъ же какъ и въ Новорыбенскѣ, съ правой стороны подъѣзда дома стали представители станицы съ хлѣбомъ-солью; правѣе ихъ—ученики и ученицы школъ со своими наставниками и попечителями, а по другую сторону крыльца выстроился почетный караулъ изъ льготныхъ казаковъ съ ординарцами; тутъ же стояла и другая полусотня, составленная изъ кавалеровъ, урядниковъ и казаковъ, участниковъ Хивинскаго и Коканскаго походовъ. Эти почтенные старики, украшенные знаками отличія военнаго ордена и медалями, положительно привлекали къ себѣ вниманіе всѣхъ пріѣзжихъ, а ихъ было такъ много, что площадь передъ квартирой Цесаревича была буквально переполнена народомъ.

Около 8 часовъ вечера Государь Цесаревичъ въѣхалъ въ Прѣсногорьковскъ. Его сопровождалъ конвойный взводъ, а рядомъ съ коляской скакалъ Бородавкинъ со значкомъ. Выйдя изъ экипажа, Его Высочество поздоровался съ почетнымъ карауломъ; принявъ затѣмъ ординарцевъ, Государь Цесаревичъ осчастливилъ и стариковъ: „Здорово, молодцы!“—прозвучалъ его чудный голосъ. „Здравія желаемъ Ваше-

му Императорскому Высочеству! — какъ одинъ человекъ, отвѣтили кавалеры, и затѣмъ ихъ могучее, боевое „ура“, слилось вмѣстѣ съ кликами народа.

И здѣсь Августѣйшій Атаманъ пропустилъ казаковъ мимо себя. Нужно было видѣть какими молодцами проходили старики-кавалеры и какъ они были счастливы, когда Государь Цесаревичъ снова осчастливилъ ихъ словами: „Спасибо, молодцы“.

Принявъ затѣмъ хлѣбъ-соль и милостиво поблагодаривъ за это подносителей, Его Высочество подошелъ къ учащимся дѣтямъ, которыя встрѣтили его народнымъ гимномъ. Отсюда Августѣйшій Атаманъ прослѣдовалъ въ домъ, куда на обѣдъ были приглашены всѣ начальствующія лица, а также начальник почетнаго караула есаулъ Назаровъ и ординарецъ сотникъ Калачевъ.

Въ это же время площадь передъ домомъ Цесаревича освѣтилась огнями. Гирлянды разноцвѣтныхъ фонарей, вензеля и транспоранты съ инициалами Его Высочества и масса флаговъ всевозможныхъ размѣровъ придали площади очень красивый видъ.

Между тѣмъ въ павильонѣ и на столахъ, разставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ, началось угощеніе народа чаемъ съ печеніями, сладостями, пивомъ и медомъ. Всюду слышенъ былъ говоръ, веселье. По временамъ раздавались перекаты „ура.“ То были тосты за драгоценное здоровье Государя Императора, матушки Царицы и Августѣйшаго Атамана. Его Высочество еще не окончилъ обѣдать, какъ станичники собрались въ кружокъ и затянули свои родные мотивы; ихъ примѣру послѣдовали и казаки, — онѣ составили хороводъ. Нѣсколько въ сторонѣ кто-то отхватывалъ „казачка“ подъ скрипку съ бандурой и трен-

зелемъ. Только ближе къ дому, молча безъ шапокъ стояли глубокіе старцы; они не принимали участія въ общемъ весельи, оно ихъ не занимало; ихъ мысли были сосредоточены на окнахъ дома, въ которомъ находился Наслѣдникъ Престола. Они Его ждали и не напрасно,—послѣ обѣда Государь Цесаревичъ вышелъ на крыльцо. Какимъ могучимъ „ура“ встрѣтилъ Его народъ и какъ были счастливы эти убѣленные сѣдиной старики, что еще разъ имъ представился случай видѣть Дорогого желаннаго Гостя; они молились и благословляли Его.

Въ этотъ вечеръ и ночью поведеніе толпы было выше всякой похвалы. Послѣ того какъ было объявлено, что Государь Цесаревичъ ушелъ опочивать, народъ сталъ расходиться по домамъ; площадь опустѣла и не только пѣсенъ, но и громкаго говора не было слышно. Такъ себя вела толпа и утромъ, пока не было извѣстно, что Августѣйшій путешественникъ всталъ. Передъ выѣздомъ изъ Прѣсногорьковска Его Высочество потребовалъ къ себѣ на квартиру предсѣдателя войскового правленія и атамана 1 отдѣла. Милостиво поблагодаривъ каждаго за радушный приѣмъ и порядокъ, который соблюдался во время проѣзда Его Высочества по линіи, Государь Цесаревичъ еще разъ изволилъ выразить свою благодарность атаману 1 отдѣла за прекрасное состояніе полковъ, представлявшихъ Его Высочеству въ Омскѣ.

Тутъ же Государь Цесаревичъ передалъ полковникамъ Симонову и Катанаеву свои портреты съ собственноручной подписью „Николай 1891 г.“

Около 7½ часовъ утра Его Высочество, при восторженныхъ кликахъ народа, выѣхалъ дальше; до границы Оренбургскаго войска оставалось около 60 верстъ.

Весь этотъ путь за коляской Цесаревича снова скакаль Бородавкинъ со значкомъ на второй своей лошади*).

Кромѣ конвойныхъ взводовъ, съ половины дороги приняли участіе въ сопровожденіи Его Высочества наѣздницы-киргизки въ своихъ національныхъ костюмахъ. Замѣчательно красивую картину представляли эти степныя амазонки! Тутъ же мчались станичники, казачата, казачки, крестьяне, кто верхомъ, кто въ телѣгахъ, кто дорогой, кто полемъ, обгоняя другъ друга, лишь бы скорѣе добраться до границы и еще разъ взглянуть на „Красное Солнышко“.

Въ это время и на границѣ замѣчалось небывалое оживленіе. Здѣсь также съѣхалось много народу, чтобы взглянуть на Дорогого Гостя.

Въ 9^{1/2} часовъ утра Государь Цесаревичъ вышелъ изъ экипажа, остановившагося у юртъ, выставленныхъ по распоряженію Акмолинскаго губернатора въ 100 шагахъ отъ границы.

Послѣ 10-минутной остановки, Его Высочество прослѣдовалъ къ триумфальной аркѣ, воздвигнутой Оренбургцами на самой границѣ, гдѣ Его ожидало начальство Оренбургскаго края. Принявъ хлѣбъ-соль, Государь Цесаревичъ направился къ почетному караулу, конвойной сотнѣ и сотнѣ казачатъ. Честь и слава товарищамъ Оренбургцамъ: ихъ сотни отличались замѣчательнымъ подборомъ казаковъ и казачатъ и отличнымъ снаряженіемъ тѣхъ и другихъ.

Пропустивъ эти части церемоніальнымъ маршемъ, Государь Цесаревичъ изволилъ снова прослѣдовать въ юрту, гдѣ наши казачки еще разъ имѣли счастье угощать Его чаемъ.

*) На этомъ же конѣ въ конвоѣ командующаго Сибирской казачьей дивизіи Бородавкинъ сдѣлалъ походъ въ Манчжурію въ 1900 г.

Въ это время, по приказанію Его Высочества, значокъ Новорыбенцевъ былъ отнять отъ древка и уложенъ въ одинъ изъ ящиковъ коляски, въ которой ѣхалъ Государь Цесаревичъ.

Когда уже все было готово къ отъѣзду, Его Высочество, милостиво поблагодаривъ свой постоянный конвой за службу, а затѣмъ простившись съ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ, отбылъ въ Оренбургское войско, напутствуемый благопожеланіями вѣрноподанныхъ Сибирцевъ.

Долго еще казаки оставались на мѣстѣ, смотря въ слѣдъ удалявшемуся поѣзду, и только когда послѣдній экипажъ скрылся изъ виду, они мало-по-малу стали расходиться по степи, чтобы подѣлиться другъ съ другомъ впечатлѣніями незабвенныхъ дней.

Уѣзжая изъ Прѣсногорьковска, Государь Цесаревичъ подарилъ на память Войсковому Наказному Атаману свой портретъ въ богатой рамкѣ. Сотники Петровъ и Калачевъ получили отъ Его Высочества драгоценныя запонки. Каждый конвойный урядникъ—серебряные часы и по 50 руб. деньгами; малолѣтокъ Бородавкинъ и урядникъ Чернигинъ—золотые часы; казаки: Яковъ и Аѳанасій Бородавкины, и урядникъ Няшинъ—серебряные; урядники: Бѣловъ, Паутовъ, Волосниковъ и казакъ Алексѣй Бородавкинъ—драгоценныя перстни. Такія же кольца получили г-жа Катанаева и Рыбалтовская.

Въ томъ же году Государь Императоръ Всемилоствѣйше пожаловалъ всѣмъ конвойнымъ урядникамъ по одному полуимперіалу на человѣка и, независимо сего, вахмистрамъ: Кучковскому, Колесниченко, Воронкину и уряднику Тютину—серебряныя медали на Станиславской лентѣ для ношенія на шеѣ.

Всѣ конвойные урядники и казаки, сопровождавшіе Августѣйшаго Атамана по территоріи войска, по Высочайшему повелѣнію, получили по серебряному рублю каждый⁹⁾.

Заканчивая описаніе достопамятныхъ дней въ жизни войска, нельзя не отмѣтить того отраднаго явленія, что, несмотря на полный неурожай хлѣба и травъ подрядъ два года, казаки, призванные со льготы на службу, на сборы не потребовали ни одной копейки отъ войска и вездѣ представились Августѣйшему Атаману вполне исправно снаряженными¹⁰⁾.

Н. Симоновъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, Великій Князь Финляндскій
и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕЙ 1-й сотнѣ 1-го коннаго полка сибирскаго
казачьяго войска.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благоволенія НАШЕГО, за оказанные подвиги мужества и храбрости 1-ю сотнею 1-го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска, во время Коканскаго похода, при штурмѣ города Андижана 1-го октября 1875 года, Всемилоствѣйше жалуемъ сотнѣ сей знаки на папахѣ съ надписью «за штурмъ г. Андижана 1-го октября 1875 года». Повелѣваемъ: знаки сіи носить по установленію.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Варшавѣ,
26-го августа 1876 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, Великій Князь Финляндскій
и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕЙ 2-й сотнѣ 1-го коннаго полка сибирскаго
казачьяго войска.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благо-
воленія НАШЕГО, за оказанные подвиги мужества
и храбрости 2-ю сотнею 1-го коннаго полка Сибир-
скаго казачьяго войска, во время Коканскаго похода,
при штурмѣ г. Андижана 1-го октября 1875 года,
Всемилостивѣйше жалуемъ сотнѣ сей знаки на
папахъ съ надписью «за штурмъ г. Андижана 1-го
октября 1875 года». Повелѣваемъ: знаки сіи но-
сить по установленію.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Варшавѣ,
26-го августа 1876 года.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, Великій Князь Финляндскій
и прочая, и прочая, и прочая.

НАШЕЙ 4-й сотнѣ 1-го коннаго полка сибирскаго
казачьяго войска.

Въ ознаменованіе особеннаго Монаршаго благо-
воленія НАШЕГО, за оказанные подвиги мужества и
храбрости 4-ю сотнею 1-го коннаго полка Сибирскаго
казачьяго войска, во время Коканскаго похода, въ
дѣлѣ противъ непріятели въ ночь съ 4-го на 5-е октября
1875 года при селеніи Хақы-Хавать, Всемилости-
вѣйше жалуемъ сотнѣ сей Георгіевскія серебряныя
трубы съ надписью: за дѣло при селеніи Хақы-Хавать
въ 1875 году».» Повелѣваемъ: трубы сіи употреб-
лять на службу НАМЪ и Отечеству съ вѣрностію и
усердіемъ, Россійскому воинству свойственными.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Варшавѣ,
26-го августа 1876 года.

ПРИМЪЧАНІЯ.

На Прѣсногорьковской линіи и въ Киргизской степи. *Стр.*

1. Хронологическій перечень изъ исторіи Сибирскаго казачьяго войска Н. Путинцева	2
2. Статистическое описаніе Сибирскаго войска О. Усова	2
3. Хронологическій перечень изъ исторіи Сибирскаго войска Н. Путинцева	3
4. Тоже	5
5. Тоже	5
6. Статистическое описаніе Сибирскаго войска О. Усова	5
7. Записки Западно-Сибирскаго Географическаго общества 1898 г. И. Словцова	6
8. Тоже	7
9. Тоже	8
10. Хронологическій перечень изъ исторіи Сибирскаго казачьяго войска Н. Путинцева	10
11. Тоже	12
12. Тоже	14
13. Тоже	15
14. Тоже	15
15. Тоже	17
16. Тоже	17
17. Тоже	18
18. Тоже	19

На среднеазиатской границѣ.

1. Хронологическій перечень изъ исторіи Сибирскаго казачьяго войска Н. Путинцева	23
2. Тоже	24
3. Тоже	24
4. Архивъ штаба 1 полка	27
5. Тоже	28
6. Тоже	29
7. Тоже	30

Въ хивинскомъ походѣ.

1. Военный сборникъ 1887 г. № 10	32
2. Тоже 1873 г. № 8	33

	<i>Стр.</i>
3. Военный сборникъ 1873 г. № 8	34
4. Тоже 1873 г. № 11	34
5. Тоже 1873 г. № 11	35
6. Тоже 1873 г. № 11	36
7. Тоже 1873 г. № 11	39
8. Тоже 1873 г. № 11	43
9. Тоже 1873 г. № 11	44
10. Тоже 1873 г. № 11	48
11. Тоже 1873 г. № 11	50
12. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа	54

Наканунѣ коканской войны.

1. Записки приказнаго Кирилла Иванкина	58
--	----

Въ коканскомъ походѣ.

1. Военныя дѣйствія противъ коканцевъ. Военный сборникъ 1876 г. № 1	68
2. Тоже	69
3. Архивъ штаба 1 полка	70
4. Военный сборникъ 1876 г. № 1	71
5. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа 1875 г.	71
6. Тоже	72
7. Тоже	73
8. Военный сборникъ 1876 г. № 1	75
9. Тоже	76
10. Тоже	82
11. Тоже	83

Андижанъ-Хакихавать.

1. Военный сборникъ 1876 г. № 2	84
2. Тоже	86
3. Тоже	87
4. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа 1876 г.	87
5. Тоже	88
6. Тоже	89
7. Тоже	90
8. Тоже	91

Въ зимнемъ походѣ.

1. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа 1876 г.	94
2. Тоже	94

	<i>Стр.</i>
3. Военный сборникъ 1876 г. № 8	95
4. Тоже	96
5. Тоже	97
6. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа	97
7. Военный сборникъ 1876 г. № 8	98
8. Тоже	101
9. Тоже	102
10. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа	103
11. Тоже	104
12. Архивъ штаба 1 полка	105

Въ джамскомъ походѣ.

1. Архивъ штаба 1 полка	105
2. Тоже	105
3. Тоже	107
4. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа 1878 г.	107
5. Архивъ штаба 1 полка	108
6. Тоже	111
7. Тоже	112
8. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа	113
9. Архивъ штаба 1 полка	114
10. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа 1880 г.	114

Въ кульджинскомъ походѣ.

1. Архивъ штаба 1 полка	114
2. Военный сборникъ 1887 г. № 11	114
3. Приказъ по войскамъ Туркестанскаго округа 1880 г.	115
4. Архивъ штаба 1 полка	116
5. Военный сборникъ 1887 г. № 11	117
6. Архивъ штаба 1 полка	117
7. Тоже	118
8. Тоже	118
9. Военный сборникъ 1873 г. № 2	123
10. Архивъ штаба 1 полка	125
11. Тоже	126
12. Тоже	127
13. Тоже	130

Въ оккупационномъ отрядѣ.

	<i>Стр.</i>
1. Архивъ штаба 1 полка	131
2. Тоже	133
3. Тоже	134
4. Тоже	135
5. Тоже	143
6. Тоже	145

На китайской границѣ.

1. Архивъ штаба 1 полка	147
2. Тоже	149
3. Тоже	150
4. Тоже	152
5. Тоже	156
6. Тоже	157
7. Тоже	159
8. Тоже	162
9. Тоже	164
10. Тоже	167
11. Тоже	169
12. Тоже	170

Посѣщеніе Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ
Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ.

1. Письмо Г. Е. Катанаева	173
2. Архивъ управленія атамана 1 отдѣла	175
3. На востокъ. Путешествіе Наслѣдника Цесаревича. Ухтом- скій, т. VI	178
4. Тоже	179
5. Тоже	182
6. Тоже	182
7. Тоже	185
8. Тоже	187
9. Приказъ по Сибирскому казачьему войску 1891 г.	198
10. На востокъ. Путешествіе Наслѣдника Цесаревича. Ухтом- скій, т. VI	198

